

по самой
высокой
цене

Продана

ЛОРЕН ЛЭНДИШ
УИЛЛОУ ВИНТЕРС

BestRomanceBooks

Автор: Лорен Лэндиш, Уиллоу Винтерс

Название: Продана: по самой высокой цене

Серия: По самой высокой цене

Жанр: СЛР, темный роман, психологический роман

Рейтинг: 21+

Переводчик: Мария Смирнова

Пролог

Айзек

Я молча захожу в ее комнату, оглядывая ее соблазнительные изгибы. Она раскрыта для меня, лежа на спине, ее колени согнуты, а пятки уперлись в матрас. Мой член твердеет в штанах, когда я вижу ее голую и блестящую от соков киску.

Давненько я не хотел что-то так сильно. Думаю о ней каждую минуту. Катя, мой маленький котенок. Даже когда я закрываю глаза, она все равно не выходит у меня из головы. Я практически одержим ей.

И теперь она есть у меня.

Мое сердце бешено бьется от предвкушения, пока я медленно иду к ней. Мягкий ковер приглушает звуки моих шагов.

В этот момент она погружена в свои мысли, лицо абсолютно спокойное, а грудь слегка приподнимается и опускается. Она не принадлежит никому. Ни мне, ни ее прошлому.

Толстое одеяло под ней с небольшим вырезом посередине полностью белое, но при ближайшем рассмотрении можно заметить тонкие серебряные нити, создающие изящный дамасский узор. Цвет нитей совпадают с цветом шрамов, идущих от плеч вниз по ее спине, и которые портят ее нежную кожу.

Они лишь частично отражают ее боль, но также показывают ее силу. Они — доказательство того, что она преодолела.

Она залечивает раны, и я собираюсь помочь ей в этом. Я знаю, что ей необходимо, и могу стать тем, кто успокоит ее боль, давая ей острое наслаждение, которое можно получить от такого рода отношений. Темная часть меня жаждет этого.

Она отказывалась от моего ошейника в течение нескольких недель. Я знал, что она хотела его, но проблема заключалась в том, что ошейник, который она носила в последний раз, она надела не по своей воле.

Всего несколько шагов, и я уже стою над ней, любясь ее великолепными чертами. Ее пухлые губки так и просятся поцеловать их, ее длинные светлые волосы рассыпались веером по ее плечам, которые поцеловало солнышко.

Мой взгляд скользит по моему ошейнику, плотно облегающий ее шею. Она могла бы снять его, если бы захотела. Но Катя оставила его. Она жаждет доверия и связи между Доминантом и Сабмиссивом. Но она нуждается в отношениях Хозяина и Раба.

И теперь у нее это есть. Я горжусь тем, что дал ей это.

На мое, казалось бы, неожиданное прикосновение, ее стоны наполняют тихую комнату. Твою ж мать. Она влажная и ждущая меня. Мои пальцы скользят по ее мягким, влажным складочкам, и я поражаюсь тому, насколько она готова для меня. Из-за возрастающей эрекции молния на моих брюках натягивается. Она слегка откидывает голову, в то время как тихие стоны слетают с ее губ, но повязка на ее глазах не позволяет ей увидеть меня. Она

даже не знала, что я был рядом с ней, пока не прикоснулся к ней кончиками моих горячих и теперь уже скользких от ее возбуждения пальцев. Я могу доказать ей, что она может снова доверять и может насытить мое желание полного контроля.

В тот момент, как она согласилась и вышла на эту сцену, чтобы быть проданной, *она стала моей*.

— Я скучал по тебе, котенок, — произношу я негромко глубоким голосом, и даже интонация заставляет ее губки распахнуться от желания.

— Я скучала по тебе, Хозяин, — она сильно втягивает воздух в легкие, ее дыхание рваное и голос дрожит. Ее мягкий голос демонстрирует отражение ее искусной покорности. Покорности, которой ее научил кто-то другой. Но теперь она моя.

Прошло всего несколько часов, как мы расстались, но мне было необходимо выполнить неотложные дела, которые задержали меня, поэтому каждый час без нее превращался в день, и я действительно соскучился по ее прикосновениям.

Когда мои пальцы проникают в нее, ее стенки плотно сжимают их. Мне приходится закрыть глаза, потому что это ощущается божественно, она словно молит меня взять ее прямо сейчас. Вместо этого я начинаю двигать своими пальцами, слушая чмокающие звуки, смешанные со звуками ее мягких стонов. Она заслуживает того, чтобы ее вознаградили за ожидание, так как она была хорошей девочкой.

Катя прикусывает губу, заглушая свои крики удовольствия. Ее липкая влага стекает вниз по моим запястьям. Она, очевидно, также скучала по моим прикосновениям.

Я люблюсь ее великолепным телом, как она пытается противостоять природным инстинктам, корчась на большой кровати.

Я глажу ее стеночки, чувствуя, как огонь желания разгорается все больше.

Иногда она предпочитает быть связанной толстой грубой веревкой и привязанной к кровати. Иногда ей даже нравится быть полностью связанной. Вид ее ждущей, связанной и беспомощной... Не буду лгать, мне это чертовски нравится.

Но я никогда не трогаю ее лодыжки, никогда ничего не оберну вокруг ее лодыжек.

В тусклом свете комнаты едва поблескивают драгоценности, переливаясь на ее инкрустированном браслете, надетом на лодыжку. Он скрывает шрамы, от которых она еще не полностью излечилась. Он тяжелый, имитирующий вес цепи, которая однажды прорвала ее кожу до кости. Носить его — это ее выбор. Однажды, когда я действительно освобожу ее от прошлого, она выбросит его навсегда.

Она может быть рабом для меня, но я ее Хозяин, и знаю, в чем она отчаянно нуждается.

Бедра Кати начинают дрожать, когда ее оргазм приближается, но я не останавливаюсь. Она знает, что пока еще нельзя кончать до тех пор, пока я не дам ей разрешение. Я владею ее удовольствием. Мы оба это знаем.

Я скольжу в нее пальцами и наблюдаю за тем, как меняется выражение ее лица под действием похоти.

Направление моей руки заставляет ее тело слегка вздрагивать, а, кроме того, ее ноги дрожат от необходимости освобождения.

Прямо сейчас я могу делать с ней все, что захочу. Не потому что я сильнее или из-за контракта, а потому, что она хочет меня.

Потому что она *нуждается* во мне, чтобы в этот самый момент я делал с ней все, что хочу.

— Зачем я нужен тебе? — спрашиваю ее.

Я знаю, что она предназначена для меня. В тот момент, как я увидел ее, сразу понял, что она нуждалась во мне так же, как я нуждался в ней.

— Хозяин, — хнычет она, ее голова слегка повернута в сторону из-за перегрузки от потребности, пока я по-прежнему безжалостен к ее телу.

Даже с тяжелым, украшенным драгоценными камнями металлом браслета, закрывающим шрамы на ее лодыжке, она не осознает, понятия не имеет, почему я ей нужен.

Я хватаю ее за горло левой рукой, прекращая свои движения. Я надавливаю двумя пальцами на ее шероховатую, чувствительную точку G внутри нее. Она близка, и ей необходимо прийти к кульминации, но мне нужно услышать, как она произнесет это.

— Почему ты называешь меня Хозяином, Катя?

Мой голос суров, в то время как я выниманию пальцы из ее уютного тепла и срываю повязку с ее глаз. Я осторожен, чтобы не зацепить ее волосы, но она не знает об этом. Катя понятия не имеет, насколько я осторожен с ней.

Но она не отвечает, страх плещется в ее светло-голубых глазах, она задерживает дыхание.

Она хочет угодить мне, но не может ответить, так как не знает ответа.

— Потому что ты мой Хозяин, — говорит она с поддельной уверенностью.

Я наклоняюсь вперед, усиливая хватку на ее горле, и шепчу ей на ухо:

— Почему?

Мое дыхание щекошет чувствительную кожу на ее шеи, пуская мурашки по всему телу.

Ее плечи поднимаются и опускаются от ее глубоких вдохов, в то время как глаза сосредоточены на мне.

— Потому что ты купил меня, — отвечает она тихим голосом, и даже то, как она это произносит, совсем не то, что я ожидаю, и она знает об этом. Я вижу разочарование в ее глазах.

Мои губы прижимаются к ее лбу, отражая боль, которую я испытываю от ее ответа.

— Нет, котенок, — отвечаю я.

Это не имеет ничего общего с этим. Она в полной безопасности со мной. Для нее не должно существовать никаких забот, я беру их на себя. Катя не понимает этого, потому что для нее слово «Хозяин» означает нечто иное. Речь идет о контроле. И, да, у меня это есть. Но здесь речь идет о чем-то большем, чем только это.

Я делаю шаг назад, чтобы холодный воздух заменил мое тепло, пока расстегиваю ремень.

Я покажу ей, почему я заслужил так называться. Толстая кожа ремня издает характерный звук, когда я тяну его из шлевок.

Она научиться. И тогда она будет по-настоящему принадлежать мне.

— Встань на колени, котенок.

Глава 1

Айзек

Грубой подушечкой большого пальца я провожу по нижней губе, мой локоть лежит на столе, и я смотрю в находящийся передо мной монитор. На экране переключаются камеры, и мне слежение за всем не доставляет никаких трудностей. Если сказать честно, я бы предпочел выполнять работу сам, но я — босс, и в настоящее время нахожусь там, где нужен.

Изменив положение своего тела в большом кресле, я вздыхаю, так как день был

утомительный.

Клуб «Х» нуждается в безопасности и постоянном контроле.

Члены клуба, Доминанты как мужского, так и женского пола, проходят тщательную подготовку прежде, чем им будет разрешено заниматься какой-либо деятельностью здесь, но случиться может всякое. А иногда несчастные случаи совсем не случайны, независимо от того, как строги наши правила приема в клуб. Такое продолжается довольно долго с серьезными последствиями, которые требуют к себе серьезного отношения. Но многие из этих членов являются новичками в таких сценах, а с неопытностью приходят ошибки.

Такие ошибки как то: Сабмиссивы забыли кодовое слово, а Доминанты не замечают признаки того, что с его партнером не все в порядке. Они поглощены данным моментом и верят, что их сабы произнесут кодовое слово.

Девяносто процентов времени тратятся на наше вмешательство по таким причинам, как недопонимание и необоснованное доверие.

По этой причине я ненавижу стоп-слова. Хороший Доминант сам должен знать, когда остановиться. Но многие люди здесь являются новичками, они еще только учатся, раздвигая границы друг друга. Более половины отношений здесь являются новыми или носят временный характер.

Ошибки неизбежны. Тем не менее, это моя работа — убедиться, что они происходили как можно реже.

Я лично обучал сотрудников, чтобы они контролировали зону безопасности, проверяли каждую подворотню. Защита членов клуба стояла номером один в списке наших приоритетов, и по этой причине конфиденциальность членов в клубе была лишь иллюзией.

Я хочу сказать, что имеется причина, по которой мужчины и женщины *играют* здесь. В клубе создана атмосфера, где царит пьянящий и манящий дух, но помимо прочего они находятся здесь в *безопасности*. Будет ли саба или раб доверять или нет своему Дому и Хозяину — это их дело, мы здесь, чтобы убедиться, что с ними все будет в порядке. Мы обеспечиваем чувство безопасности, которое необходимо для многих из этих женщин, чтобы они ослабили контроль и полностью погрузились в этот образ жизни.

Когда пара выходит из клуба, между ними, в самом деле, должно существовать доверие... за исключением аукционов. Это совершенно другое.

Холодок пробегает по моей спине при мысли об аукционе. Это редкость, когда покупатель и покупаемая не знают друг друга близко. Но иногда такое случается. Как это случилось с Люцианом и его новой сабой. Напоминание об этом разгоняет мою кровь.

Еще один Дом с сабой. Я рассеянно сжимаю челюсть, глаза перемещаются от одного экрана к другому. Несмотря на то, что я здесь работаю, а работникам обычно не разрешается участвовать в сценах, но я все же пробовал себя в игре. Госпожа Линн закрывает глаза, пока я осторожен. Это одно из преимуществ, которое помогает превращать и формировать клуб таким, какой он есть сегодня.

Я распрямляюсь в кресле, устраиваясь поудобнее и позволяю своим мыслям увести меня в темные уголки моего разума, где обитают мои порочные фантазии. Я работаю, и сейчас у меня нет времени предаваться фантазиям. Здесь все равно нет никого, кто бы мог их выполнить. Я привык к такому за прошедшие годы.

Я смотрю в монитор в крайний угол слева, мое внимание привлек Доминик, отходящий от больших резных кленовых дверей главного входа в обеденный зал. Он один из вышибал в клубе, и, похоже, был выращен, чтобы работать в охране. Он не может видеть многое из того,

что происходит в обеденном зале, но толстые красные шторы сейчас немного распахнуты, и несколько девушек находятся на сцене. Это не типичный клуб. И это точно не стрип-клуб, хотя некоторые мужчины и женщины наслаждаются экзотическими танцами во время тематических вечеров. Причина, по которой женщины выстроились на сцене — это чтобы пройти соответствующую подготовку. Неважно, но при виде красивых женщин, выстроившихся и общающихся друг с другом, все внимание Доменика отдано им.

Некоторые из Сабмиссивов имеют ошейники, их Доминанты дают им разрешение учиться, в то время как сами терпеливо сидят в помещении или сопровождают их на сцену, чтобы самим заняться их обучением. Сабмиссивы без ошейника, в основном, находятся без присмотра. У одной имеется поклонник, но он только наблюдает из зала.

Носить ошейник — это серьезное обязательство. Лишь небольшое количество пар в клубе связаны ошейником. Другие — распределились по парам и продолжают исключительно играть, но без обязательств, накладываемых ношением ошейника, который они еще не надели, и саба не находится под запретом для остальных. Это не преступление не надеть ошейник, это просто означает, что что-то не срослось. В таком деле должно присутствовать чувство уважения и обязательства, связанные с процессом, и у каждого Доминанта или Хозяина имеется свой способ позаботиться об этом.

Я никогда не имел честь надеть ошейник. Ни с одной из тех немногих женщин, которых я держал в качестве рабов, я не захотел остаться. Они говорили одно, но я знал лучше. Мне еще предстоит встретить женщину, которая станет моей парой.

Женщин, стоящих на сцене, я уже видел раньше. У клуба имеются постоянные клиенты, а эксклюзивные приглашения редко позволяют попадать сюда новым членам. Это создает атмосферу непринужденности, которая помогает членам клуба чувствовать себя в своей тарелке.

Также среди них имеются несколько наставников, которые имеют большой опыт в области БДСМ. Это ключевая особенность этого клуба, почему я и играю здесь определенную роль. Нам нужен безопасный способ обучаться для Сабмиссивов и Доминантов. Этот клуб не для всех. Хотя у каждого Доминанта имеется свой способ вести дела, свои предпочтения и свои заскоки, мы поощряем разнообразие.

Наставники, одетые в кожаные костюмы, выстроились и ждут женщин, которые должны выбрать игрушки из обширной коллекции. Их единственная цель состоит в том, чтобы предоставить средства для женщин, которые помогут им исследовать их пределы. Одна из женщин, кажется, ее зовут Лиза, обеспокоена своим положением. Хотя она одета в простой шифоновый кремовый комбинезон, она на начищенном полу сцены практикует с наставником, дающим советы по ее размещению. Бедная девочка. Она действительно должна работать над своим балансом.

Быстрые видения мелькают перед моими глазами, как бы я мог тренировать ее. Я бы использовать флоггер, конечно, а не трость или весло. Ее тело от порки будет неустойчиво колебаться. Сначала я бы заставил ее балансировать на одной ноге, но, в конечном итоге, я бы поставил ее в позицию, в которой она находится сейчас. На спине, на полу, на ногах, и раскрытая для меня. И как только она поработала бы над своим балансом, тяжелый плетеный хвост прошелся бы по ее блестящей киске. Я могу представить себе, как кожа на ее бедрах и попе покраснела бы от наказания. Но то наказание, которое она получила бы в самом конце тренировки, подвели бы ее к краю. Что было наказанием, превратилось бы в награду.

Я бросаю взгляд на сабу, Лизу. Я вижу, как это происходит, но не с ней. Она не для меня.

Большинство из этих женщин хотят Доминанта. Они хотят иметь возможность полагаться на стоп-слова. Я не могу им это предоставить. Это то, в чем я не заинтересован. Я хочу полное доверие женщины. Или, по крайней мере, полнейшую зависимость ее от меня, и полное повиновение.

Я также признаю Лили на сцене в этом качестве. Она новичок в клубе и находится в поиске Доминанта. Она хочет обучиться и возбудиться, но ее энергия излишне позитивна. Я слышал от многих людей, что она, кажется, более уязвима и хрупка, чем даже более опытные сабы в клубе. Веселая и дружелюбная — вот, как ее можно описать.

Как ни странно, она единственная, прогуливающаяся к плеткам, расположенным в правой части сцены. Ее браслет кремового цвета, он указывает на то, что она нашла свои пределы.

Я смотрю на другие экраны, прежде чем мой взгляд возвращается к ней. Ее пальцы путешествуют плетке кошке-девятихвостке с плетеными хвостами. Несколько мужчин в зале приободрились при этом. Я даже не ожидал, что она окажется женщиной, предпочитающей красный. Женщины с красным браслетом — это те, кто наслаждается болью. Мазохистки. Она может быть заинтересована в плетке, но ее реакция будет весьма поучительной, я уверен. Многие недооценивают интенсивность боли. Это занимает много времени и несколько сильных шлепков, прежде чем в результате выплеска адреналина и эндорфинов в кровь сотворится магия и боль превратится в удовольствие. Также важен правильный партнер.

Я перевожу глаза на следующий экран и начинаю грубо хохотать так, что трясутся плечи. Госпожа Линн поймала Доминика, устроившегося в большом проеме между передним фойе и обеденным залом.

Один ее взгляд, и он быстро возвращается на свое место на входе. Он может быть и ростом под два метра с широкими плечами, соответствующими его устрашающей высоты, но госпожа Линн не идет на компромисс. Все в курсе, что Доменик возвращается на свой пост, поправляя свой член в штанах. Я фыркаю от смеха. По крайней мере, я не твердый.

Ничто не волновало меня в течение многих лет, но Доменик никогда не перестает быть возбужденным. Я представляю, что было бы, если бы сотрудникам разрешили играть в клубе. Но здесь существует политика нулевой терпимости в отношении этого. Профессионализм является самым ценным атрибутом для мадам Линн. Мне повезло, что она делает исключение для меня.

Я просматриваю мониторы, но взгляд вновь возвращается к сцене, где на экране видно, как наставник орудует плеткой кошкой — девятихвостка, которая издает звук с характерным громким шипением, по манекену. Лили подходит ближе к манекену и проводит пальцами по следам, оставляемым плетью, в то время как наставник разговаривает с ней, обернув плетку вокруг своей руки и идя навстречу ей.

Я не слышу, что он говорит ей, но она внимательно его слушает. Она оказывает ему свое полное внимание и принимает урок всерьез. Доминанты могут этого еще не осознавать, но за все эти годы здесь, я знаю, как отличить прекрасного сабмиссива еще в процессе становления, и Лили, конечно, будет одной из них.

Несмотря на то, что она не будет моей, так как не мой тип. Ни одна из этих женщин. Я бы предпочел быть разборчивым и выбрать ту, которая предназначена соответствовать моим

желаниям, в то время как я должен соответствовать ее потребностям. Меня не интересует быстрый секс в отличие от большинства мужчин здесь. Лучше найти пару, которую ты можешь воспитать, чтобы доверять ей. Того, кто сможет помочь тебе проникнуть глубже в твои самые темные желания.

— Покер в субботу? — глубокий голос Джошуа отвлекает меня от моих мыслей. Я разворачиваюсь в кресле к нему лицом. Комната является зеркалом, отражающим каждый закоулок клуба, и он — ответственный за монитор, отображающий второй этаж, в то время как я — за первый. Экраны позади него переключаются между другими комнатами, пока он смотрит на меня через плечо.

Джошуа вместе с Госпожой Линн является совладельцем клуба. Мы вошли в бизнес по линии охраны, а он через взаимоотношения с Госпожой Линн, они создали все это. Они хорошие друзья и ничего больше. Кольцо на пальце и ошейник на его жене делают это более чем очевидным.

— Да, в субботу, — отвечаю я.

Я участвую в карточных играх последние несколько недель. Мой дом расположен на окраине города без соседей или жен, или, как в случае с Джошуа, детей.

Эту пустоту я использую, чтобы насладиться. Я люблю уединение. Единственный раз, когда в моем доме раздаются голоса, кроме моего собственного, — это во время игры в покер. Это не беспокоило меня раньше, но теперь, когда все больше мужчин берут с собой партнеров, в коридоры в каком-то смысле кажутся более тихими, это слегка меня обескураживает. Особенно это было заметно на прошлой неделе, когда Люциан был тише, чем обычно, и занят своей сабой.

Я разминаю шею, чувствуя скованность мышц. Я отправлюсь в тренажерный зал, расположенный в подвале и приму душ перед сном. Мне нужно что-то сделать, чтобы снять эту напряженность.

— Сколько ты планируешь потерять на этой неделе? — спрашиваю я, ухмыляясь ему.

Джошуа морщит лицо, пока фокусирует взгляд на экране. Он заметно вздрагивает, когда видит одну из красных комнат в подzemелье.

Меня удивляет, что ничего его не задевает.

Наконец-то осознав мои слова, он отвечает:

— Я заберу каждую твою фишку, Рокки.

Я фыркаю со смехом и сдерживаю зевок.

Я встаю и разминаюсь, забирая свой поношенный коричневый кожаный пиджак со спинки моего стула. В любом случае, наступило время отправиться домой. Я здесь на четырнадцатичасовой смене. Дерек позвал меня неожиданно, и я прикрыл его на короткое время.

Я думаю о том, что ждет меня дома: беспорядок на столе в игровой комнате, оставшийся после игры в покер на прошлой неделе, несколько бутылок и обертки от сигар. Не стоит ныть; горничная все равно уберет все завтра.

Я смотрю на мониторы, расположенные перед Джошуа, который поглощен чем-то, удерживающим его внимание. Хозяин и раба. Они редкость здесь. Красные номера в темнице требуют наибольшего внимания, по понятным причинам.

Я видел, как Хозяева приходят и уходят из клуба. Многие из них являются садистами, и это создает серьезные проблемы, поэтому мы не позволяем себе их в большом количестве. Я одинок, хотя мое желание использовать боль существует только для увеличения

удовольствия. И это не та ситуация, что происходит на экране в данный момент. Джошуа выглядит напряженным и обеспокоенным, но на это нет никаких причин. Бекка любит боль. Ей не нужно стоп-слово, потому что ее лимиты намного выше, чем у ее Хозяина.

Она выгибает спину в сторону трости, принимая удар и приветствуя его с выражением экстаза, которое читается на ее лице. Она здесь только раб, и на ней ошейник. Я даже не знаю, почему они еще приходят сюда.

Прошло уже много времени с тех пор, как здесь появлялась рабыня. Кто-то, кто способен доверять настолько искренне, что готов отдать себя полностью во власть Хозяина. Кто способен жить в режиме лайфстайла 24/7.

Может, поэтому ничего не интересовало меня. Мои вкусы специфичны. *Рабыня*. Я жажду власти, данной Хозяину, и позволяющей мне контролировать желание и обеспечивать все ее потребности.

В моем доме напротив игровой имеется дверь в комнату, которую я создал для единственной цели. Комната, подходящая для моей пары.

Я набрасываю куртку на плечи, пытаюсь вспомнить, когда в последний раз я вообще открывал ее. Это было слишком давно.

Глава 2

Катя

Я практически ощущаю, как течет время, пока я занимаюсь повседневными делами. *Тик-так, тик-так, тик-так*. Сейчас четверть пятого, и я выбиваюсь из графика. Обычно я пунктуальна, но этой ночью мне мало удалось поспать, так как большую часть времени я ворочалась. Я морщусь при воспоминании, пока надеваю выцветшие джинсы и натягиваю на себя красный свитер. У меня давненько не было нормальных ночей. Я зеваю и стараюсь закрыть рот, пытаюсь игнорировать панические чувства, пока иду к раковине. Надеюсь, что это просто случайность. Это просто случайность. Я не позволю вернуться к тому, от чего я так старательно избавлялась.

Задвинув неприятные воспоминания подальше, я провожу по губам своей любимой помадой, напоминающей измельченные лепестки роз. Затем критически осматриваю себя в зеркале. Быстро собираю волосы в конский хвост, чтобы скрыть мои растрепанные светлые волосы. Когда ты являешься владельцем апартаментов, где проживаешь с животными, и приюта для собак, то не следует тратить время на укладку волос в красивую прическу. Тебе просто необходимо появляться там и находиться с животными все время.

Я обнаружила, что собак волнуют только две вещи. Ну, три. Еда, исследование и общение. Честно говоря, мне это нравится. Работа и уход за этими животными дают мне цель и придают моей жизни смысл. Это единственное, что я с нетерпением жду каждый день.

Одна мысль о волнении, появляющимся на их пушистых мордочках, когда я прихожу, и их стремлении поприветствовать меня. Это согревает душу и заставляет мои губы растянуться в небольшой улыбке, пока я достаю консилер.

Еще одна часть моей обычной жизни.

Моя улыбка медленно исчезает, как только я пробегаю пальцами вдоль шрамов, разбросанных по моей шее. Независимо от того, сколько прошло времени, они, похоже, едва ли исчезнут. Прошло четыре долгих года, но они по-прежнему там, напоминая мне о темных временах в моей жизни. Когда я смотрю на мою шею в зеркале, груз воспоминаний давит мне на грудь, но через мгновение я сопротивляюсь им, стараясь оттолкнуть.

Я это пережила, — думаю я про себя, нанося тональный крем на шею и правое плечо, и затем спускаюсь ближе к груди. — Я стала теперь сильнее.

Он не разрушил меня. Я больше не позволю ему иметь надо мной хоть какую-то власть.

Выпрямляю спину, сглатываю и распрямляю плечи, осторожно размазываю тональный крем по моей коже, чтобы скрыть шрамы на шее, и их не было видно.

После того, как я закончила с лицом, бросаю крем на бархатное дно декоративной шкатулки, в которой храню косметику, и воспоминания, наконец-то, начинают рассеиваться. На повестке дня следующим вопросом стоит чашка кофе.

Тик-так, тик-так, тик-так. Маленькие часики тикают у меня в голове, напоминая мне, как сильно я уже опаздываю. Я стискиваю зубы. *Черт.*

Я чуть не крикнула:

— Я иду, Рокси!

Пока я направляюсь на кухню, ловлю себя на том, что чувство печали переполняет меня. Я делаю глубокий вдох и потираю пальцами под моими усталыми глазами. Это привычка, от которой мне следует избавиться. Я так привыкла, что когда я оборачивалась, Рокси всегда находилась там каждый раз, и я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что ее больше нет.

Слезы колют глаза, а я босыми ногами иду по линолеуму, чтобы налить себе чашку кофе. Два щелчка, и кофе начинает готовиться. Мне надо перекусить, но вместо этого я теряюсь в своих мыслях, в то время как звуки кипящей воды наполняют пустое пространство.

Тихо. Потому что ее здесь больше нет.

Рокси, мой золотистый ретривер, была такой милой собакой. Она всегда находилась рядом со мной, когда я в ней нуждалась. Она была такой счастливой. Клянусь, собаки могут улыбаться, и на ее морде всегда была улыбка. Мы с ней практически не разлучались. И ей было плевать с высокой колокольни, что по всей спине у меня были шрамы, или что я боялась некоторых вещей, которые она могла видеть, темных воспоминаний, которые я отчаянно хотела оставить в прошлом.

Она просто любила меня безоговорочно и хотела утешить меня. Я цеплялась за эту любовь, укрепляя ее. Она была моей терапией, и я так сильно зависела от нее. Не могу сосчитать, сколько раз я просыпалась от ночного кошмара, перепуганная своими сновидениями, и обнаруживала Рокси, сидящую рядом и прижавшуюся ко мне, скулящую с настоящей болью в голосе от волнения за меня. Ее присутствие почти всегда успокаивало все мои тревоги. В такие моменты, как прошлой ночью, когда я мучилась от особенно ужасного кошмара, мне ее так сильно не хватало.

Даже больно думать, что Рокси больше никогда не будет лежать со мной рядом. Подумать только, ее больше не будет рядом, я не смогу погладить, в то же время прошептать ей «спасибо» в густую шерсть. Она так много сделала для меня, больше, чем кто — либо другой: любила меня, исцелила меня. И даже если бы она находилась сейчас здесь, я никогда бы не смогла полностью отплатить ей за это.

Я пытаюсь опереться на стол, и мой локоть сбивает пластиковую кружку с него. Я стараюсь схватить ее, но все же упускаю, и пластик лишь касается мох пальцев, прежде чем упасть на пол с громким стуком. Я морщусь от этого звука и жду, чтобы она остановилась, прежде чем я смогу поднять ее.

— Думаю, сегодня будет один из таких дней, — бормочу я вслух, утирая слезы в уголках

глаз тыльной стороной ладони.

По крайней мере, она не разбилась. Я наклоняюсь, поднимаю кружку и, наконец, облакачиваюсь на стол. Запах кофе наполняет помещение. Несколько дней после смерти Рокси были очень тяжелыми, меня переполняли эмоции. К сожалению, это был один из *таких* дней. Я полагаю, что так проявляется горе. Все еще хуже, учитывая, что Рокси — первое домашнее животное, которое когда-либо было у меня, и она являлась единственным моим спутником с тех пор, как я впервые вернулась домой. Я перестаю размышлять, пока наливаю сливки и кладу сахар в чашку с кофе. Возможно, неправильно называть это место домом. Я живу в нескольких часах езды от того места, где был мой дом. У меня больше никогда не будет дома в небольшом пригороде Нью-Йорка. Я просто не могу противостоять постоянным напоминаниям. Я чувствую себя виноватой, отдаляясь от своей семьи и жизни, которая у меня была прежде. Но все к лучшему. Это единственный способ, с помощью которого я нашла счастье после всего того, что случилось.

Я делаю глубокий вдох, ставлю кружку на стол и вдыхаю запах свежего горячего кофе с аромат французской ванили, делая все возможное, чтобы избавиться от болезненных напоминаний. Потеря Рокси стала для меня большой потерей, но я могу продолжать жить в том же духе. Я всегда буду любить ее, но она не хотела бы я существовала с этим постоянным негативом. Я только знаю, что в моем сердце она останется навсегда.

Закрыв глаза, я делаю небольшой глоток кофе, и тепло наполняет меня, успокаивая. Когда я открываю их мгновение спустя, мои глаза сфокусированы, подобно лазеру, на часах в микроволновой печи.

5:45

Дерьмо, теперь я действительно опаздываю. Вздохнув, я делаю еще один глоток кофе, пытаюсь расслабиться. Я отстаю от графика всего лишь на пятнадцать минут, но собаки ждут меня в приюте. Не хочу нарушать наш распорядок. Они нуждаются в нем так же, как и я.

Низкий звук, издаваемый моим телефоном, заставляет меня перевести глаза на кухонный стол, где мой ноутбук лежит открытым с прошлой ночи, и я вижу, что на экране мобильного телефона горит значок в верхнем углу, оповещающий о пришедшем сообщении. Я выдыхаю и быстро беру его со стола, задевая при этом клавиатуру и выводя ноутбук из спящего режима. У меня, честно, на это нет времени, но я не могу не ответить на него. Прежде чем я успеваю проверить сообщение, я замечаю уведомление, всплывающее в правом нижнем углу на экране моего ноутбука.

Дорогаядевочка86 прислала сообщение онлайн.

Мой телефон снова издает звук, но я игнорирую его, так как вижу, что от Кирстен пришел ответ на мое последнее личное сообщение. Я улыбаюсь, пока читаю то, что она написала.

Дорогаядевочка86: Люблю тебя, девочка. Ты была права! Мне следовало прогуляться по магазинам. Это заставило меня почувствовать себя намного лучше. Я, наконец, купила то красное платье, к которому присматривалась в течение месяца. И знаешь, что лучше всего? Я чертовски хорошо смотрюсь в нем!

Я улыбаюсь, а от содержания сообщения вообще начинаю хихикать.

Китти93: Тоже тебя люблю! Держу пари, ты выглядишь в нем чертовски хорошо!

Общение с Кирстен всегда заставляет меня чувствовать себя хорошо. Я считаю ее одним из моих лучших друзей, даже если мы никогда не встречались. Я даже никогда не видела ее лица. Мы провели последние четыре года, сблизившись в форуме группы поддержки,

вступая в беседы о том, как перевернулись наши жизни, разделяя наши мечты, надежды и чаяния. И самое главное, движение вперед.

Я жду ответа, но после того, как проходит почти минута, я набираю сообщение, что мне пора идти. Я действительно ненавижу опаздывать. Мне не нравится, что щенки ждут меня. Я, наконец, смотрю в телефон и выпускаю тяжелый вздох, когда вижу, от кого письмо. *Мама.*

Мама: Катя, я скучаю по тебе, дорогая! Когда ты собираешься приехать домой?

Прочитав сообщение, я испытываю смешанные чувства. Мне повезло, что у меня есть мама и любящая семья. Но они часть моего прошлого, и я просто не могу с этим смириться. В новом городе, с новой жизнью, прошлое не имеет значения. Я могу быть кем угодно. Но с ними, я всегда буду Катей, их дочерью, которая была отнята у них в течение четырех лет. И что еще хуже, когда я смотрю на них, то вижу, как эти годы изменили их.

Может быть, это неправильно, но когда я думаю о маме, то хочу видеть ту маму, которую я знала. Увидеть ее сейчас, означает, что я снова вспомню то время, когда меня не было рядом, то время, которое я пропустила. Когда я последний раз видела ее, прежде чем они забрали меня, она была счастливой, молодой и энергичной. Это было более чем восемь лет назад. Я желаю увидеть ее светлые волосы, выглядящие так же, как мои, а не серебристый оттенок ее прядей. Ее великолепную улыбку, которой я всегда завидовала, голубые глаза, которые искрились от смеха. Она старается, но боль все равно присутствует. И боли слишком много, чтобы не заметить ее.

Когда я исчезла, она не переставала искать меня, ни разу не отказалась от своей драгоценной дочери. Мне ненавистно, что я доставила ей столько переживаний, столько боли. Даже если это было ненамеренно, я все равно чувствую себя ответственной за это. Я до сих пор чувствую себя чертовски виноватой. Мне больно, что она беспокоилась обо мне ночь за ночью, надеясь, молясь, что однажды найдет меня живой.

Но она не могла спасти меня. Никто не мог. Я должна была спасти себя сама.

И если я только увижу ее, то это сразу же напомнит мне обо всем пережитом.

Я, правда, не могу справиться с этим сегодня, — думаю я про себя, отрывая мой застекленевший взгляд от экрана, даже не потрудившись просмотреть другие пять сообщений, присланных ей.

Я очень люблю мою маму. Но так лучше. Я не хочу, чтобы она больше переживала из-за того, что случилось со мной. Это не значит, что мне не лучше теперь. Я выжила.

Я прерывисто втягиваю воздух в легкие. Я не хочу сообщать ей, что не приеду домой. Я пытаюсь все забыть. И, несмотря на мое беспокойство по поводу встречи с мамой, я все же хочу увидеть свою семью. Но я не могу сделать это прямо сейчас. Я просто не готова. Четыре года восстановления. Всего девять месяцев я живу сама по себе и знаю, что стала сильнее, лучше. Тем не менее, в глубине души я все еще чувствую, что я...не цельная. Я до сих пор исцеляюсь. И это нормально. Но находиться вдали от дома для меня проще. Мне больно признавать это, но я просто хочу побыть одна.

Ладно, не в одиночку, а в одиночестве.

Мои пальцы касаются моего горла, пока сердце так и колотится в груди. Я мысленно возвращаюсь к беседе с Кирстен, прежде чем она внезапно отключилась. Я, наконец-то, призналась, о чем я думала в течение некоторого времени. То, что я осознала, чего я очень хотела, но боялась признаться. Моя потребность в Хозяине.

Я качаю головой от воспоминания, все еще не веря, что я призналась в этом ей и самой себе. После всего того, что я пережила, как могла такая хрень быть у меня в голове?

Тик-так, тик-так, тик-так. Твою мать, мне нужно взять себя в руки и начать собираться.

Я снова бросаю взгляд на экран телефона и прочитываю первое сообщение от моей мамы. Чувствую себя так, словно к моему сердцу прицепили якорь, который тянет его вниз. Я хочу ответить и избавить ее от беспокойства. Я желаю успокоить ее, что буду у нее в ближайшее время. Но в глубине души я знаю, что этого недостаточно.

Сделав глубокий вдох, я позволяю своим пальцам набрать текст на сенсорном экране.

Я: Люблю тебя, мам. Обещаю, что скоро приеду домой.

Я мгновение смотрю на текст, думая, что его следует удалить. Не хочу давать обещание, которое, я знаю, не смогу сдержать. Но в то же время, не желаю причинить ей больше боли или внушить чувство вины. Я хочу, чтобы она чувствовала себя лучше, так же, как я хочу ощущать себя.

После того, как кажется, проходит вечность, я закрываю глаза и нажимаю «Отправить», отчаянно надеясь, что не пожалею об этом.

Глава 3

Айзек

Я ступаю босыми ногами по полу из керамогранита моей современной кухни. Сталь на кухонном уголке поблескивает в ярких лучах утреннего света, льющегося сквозь большие, от пола до потолка окна на дальней стене. Мой дом тих и пуст, он роскошен и оборудован по последнему слову техники, которую я только смог найти. Современный и утонченный. Это именно то, что я и хотел.

Кофеварка уже включена, и звук кипящей воды становится громче, аромат свежесваренного кофе усиливается, наполняя мои легкие.

Я пытаюсь погасить зевок и разминаю руки над головой, чувствуя, как растягиваются мои затекшие мышцы. Мои пижамные брюки из фланели немного приспускаются вниз, пока я разминаю шею. Одно и то же дерьмо день ото дня, но я готов для того, чтобы испытать возбуждение в клубе. Я решил заглянуть в анкеты принимаемых членов и пройтись по кандидатам. Я разговаривал с мадам Линн, намекая, что заинтересован в поиске потенциальной покорной.

Она всегда слушает меня, но я понятия не имею, действительно ли она слышит.

Открываемая мной дверь холодильника издает гулкий звук, я приседаю, чтобы взять перец и пару яиц для утреннего омлета.

Я люблю готовить. Это то, что моя мать имела обыкновение делать для меня. Перед тем как все изменилось, она всегда готовила мне завтрак. Даже после того, как все перевернулось... некоторое время.

Я избавляюсь от воспоминаний, угрожающих задушить меня, разбиваю яйца о миску, взбиваю их, пока пытаюсь игнорировать всплывающие в голове образы смеющейся матери. У нее был прекрасный смех. Когда-то он был легким и воздушным, но изменился, как только переменилась она сама, став грубым и трескучим, когда она говорила. В конце концов, я даже перестал узнавать ее.

Я включаю газ и выливаю готовую смесь на сковородку, затем беру свой сотовый.

Я работаю в клубе «Х», где обеспечиваю безопасность, но мой охранный бизнес

является частной охраной и расследованиями.

Я ставлю телефон на громкую связь и прослушиваю голосовые сообщения за вчерашний день. Мне редко звонят из RP Security. Так мы назвались раньше до перехода в клуб. R и P — как Рокки и Пейн (*прим. пер. Герой фильма и герой компьютерных игр*). Зандер и я до сих пор владеем фирмой 50/50, но мы почти никогда не берем клиентов. Оно того не стоит. Ладно, Зандер никогда не работал с клиентами. Он теневой партнер. Тем не менее, оно того не стоит.

Пока режу кубиками перец и лук, я прослушиваю сообщение от человека, который хотел бы обеспечить безопасность себе и любовнице в эксклюзивном путешествии. Я качаю головой, удаляя сообщение, и даже не раздумываю над тем, чтобы перезвонить ему. Затем бросаю нож в раковину из нержавеющей стали.

Это не то, на чем держится мой бизнес. Я организовал его примерно в то же время, когда Люциан бросил колледж и создал свою компанию. Прошло немного времени, прежде чем я последовал его примеру. Мы втроем были неразлучными друзьями, и до сих пор во многих отношениях продолжаем быть вместе. Зандер оплачивал счета за меня и Люциана. Он хорош в обмене денег на акции, и больше не занимался ничем. Джошуа, нанятый мной и являющийся моей правой рукой, вывел бизнес на новый уровень, превратив в элитный. Я не собираюсь стоять в стороне, пока он получает удовольствие.

Я создал этот бизнес по одной причине. Смех моей мамы эхом раздается в моей голове, в то время как я наблюдаю за тем, как готовится мой завтрак. С каждой секундой я теряю аппетит.

Убийство. Месть. Мне нужен человек, который убил ее. Возможно, в последние два года ее жизни она не была мне настоящей матерью. Алкоголь, который она использовала, чтобы заглушить боль от потери отца за границей, в итоге был заменен на кокаин. Находясь со мной рядом и плача на моем плече, она скучала по отцу, но при этом стала распускать руки, так как я напоминал ей о нем.

Она отвечала за свои действия. Я знаю это. Но тот человек не помог, сделав все только хуже.

Джейк Шанеро. Ее парень, пристрастивший ее к более сильным наркотикам, и тот, кто повел ее по пути, который, в конечном счете, уничтожил мою мать, которую я когда-то знал.

Кроме того, этот мудака сломал мне челюсть, потому что я посмел ему дерзить. Я, вспоминая, сжимаю пальцами свою челюсть, а другой рукой с помощью лопаточки перекалдываю идеальный омлет со сковороды на тарелку. В этот момент у меня нет никакого желания есть, но я все же добавляю соль и перец и сажусь за стол. Рутинa имеет важное значение.

Я закрываю глаза и словно вижу его перед собой. Дело не только в одном ударе, и то, что я пропустил его. Пока я закрывал лицо руками, я видел мать на заднем плане, сидевшую за столом, согнувшуюся и вытирающую кокс у себя под носом, и даже не удосужившуюся проявить какие-нибудь эмоции.

Но не из-за этого мне хотелось убить его. Не поэтому я попал в этот бизнес.

Когда мне было четырнадцать, я наблюдал за тем, как он убил ее. Это стало кульминацией двух долгих лет ежедневного жестокого обращения и пренебрежения. Я видел, как он ударил ее; наблюдал за тем, как он душил ее. Он не заметил меня, а я усиленно сдерживал себя от желания защитить ее. Сломанная челюсть, сломанные ребра, и побои от них обоих за то, что вмешивался, научили меня держаться подальше.

Я не понял, что он, на самом деле, убивает ее. Я не мог поверить, что она действительно мертва, даже после того, как мама упала на пол, и его гнев изменился на страх, когда он встряхнул ее.

Я наблюдал за ним и ничего не предпринял. Чувство вины тяжелым грузом давило мне на грудь, когда я откусывал кусочек уже безвкусного для меня омлета. Ненавидя память.

У меня допытывались правды в течение многих лет, пока я жил с моей дальней родственницей — теткой Морин. Она была намного старше моей мамы, почти как бабушка. Она дала мне хорошую жизнь; заботилась обо мне, как будто я не был проблемным ребенком. Но я так и не простил сам себя.

Как я мог?

Я не хотел идти в колледж, но тетя Морин заставила меня. Я был счастлив поддерживать ее уверенность в том, что учусь в колледже, а в это же время я узнавал больше полезных для меня навыков. Знакомство с Джошуа и Зандером было самым лучшим из того, что случилось со мной в колледже. Я научился выслеживать цель, взламывать базы данных и эффективно получать записи и справки на кое-кого.

Этим кое-кем был Джейкоб Шаперо. Я не удивился, узнав, что он отбывал наказание в тюрьме за нападение и побои, а также за хранение наркотиков. Мне пришлось ждать более года. За этот год мой охранный бизнес с Джошуа вырос и стал законным. Благодаря Зандеру, нашему теневому партнеру, у нас имелись средства и эксклюзивная клиентура. Но каждый день был только еще одним шагом к моей цели. В тот вечер, когда его выпустили, я ждал его признаков активности. Десятки номеров близких его контактов были у меня на контроле. И он сделал звонок через пятнадцать минут после освобождения. Следующей ночью я прокрался в дом его покойной бабушки и выстрелил ему в затылок. Чертовски долгое ожидание убивало меня, но я должен был сделать все правильно. Я потратил годы на подготовку, и у меня было только два дня, чтобы довести дело до конца, пока была такая возможность.

Спустя шесть лет у меня имелось множество связей. Многие влиятельные и нечистоплотные на руку люди стали клиентами вследствие сделок, которые я выполнял. Но речь не идет о деньгах. Они не восстановят справедливость. Мой бизнес законен, хотя некоторые мои методы были не всегда честными, и я не всегда придерживался правил. Иногда я нарушаю закон, чтобы получить информацию. Вот таким предприятием я управляю. Мы называем его охранным, но, как нетрудно догадаться, занимаемся не только законными вещами.

В течение чертовой уймы времени я не брал частных клиентов. Прошло много лет. Клуб занимает почти все мое время, но если клиент нуждается в защите, то я передаю его специалистам. Деньги — это хорошо, а бизнес — оптимизирован.

Иногда я задумываюсь, а что если бы мой бизнес был сосредоточен на обычной охранной практике? Мое уединение, и, в первую очередь, мое прошлое, это именно то, почему я выбрал такой путь. Почему я заиклен на неприкосновенности частной жизни и контроле. Но не во всем. Только в том, что действительно значимо.

В отношениях особенно.

Мне нужен полный контроль. Мне необходимо полное доверие со стороны партнерши, чтобы она отдала себя целиком.

Я не заинтересован в нормальных отношениях. У меня было несколько связей, но ни одна из них ничего не значила для меня. Ни одна из них не длилась долго.

У меня было пару отношений Хозяин/раб в клубе, но они продолжались недолго. Ни одно из них не дало мне того, в чем я нуждался. И они мне уж точно нафиг не были нужны. Они хотели отношений как способ отказа от контроля, а не потому, что нуждались в этом. Они не хотели ответственности, не желали принимать другие аспекты жизни, будучи в качестве рабыни. Поэтому такие отношения не длились больше нескольких недель. Я хочу кого-то, кто бы нуждался во мне. Я отчаянно ищу именно этого.

Я знаю, чего желаю от моей партнерши, и это полное дерьмо. Я хочу ее преданности, и чтобы единственным ее желанием было угодить мне. Я хочу больше, чем заслуживаю, но я обеспечу каждое ее желание, каждую потребность. В обмен на ее покорность, я отдам ей себя в ответ.

Я не желаю использовать стоп-слова, не хочу переговоров и компромиссов. Я требую полного подчинения. Не меньше.

Это полный швах, но я хочу именно этого. И я устал ждать.

Это вина Люциана. Его желание получить сабмиссива, и покупка ее в клубе — это то, что подпитывает такую потребность. Я в этом уверен. Я зол. Я ревную. У него все оказалось так легко и просто.

У меня никогда не будет такого.

То, что желаю я — слишком редко. Слишком извращенно, чтобы можно было легко найти и принять.

Не знаю зачем, да и наплевать мне на это. Но я готов и устал ждать.

Глава 4

Катя

Я подпеваю звучащей по радио песне Кэти Перри, пока въезжаю на закрепленное за мной парковочное место в апартаментах «Сосновый ручей». Мой боевой дух высок. Сегодня был замечательный день, как раз то, в чем я отчаянно нуждалась после недели ночных кошмаров. Пожилые пары, которые уезжали в отпуск, оставили мне на неделю своего миниатюрного шнуделя (*прим. пер. Помесь шнауцера с пуделем*) мистера Хиггинса. Он, наверное, самая очаровательная собака, которую я когда-либо видела, с такой крошечной бородатой мордочкой. Он выглядит, как старичок, и мое сердце просто плавилось всякий раз, когда я его видела. День стал еще лучше, когда три нетерпеливых школьника, благослови их Господь, заскочили, чтобы помочь. Мне интересно работать с детьми. Они целиком и полностью влюбились в мистера Хиггинса и его щенячьи выходки. За ними так забавно было наблюдать. То, что дети работают у меня на добровольных началах — не редкость. С местной школой у нас имеется программа, но все же лучше, когда дети еще и наслаждаются этим.

Поскольку ребятам было так весело, я надеюсь, что они пойдут и расскажут своим друзьям о собачьем приюте, так что еще больше детей придет поиграть с щенками. Это все, что я прошу их сделать. Просто уделить собакам немного внимания.

Я люблю всех собак, но мне не хватает времени, чтобы каждой уделить внимание, которое они заслуживают. Это не значит, что я и другие мои четверо сотрудников не делают достаточно для них, но эти собаки заслуживают большего, чем то, что мы им можем дать.

Я разминаюсь, пока еду, потом вылезаю из машины и направляюсь к своей квартире. Я вздрагиваю, пока иду по асфальтированной дорожке, ведущей к лестнице, острая боль пронзает мою спину. Я совершенно разбита из-за того, что перетаскивала сегодня мешки с

кормами для собак.

Я медленно поднимаюсь по лестнице, чувствуя усталость мышц. Хотя, мне это даже нравится. Здорово, что я способна *чувствовать*, даже если это просто боль. Это напоминает мне, что у меня был плодотворный день. Пусть даже все, чем я сегодня занималась весь день, было перетаскивание корма для собак, это все равно делает меня счастливой. Помощь собакам придает моей жизни особый смысл.

Я делаю глубокий вздох, все еще испытывая в душе это радостное ощущение, но в то же время я чувствую печаль, которая начинает меня заполнять. Печаль, которая пытается напомнить мне о том, какова могла бы быть моя жизнь. Я ненавижу это.

Я добираюсь до двери моей квартиры и, вынимая ключи, собираюсь ее открыть. В это время какое-то неприятное чувство зарождается во мне, когда я смотрю вверх и вижу курьера, направляющегося ко мне с маленькой коробкой в руке, а во второй он держит планшет для электронной подписи.

Я морщу лоб, когда он приближается, меня разбирает любопытство, что же в этой коробке. Я точно уверена в том, что в последние несколько дней ничего не заказывала.

— Мисс Харрингтон? — спрашивает он, останавливаясь прямо передо мной и дружелюбно мне улыбаясь.

Он — энергичный молодой человек со светлыми волосами и густыми бровями.

— Да? — говорю я, также дружелюбно ему улыбаясь.

Он протягивает мне электронное устройство вместе со стилусом.

— Не могли бы вы подписать здесь, пожалуйста?

Я беру планшет и стилус в руки и быстро строчу свое имя, затем отдаю их ему обратно. Он снова улыбается и протягивает мне коробочку.

— Спасибо, мисс Харрингтон, хорошего вам дня.

— Спасибо, — рассеянно отвечаю я, все еще глядя на коробку в своих руках. — Вам тоже.

С коробкой подмышкой, я открываю дверь и пинком закрываю за собой. Я кручу ее в руках, ключи звенят, когда я бросаю их на кухонный стол, а я ищу этикетку с обратным адресом. Его нет, но я узнаю имя отправителя. Кирстен. Улыбка расплывается на моих губах, в то время как я плюхаюсь на сиденье. Она такая чертовски милая. Она знает, что прошедшая неделя была трудной, и нет ничего необычного в том, что мы дарим друг другу маленькие подарки там и сям, когда у нас выдается тяжелый период.

Я инстинктивно осматриваю кухню и уютную гостиную с деревянной софой, стоящей в конце моего стола. Это подарок Кирстен. Она знает, что я люблю сов. Думаю, что это стоппер для двери, но она хорошо смотрится там, куда я ее поставила.

Мой дом — это хорошая двухкомнатная квартира с просторной открытой планировкой. Это не дешево, но и не слишком дорого, учитывая, что квартира расположена в городе. Кухня и гостиная органично соединены друг с другом. В конце гостиной имеются большие раздвижные стеклянные двери, которые ведут в небольшой внутренний дворик. По обеим сторонам от дивана расположены два окна с прозрачными занавесками. Я всегда держу шторы открытыми, потому что мне нравится солнечный свет. Это помогает мне разгонять темноту. Я долгое время находилась без солнечного света, и теперь стала ценить такие простые вещи. Остальная часть квартиры не такая уж и огромная: небольшой коридор, затем моя спальня и смежная с ней ванная комната. Но я люблю свою квартиру. В ней создана уютная атмосфера, я окружила себя всякими мелочами, которые помогают мне

поддерживать мое настроение приподнятым, например, каменный кролик — держатель для книг на полке рядом с диваном, подушка-сова, красивые глазурированные керамические горшки с окошечками, наполненными суккулентами. Я часто забываю поливать растения, поэтому у меня только суккуленты. И я оформила это место в тепло желтых тонах, от которых, кажется, глаза могут ползть на лоб. Я использую желтый, потому что слышала, что он помогает от депрессии. Один только цвет стимулирует выработку эндорфинов, которые делают тебя счастливой. А я хочу быть счастливой. Больше, чем чего-либо. Это все, что я хочу.

Мои глаза возвращаются обратно к коробке, и мне интересно, что же там внутри. В глубине души я знаю, что это что-то необычное. Что-то ...особенное.

Есть только один способ выяснить.

Я подхожу к шкафу и достаю нож, затем возвращаюсь к коробке. Мое сердце бешено колотится в груди, когда я вскрываю ее.

Мое дыхание прерывается, когда я вижу, что внутри. Причудливый золотой конверт лежит в выемке на роскошном пурпурном бархате. Черт побери, Это впечатляет. Я беру его в руки, дивясь мягкости бумаги. Она существенно отличается от любой бумаги, которой я трогала раньше. Она плотная и роскошная. Через пару мгновений моего любования им, я осторожно раскрываю конверт, и вижу золотую карточку с кисточкой на боку. На ней выведено простое сообщение.

Вы приглашены в Клуб «Х».

Госпожа Линн

Клуб «Х». Слова снова и снова прокручиваются в моей голове. Я не могу, хоть убейте, понять, что это такое. Название звучит, словно какой-то тайный подпольный клуб, но мне оно ни о чем не говорит. Зачем посылать меня приглашение без каких-либо сведений о том, как я могу в него вступить? И кто, черт возьми, такая Госпожа Линн? Это очень странно. Я снова осматриваю коробку, но на ней написано только имя Кирстен. Я не могу избавиться от хмурого выражения на своем лице.

Я снова беру карточку в руки, внимательно осматривая ее, ища любые зацепки того, что это может быть за клуб. Ничего нет.

Сбрасываю с плеч пальто, подхожу к столу, находящемуся в углу моей гостиной, вся трепеща от волнения, сажусь и открываю ноутбук. Когда экран загорается, я быстро ввожу свой пароль и открываю браузер, затем набираю Клуб «Х» в строке поиска и нажимаю клавишу ввода. Кирстен не будет до вечера, а я слишком нетерпелива, чтобы дожидаться ее и спросить.

Мое сердце падает в груди, когда я вижу выведенные результаты поиска. Никакого «Клуба Х», как такового. Но куча порно-сайтов и порнографических картинок в списке. Какая-то информация об экстази. Конечно, это не то, что я ожидала. Я нажимаю парочку ссылок, но все сайты настроены так, чтобы заставить тебя ввести номер твоей кредитной карты. Да пошло оно. Я нажимаю еще на кучу ссылок, пытаюсь найти нужную мне информацию со ссылками на приглашение, но терплю неудачу. Абсолютно ничего нет. После нажатия еще парочки, я закрываю браузер с огромным чувством разочарования в душе.

Я собираюсь уже закрыть ноутбук, когда вижу уведомление, всплывающее в нижнем

правом углу экрана. Название темы заставляет мое сердце пуститься вскач в груди, и я тут же немедленно нажимаю на него.

Ваше приглашение ожидает

Я сижу пару секунд, прежде чем нажать на него, сердце колотится в груди, кожу покалывает, как от внезапного холода. Как-то жутковато.

От: Госпожа Линн

Кому: Катя Харрингтон

Катя, меня уведомили, что вы получили мое приглашение, и я прилагаю информацию для ознакомления, прежде чем мы двинемся дальше. Поверьте, это в ваших же интересах, так же как и для Клуба «X» рассмотреть заявки на вступление. Я лично приглашаю вас проверить нас. Я знаю, что вам это понравится. Браслет находится в посылке. Пожалуйста, захватите его с собой. Скоро увидимся.

С уважением,

Госпожа Линн

Мое сердце почти вырывается из груди, когда я скачиваю формы, открываю их и начинаю читать. Мои глаза расширяются по мере того, как я читаю страницу за страницей, что, по сути, является соглашением о конфиденциальности. Если я хочу вступить в клуб, мне необходимо его подписать и соблюдать перечисленные правила. К письму прикреплено четыре файла, один из которых представляет собой список тематических вечеров, другой — правила клуба. Их там множество.

Следующий загруженный файл оказывается опросником.

И последний — фотография великолепного здания, похожего на особняк. Но от того, что находится внутри, я лишаяюсь дара речи.

Я сижу, даже не знаю сколько, жадно ловя каждое слово на просматриваемых мной страницах. Это занимает какое-то время, но когда я, наконец, дохожу до конца, мой разум уже не справляется с обилием информации. Многое из того, что я читала, являлось юридическими терминами, но три слова врезались в мое сознание.

Аукцион.

Сабмиссив.

Хозяин.

Клуб «X» — это эксклюзивный БДСМ клуб.

Я тяжело вздыхаю, пока смотрю на экран, волнение пробегает по моим конечностям, в то же время я чувствую, как немного боли концентрируется в моем животе. Я действительно собираюсь сделать это? Это сможет помочь мне противостоять той части меня, которая еще не полностью исцелилась, той части, которая по-прежнему темная и извращенная.

Я говорила об этом с Кристен, но не ожидала такого.

У меня имеются фантазии, пристрастия. Я не хочу чего-то обычного. Я пыталась иметь интимные отношения с кем-то, кто не хочет владеть полным контролем. Но я желаю отдаться кому-то целиком и полностью. Я хочу фантазии, в которых нашла убежище. Я выжила благодаря им. Это настолько глубоко укоренились во мне, и я не желаю отпускать их.

Я не знаю, была ли я такой всегда. Но в полном подчинении кому-то есть сила. Отдать

кому-то все и доверять ему.

Это кажется неправильным. Но в глубине души я знаю, что это именно то, что я хочу, то, чего мне не хватает.

Я осознаю, что люди живут с иллюзией, которую я создала сама для себя. Это их жизнь. А мне нужно это. Я хочу доверять кому-то, кто взял бы меня в качестве Рабыни, холил и лелеял меня, в то время как я бы заставила себя поверить в то, что делал мой Хозяин.

Я стараюсь подавить в себе это чувство и отогнать темные мысли прочь, но они не хотят исчезать.

Я снова беру карточку в руки, проводя кончиками пальцев по гравировке буквы «Х». Я хочу этого, но мне страшно отпустить. В таком месте, как это, хотя... Может быть, это именно то, что мне нужно.

Глава 5

Айзек

Я наливаю себе двойной виски, но так и не могу совладать с собой.

Я снова и снова перечитываю ее файлы. Моя бедная Катя. Была похищена в шестнадцать лет, когда шла домой из школы. Она жила в хорошем районе с низким уровнем преступности, поэтому не было никаких причин для беспокойства. Но в один прекрасный день она просто исчезла. Марсио Матиас похитил ее и трех других девушек в тот день. Он был хорошо известен в индустрии перевозки секс-рабынь, и в настоящее время находится в тюрьме в камере смертников. Я злюсь из-за того, что не могу придушить его своими руками.

Катя всего лишь одна из сотен женщин, похищенных Марсио за десять лет.

Она была девственницей, и ее продали наркобарону и главе картеля в Колумбии Карверу Дарио. У него был Мастер Си и множество рабынь, которых они совместно разделяли. Из того, что я узнал, Катя не стала исключением, и полицейские отчеты по ней содержали подробности о том, что человек по имени Хавьер Пинзан, второе лицо в картеле, сделал с ней. Ее жизнь была адом. Она была окружена жестокими мужчинами, которые получали удовольствие от ее боли. Ее рука и челюсть были сломаны, пока она находилась в плену.

Причем рука несколько раз.

В ее психологических стенограммах я прочитал о том, как она убила его, разбив бутылку ликера, а потом несколько раз нанесла удары бутылочным горлышком по Дарио, сбежав в середине ночи, одетая всего лишь в большую мужскую рубашку. Когда ее нашли в деревне на окраине туристических районов, она была совершенно грязной, вся в синяках и шрамах, и чуть не умерла от недоедания и инфекций.

Группа туристов случайно оказалась в этом районе. Я даже не предполагаю, чтобы с ней случилось без них. Мое сердце сжимается в груди, и я делаю еще один глоток виски.

Она спасла себя сама.

Прошло четыре года с тех пор, как она вернулась домой. Больше количество времени она находилась под охраной, снова приспособившись к жизни. Она периодически проходила терапию в течение первых нескольких месяцев, пока не начала видаться с молодой женщиной по имени Мередит Бек. Та оставалась с ней в течение двух лет, Катя регулярно посещала терапевтические занятия, количество которых со временем уменьшились. Она не посещала ее в течение последних восьми месяцев и последний раз, когда она пошла к доктору Бек, та прописала ей снотворное, но Катя им не воспользовалась.

Я взломал сайт группы поддержки, в которой, как я знаю, Катя является активным участником. Чрезвычайно активным. Она заходит туда ежедневно и является одной из постоянных из небольшого количества пользователей здесь. Кажется, это единственное социальное взаимодействие, которое у нее есть.

Сначала это было просто желание найти больше информации о том, как она исцеляется. Вначале у меня было только желание почитать ее сообщения и выяснить, имеются ли до сих пор у нее проблемы со сном. Я узнал много нового о моей Кате, после того как проник в систему. Она милая девушка с добрым сердцем. Она хочет быть счастливой.

Я делаю еще один глоток виски, не обращая внимания на бумаги, лежащие на столе, с подробным описанием ее темного прошлого, и сосредотачиваюсь на том, какая она сейчас в настоящем. Насколько ей лучше. Здорова ли она, счастлива ли. Хотя боль все еще присутствует. До сих пор в ее жизни — пустота, ... это пока.

Я создал собственный аккаунт и подделал личность. Я не стал выкладывать подробную информацию, как и большинство пользовательских профилей здесь.

Я знаю, что это неправильно, но я хочу узнать ее.

Госпожа Линн рассердилась бы, узнав об этом, но мне любопытно. Я должен узнать больше о ней. Катя Харрингтон. Информация о ней была легкодоступна, и я изучил ее как следует. Все ее прошлое. Несколько раз.

Любопытство даже близко не стоит с этим. Я знаю, что Катя пережила, и что она выжила. Более того, я понимаю, чего она ищет. Знаю, в чем она нуждается. В начале, когда я прочитал стенограммы представителей отдела по защите свидетелей с ее показаниями, я был в ужасе. Она подверглась издевательствам всевозможными способами в течение многих лет наряду с недоеданием и постоянным насилием.

Бедная девочка слишком многое пережила.

Она сильная. Ожесточенная. Но нуждающаяся.

И я отчаянно хочу заполнить эту пустоту для нее.

Я и так знаю, что мои пути достижения цели извращены, так что это, вроде, просто капли в море. Я еще раз проверяю пустой экран. Она должна выйти в сеть в ближайшее время. Она — человек привычки. Ее учетная запись показывает, что она бывает здесь почти каждый вечер. Это то, что я должен буду дать ей, если решу, что она хороший партнер. И если она согласится быть моей.

Подписанные Катей документы лежат передо мной на кухонном столе справа от ноутбука. Я знаю все, что случилось с ней после ее похищения. Все, что она пережила за последние четыре года. Она такая сильная, смелая женщина. И везучая. Ей так чертовски повезло, что это была группа туристов, нашедших ее на окраине города. Если бы обнаружившим ее оказался кто-то другой, то кто знает, где бы оказался мой котенок.

Она провела четыре года взаперти в темнице, где с ней обращались, как с дерьмом. Постоянные издевательства и пренебрежение, пока она не уступила тому, что хотел Карвер Дарио. Она делала то, что должна была сделать, чтобы выжить. Он не был хозяином. Он — насильник, который заслужил умереть мучительной смертью.

ОБЩИЙ ЧАТ

Пользователь *Kummi93* вошел в систему.

У меня колотится сердце, пока я наблюдаю за изображением на экране. Я ждал ее. Это неправильно. Знаю. Но я не разочаровываюсь в том, что затеял. Плевать.

ЛбкКэт89: Привет Кэт!

Китти93: О, привет! Ты — новенький? Добро пожаловать!

Улыбка проскальзывает по моему лицу на ее готовность быть доброжелательной. Ее радость так очевидна, что даже чувствуется через экран.

ЛбкКэт89: Да. Сегодня я здесь впервые.

Китти93: Здесь хорошо. Я думаю, ты действительно найдешь здесь поддержку.

ЛбкКэт89: Пока надеюсь!

Китти93: ...

Точки появляются и исчезают с экрана, это говорит о том, что Катя печатает ответ. Я подумываю о том, что она печатает, но затем жду еще несколько секунд.

Китти93: Как ты сегодня?

ЛбкКэт89: Сегодня хорошо. Прошло много времени с тех пор, как у меня был тяжелый период.

Я печатаю ответ до того, как у меня есть время поразмыслить. Я не слепой и понимаю, что это группа поддержки, и, следовательно, здесь еще есть люди кроме Кати и меня. Я не заинтересован в том, чтобы воспользоваться Катей или кем-либо другим. Мне только нужны ответы, чтобы убедиться, она именно та, которую я ждал так долго. Я знаю, она обычно не опаздывает, и я здесь только ради нее. Но сделаю все возможное, чтобы вписаться и буду осторожен.

Возможно, я не проходил через то, через что прошли некоторые их людей, общающиеся здесь. И некоторые здесь уживаются со смертью. Уж я — то знаю.

Китти93: О! Это очень хорошо! Что привело тебя сюда?

ЛбкКэт89: Можем ли пообщаться в личке?

ОБЩИЙ ЧАТ

Дорогаядевочка86 вошла в систему.

Китти93: Конечно, Кэт! И привет, дорогая!

Дорогаядевочка86: Привет всем! Добро пожаловать, Кэт!

Я не отвечаю на приветствие Дорогой. Не хочу создавать иллюзию, что останусь здесь. Я только хотел прощупать Катю. Я хотел увидеть, какая она, чтобы убедиться, она именно такая, как я о ней думаю. Сильная и полная жизни, но запятнанная греховной тьмой, что делает ее идеальной для меня.

ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Китти93: Я рада пообщаться. Но сообщая тебе, что группа действительно поддерживает и не осуждает.

ЛбкКэт89: Я пытаюсь решить, чего хочу от партнера. С моими потребностями это сложно.

Я смотрю на глупый ответ, данный мной, и осознаю, что, по крайней мере, это правда.

Китти93: О! Понимаю. Ты недавно разорвал отношения?

ЛбкКэт89: Нет, у меня не было их в течение многих лет.

Китти93: У меня тоже.

Мое сердце глухо стучит в груди, и я хмурюсь на ее ответ. Я впечатлен, что у нее не было отношений после ее освобождения.

ЛбкКэт89: Как закончились твои последние отношения?

Китти93: Ужасно. Я ушла,... он был моим обидчиком.

Мне странно, что она называет то, что с ней случилось, отношениями. Ее психологический портрет не показывает, что у нее имелся Стокгольмский синдром или какой-либо еще тип психологических проблем, кроме периодических ночных кошмаров. Что вполне объяснимо.

ЛбкКэт89: Ты любила его?

Китти93: Нет. Я его ненавидела. Но с ним, по крайней мере, я была в безопасности.

ЛбкКэт89: Безопасности?

Китти93: Я знала, что не умру. Мне очень жаль, если это так ...мрачно. Я не хотела бы поднимать этот вопрос.

ЛбкКэт89: Мне нравится разговаривать. Ты можешь говорить, о чем хочешь.

Китти93: Спасибо. Давай поговорим о тебе! Ха-ха.

ЛбкКэт89: Ха-ха. Думаю, что мне более комфортно говорить о тебе, если ты не возражаешь... Есть ли у тебя вопросы ко мне?

Китти93: О! Ну, если это будет более комфортно для тебя. Мы можем поговорить о чем угодно.

ЛбкКэт89: Почему ты называешь это отношениями? То, что было у тебя с твоим обидчиком?

Китти93: Не знаю. Извини, мне не следовало бы.

ЛбкКэт89: Не извиняйся. Все нормально. Мне просто было любопытно.

Китти93: Я думаю, потому что он единственный... Я не знаю, как это сказать.

ЛбкКэт89: Он был твоим единственным сексуальным партнером?

Китти93: Нет, он делился мной.

ЛбкКэт89: За исключением того, с кем он делился тобой.

Китти93: Да. Я пробовала другие отношения. Теперь это не кажется... Не знаю как сформулировать... Будто я не чувствую, что... Не знаю, как выразить.

ЛбкКэт89: Как они смогут справиться с тобой?

Китти93: Думаю, что-то в этом роде.

ЛбкКэт89: Что они могут не справиться?

Китти93: Я хочу быть сабмиссивом. Я желаю чувствовать себя защищенной, и чтобы обо мне заботились.

Я смотрю на нее ответ, и я в недоумении, полон отвращения. Гнева. Он не защищал ее, не заботился о ней. Я со всей злостью набираю пальцами на клавиатуре, громкие щелчки раздаются в комнате.

ЛбкКэт89: Ты чувствовала то же самое к своему обидчику?

Китти93: Я притворялась, что чувствовала. Это облегчало мне жизнь. Я создала в уме фантазию, и думаю, это помогло мне легче пережить.

Услышав ее признание, мое сердце так сильно болит за нее.

ЛбкКэт89: Мне очень жаль.

Китти93: Все нормально.

ЛбкКэт89: Нет, не хорошо. Я не хотел ворошить то, что произошло с тобой.

Я нервно жду ее ответа. Хочу оценить, насколько она пострадала, и как это влияет сейчас на ее жизнь. То, через что она прошла, остается с человеком на всю жизнь. Но то, что

она делает с этой жизнью, это только ее решение. Я в шоке от того, что она считает это отношениями, или даже подумала их так назвать.

ЛбкКэт89: Так что теперь ты не заинтересована в отношениях?

Китти93: Я хочу, просто это... Я пыталась попробовать однажды другие отношения. Нормальные. Не сработало.

Мои легкие втягивают воздух. Мы так похожи, но такие разные.

ЛбкКэт89: Я тоже. Не хочу нормальных отношений.

Китти93: А что ты хочешь?

Я задал вопрос, ожидая от нее ответа. Но не хочу предугадывать ее ответы.

ЛбкКэт89: Сначала ты.

Китти93: Ха-ха.

ЛбкКэт89: Думаю, я странная.

Китти93: Все нормально. Я тоже странный. Мы можем быть странными вместе.

Моя кровь закипает, мой член дергается на ее ответ и от игривости нашей беседы. Я чувствую себя так, словно выманиваю котенка, моего котенка, поиграть.

Китти93: Думаю, мне нравится, когда надо мной доминируют.

ЛбкКэт89: И что в этом странного?

Китти93: Действительно доминируют.

ЛбкКэт89: Это как-то связано с тем, через что ты прошла?

Я знаю, что связано, но все же хочу спросить. Документы по ней и ее история, отчеты мозгоправов, которые я просмотрел — все это мнения других людей. Я желаю знать, что она сама думает.

Китти93: Что-то в этом роде. Дело в том, что он был моим хозяином.

Китти93: А теперь я хочу другого.

Я втягиваю воздух в легкие, и пытаюсь заставить свой член опасть. Ее признание только укрепляет мое желание получить от нее то, что я хочу. Мне нужно увидеть ее. Мне необходимо оценить нашу химию.

ЛбкКэт89: Так ты хочешь хозяина? Что ты хочешь от него?

Китти93: Черт знает что.

ЛбкКэт89: Мне нравится, черт знает что. Я тоже хочу, черт знает что.

Китти93: Я хочу, чтобы он владел мной. Желаю быть его настоящей рабой, но мне также нужна моя жизнь. Я читала такие истории. Они кажутся слишком хорошими, чтобы быть правдой. Нормальная жизнь, но с отношениями Хозяин/раб. Возможно, поэтому я хочу этого. Не знаю. Существует клуб, я видела, и подумываю съездить туда. Просто, чтобы посмотреть.

ЛбкКэт89: Почему ты просто не хочешь отношения Доминант/сабмиссив?

Китти93: Мне не нужен Дом. Я хочу Хозяина. Существует разница, и я знаю, чего хочу. Я желаю, чтобы он владел мной. Но делал все по справедливости. Мне так мечталось о таком, где я желанна и защищена им во всем, а также он мой полностью. Я хочу, чтобы это стало реальностью.

Я закрываю глаза и пытаюсь не застонать. Она словно дразнит меня. Насмехается надо мной, говоря все эти правильные слова. Я начинаю набирать ответ, что-то про оценку ее желания, спрашивая ее, что конкретно она хочет. Но все это будет впустую, если между нами не будет химии, или если она просто не готова к этому. Я удаляю слова, стирая все

написанное.

Китти93: Понимаю, что не знаю твоей истории, но я, правда, надеюсь, что ты не обиделся. У меня не было такого намерения.

Нервный смех вырывается из меня, когда я потягиваю виски, чувствуя, как тепло растекается по мне. Она не обидела меня ни в малейшей степени, просто сделала признание, которого я ждал, чтобы начать преследовать ее. Я мог бы подтолкнуть ее, мог бы уже преследовать. Но мне нужно справиться с ней деликатно. Она, в некотором смысле, похожа на котенка. Моего котенка. С острыми коготками, готовая выпустить их, когда нужно. Но любопытная. Я полагаю, что это любопытство. Если она захочет меня, если она действительно пожелает этого, то проявит инициативу сама.

Я не такой уж терпеливый человек, но хорошее приходит к тем, кто умеет ждать.

Так говорят.

Я допиваю последний глоток виски, кубик льда ударяется о стенку стакана, издавая звон, алкоголь обжигает мне горло, и тепло распространяется по моей груди. Я, наконец, отвечаю. Всего лишь один маленький толчок.

ЛбкКэт89: Ты не узнаешь, если не пойдешь, **Китти93.**

Глава 6

Катя

Звук легкой, элегантной музыки обволакивает меня, когда я иду по клубу «Х», стук моих каблучков мягко глушится в плюшевом дорогом ковре. Проходит какое-то время, пока мои глаза привыкают к полумраку окружающего освещения, после того как вышибала жестами проводил меня в центр фойе, перед тем как вернуться обратно на свой пост. Мои глаза смотрят в ту сторону, в которую он указал, и я потрясенно втягиваю в себя воздух от вида, открывшегося передо мной.

Клуб абсолютно роскошен, с огромным банкетным залом, высокими сводчатыми потолками и великолепными эротическими картинами Викторианской живописи на всех стенах. Мои ноги несут меня сами ближе к месту, откуда слышится гул голосов. В середине огромной комнаты насколько охватывает взгляд, усеянной изящно оформленными столами, на заднем плане находится огромная сцена, закрытая большими красными шторами. Судя по тому, что госпожа Линн сообщила мне, сцена используется для BDSM-шоу, хотя на сегодня не запланировано ни одного. На одной стороне комнаты находится высококлассный бар с синей подсветкой, которая контрастирует с красной подсветкой на стенах, исходящей из канделябров. Здесь все очень элегантно и соблазнительно. Каждая деталь источает сексуальную привлекательность.

Мое тело знобит, когда я понимаю, насколько далеко я зашла. Я скрещиваю руки на груди и браслет, который я нашла в коробке с приглашением, ударяет мне по груди. Я смотрю вниз на него. Он простой, но элегантный, только две тонкие серебряные полосы с пустым пространством между ними. Это значит, что я хочу быть Рабыней. Браслет означает как мое членство, так и служит знаком для тех, кто ищет партнеров. Госпожа Линн спросила меня, по крайней мере, полдюжины раз, уверена ли я. Она сказала мне, что если я передумаю, то всегда могу изменить, положив ленту посередине браслета. Цвет, который будет означать мои пределы. Но я уверена.

Я оглядываю большой зал и снова восхищаюсь. Но все меркнет по сравнению с гостями, фланирующими по комнате.

Пространство заполняют красивые мужчины, одетые в вечерние маски, некоторые с изображением животных, некоторые украшенные ангельскими крыльями, другие — закрытые маски. Их дорого выглядящие костюмы излучают богатство и власть, как и их осанка и тон голоса. Некоторые сидят за столиками, разговаривая друг с другом, в то время как другие входят и выходят из комнаты в коридор, который, я уверена, ведет к другим, более темным частям клуба. Но большинство мужчин имеют одну общую черту — цепь, ведущую к ошейнику едва одетой женщины.

Эти женщины следуют за своими Домами или Хозяевами с абсолютной покорностью, это так очевидно. Они все также одеты в такие красивые, блестящие и элегантные, но пикантные платья, которые подчеркивают их великолепные формы. Они выглядят... здоровыми. И счастливыми. Именно это удивляет меня больше всего. Мое тело закипает от осознания, и я немного прислоняюсь к стене, нуждаясь в поддержке. Это не похоже на мое прошлое. Это фантазия. Я прерывисто вздыхаю, успокаивая себя. Я здесь в безопасности. Я открываю глаза и смотрю, как женщина, сидящая на коленях на подушке рядом с ее Хозяином, смеется над тем, что он сказал. Или, может, он ее Дом. Я не знаю. Я не могу разглядеть ее браслет или его. Но что я действительно вижу — это ее очевидная преданность ему, а его — ей.

Мое сердце бешено колотится, пока я взираю на каждую из пар, снова озадаченная той красивой одеждой, которую они носят, хотя многое из этого кажется более похоже на лоскутки ткани.

Перебирая пальцами свой браслет новичка, я чувствую себя неловко в моем коротком черном платье чуть выше колен. Оно даже близко не стоит с теми сексуальными нарядами этих потрясающих женщин, но я знаю, я здесь для того, чтобы только проверить клуб. У меня будет время, чтобы одеться похоже на них, ... позже, ... если я решу присоединиться. Я соглашаюсь кивком с моими собственными мыслями. Я здесь только для того, чтобы попробовать. Темный голос глубоко внутри меня начинает шевелиться, шепчет, что я принадлежу этому месту. Я игнорирую его.

Мое дыхание учащается, когда я вижу, как Хозяин останавливается как вкопанный, чтобы погладить свою рабыню, которая покорно следует за ним на коленях. Комната вращается вокруг меня, когда я смотрю, как нежно он поглаживает ее волосы, и я прижимаю руку к горлу, мои губы приоткрываются от восторга.

Все в этом месте опьяняет: роскошный интерьер, хорошее освещение, властные мужчины и сногшибательные женщины! Я делаю глубокий вдох, пока чувство эйфории проходит через меня. Это подобно тому, словно я под кайфом от окружающего меня, пьяная от взаимодействия между сабами, Домами и Хозяевами. Мой пульс несется и внутренности нагреваются. Видя этих женщин, послушно следующих за этими властными мужчинами, я напоминаю себе, как сильно я нуждаюсь в Хозяине. Насколько мне *нужен* Хозяин.

Я хочу ощутить себя в безопасности так же, как они себя чувствуют. Удовольствие от того, что ты вознаграждена и ценима. Мое сердце переворачивается у меня в груди.

Госпожа Линн в переписке, которую мы вели с ней после того, как я ответила на ее письмо, рассказала мне обо всем, что я хотела узнать о клубе и политике, но я никак не ожидала увидеть такое. Это просто... я качаю головой. У меня нет слов. Клуб не выглядит так, через что я прошла, но в то же время он несет в себе знакомое для меня чувство. Впервые после возвращения домой, я надеюсь, что смогу найти сексуальное удовольствие.

Эта мысль волнует меня до глубины души и пугает одновременно.

Когда прохожу мимо пар, мое сердце бешено колотится, ладони потеют, пока я медленно начинаю двигаться по клубу, восстанавливая уверенность в себе. Опустив глаза, я начинаю спускаться в зал, вцепившись рукой изо всех сил в перила. Мои эмоции представляют собой бурную смесь, но преобладающее чувство — похоть.

Я игнорирую взгляды мужчин, мимо которых прохожу, зная, что нельзя смотреть им в глаза и необходимо ждать, когда они обратятся ко мне. Мое сердце колотится так быстро, словно оно сейчас вылетит через мое горло. Я здесь по своей воле, но не хочу никому давать себя в обиду. Пока я спускаюсь вниз в зал, некоторые из мужчин за соседними столиками останавливаются, чтобы посмотреть на меня. Двое даже приближаются ко мне, и я стою неподвижно, мой взгляд устремлен в пол, ожидая, чтобы они отдали мне приказ, но когда они замечают мой браслет, то отводят взгляд в сторону. Один нежно касается пальцами моего браслета и говорит мне глухим голосом:

— Добро пожаловать!

Я быстро отвечаю:

— Спасибо, сэр.

И жду дальнейших указаний, но он просто оставляет меня и возвращается к своему столу. Я осмеливаюсь посмотреть вверх и, похоже, мужчинам доставляет удовольствие разговоры, которые они вели раньше.

Прежде чем я успеваю обдумать свои действия, я наблюдаю за тем, как ни с кем не связанная молодая женщина, беседующая с группой мужчин за столом, поднимается со своего места и подходит ко мне. Когда она приближается, я поражена тем, как красива и сексуальна она. Она двигается с элегантностью, которую я наблюдаю обычно у женщин в двое старше ее, одетая в красное платье в стиле бэби долл с черным поясом посередине, ажурные чулки и туфли с черными глянцевыми каблуками. Ее русые волосы забраны в пучок с тонкой челкой, которая обрамляет ее глаза, и на ее лице надета теплая и гостеприимная улыбка.

Она протягивает наманикюренную руку, когда подходит ко мне.

— Привет, Катя, — здоровается она со мной своим низким и соблазнительным голосом. — Так приятно, наконец, встретиться с тобой. Добро пожаловать в Клуб «Х» я — Госпожа Линн.

Ее рукопожатие мягкое и приветливое, и я чувствую себя совершенно непринужденно в ее присутствии.

— Госпожа Линн? — спрашиваю я, не в силах удержать недоверие в голосе.

Госпожа Линн дружелюбно улыбается мне, демонстрируя идеально белые ровные зубы.

— Во плоти.

Знаю, это может показаться грубым, но я смотрю на нее, широко раскрыв глаза, не в состоянии ответить. Я просто не могу поверить в это. Как в мире существует кто-то такой молодой, отвечающий за все это? В беседе со мной по Интернету она показалась мне мудрой не по годам. Я предположила, что она значительно старше той молодой женщины, что стоит передо мной. Было так легко довериться ей в Интернете, я чувствовала, будто разговаривала с матерью. Для меня шок увидеть, что она старше меня, самое большое, всего лишь на несколько лет.

— Что-то случилось? — спрашивает Госпожа Линн, когда я молчу дольше нескольких секунд.

Я качаю головой.

— Нет, извините, — быстро отвечаю я.

Она усмехается, махнув пренебрежительно рукой.

— Не нужно извиняться.

У меня такое чувство, что подразумевается нечто большее, чем просто встреча взглядов с Госпожой Линн, но я не собираюсь ее спрашивать. Это не мое дело.

Она поворачивается и жестом указывает на большой банкетный зал.

— Так что ты думаешь? — спрашивает она. — Это тебе по вкусу?

Я обращаю свой взгляд обратно к залу, видя всех этих властных мужчин, одетых в костюмы с их сабами и рабынями, мое дыхание снова становится прерывистым.

— Это замечательно, — говорю я, затаив дыхание, и это именно то, что я действительно думаю. Качаю головой и продолжаю. — Я никак не думала, что это будет так ..., — и мой голос затихает, так как мне трудно подобрать слова.

— Опьяняюще? — подсказывает Госпожа Линн.

Это именно то, о чем я думал. Я киваю головой и благодарно ей улыбаюсь.

— Да.

Она по-доброму улыбается мне в ответ.

— Это действительно так, такого места ты не найдешь больше нигде. И как я уже говорила, все члены здесь проходят проверку. Помимо этого, они безопасны для тебя и чисты, а клуб под защитой. Обещаю тебе.

Ее глаза сияют искренностью.

Пока эмоции переполняют меня, она добавляет:

— Но здесь есть гораздо больше того, что ты видишь. Хочешь экскурсию?

Она жестами указала на вход в коридор с видом на банкетный зал.

Я осторожно встряхиваю головой, у меня заняло почти год, чтобы чувствовать себя снова комфортно, когда я произношу «нет».

— Могла бы я сама посмотреть? — тихо спрашиваю я.

— Конечно, — отвечает она и слегка кивает головой, прежде чем переключить внимание на того, кто зовет ее в нескольких столиках от нас.

Это грубо, но я ухожу, не сказав ни слова, оставив Госпожу Линн стоять с удивленным выражением на лице позади себя.

Я иду по коридору, гул знойной музыки становится приглушеннее, и стараюсь держать свои глаза при себе, когда Дом и саба проходят мимо меня. Они наслаждаются игрой во власть в их отношениях, а я взволнованная шагаю дальше по коридору. Это место — живое, дышащее фантазиями.

Я дохожу до конца и подхожу к комнате с несколькими раздвижными стеклянными дверями. Через них я могу видеть обнаженных мужчин в масках и женщин, занимающихся всякими прелюдиями. У меня перехватывает дыхание в горле, когда я смотрю на женщину, стоящую на коленях и сосущую огромный член мужчины, находящегося перед ней. Моя нижняя часть тела начинает пульсировать от необходимости, пока я слежу за движением ее головы взад и вперед, и за тем, как мужчина наблюдает за ней, сжимая ее затылок и руководя ее движениями.

Я так занята наблюдением за абсолютной порочностью происходящего передо мной, что почти не слышу приближающихся шагов.

— Не уверена, что тебе это надо, Катя, — слышу я голос Госпожи Линн позади себя.

Мое сердце подскакивает в груди. Я подпрыгиваю от испуга и прижимаю руку к бешено бьющемуся сердцу. Мои щеки горят от стыда, пока я пытаюсь перевести дыхание.

— Прости, дорогая, я только хотела, чтобы ты знала, что темницы внизу.

Когда я поворачиваюсь к ней лицом, моя кровь стынет в жилах от ее слов. *Подземелье*. Я рассказала ей о некоторых своих фантазиях. И я хочу иметь настоящего Хозяина, который будет дисциплинировать и наказывать меня. Но мысли об увиденном прямо сейчас... Я просто не могу. Я на краю и пытаюсь принять все это.

— Катя? — Госпожа Линн спрашивает с беспокойством, видя страдание, промелькнувшее на моем лице на короткое мгновение.

Я выпрямляю спину и улыбаюсь ей короткой, нервной улыбкой.

— Извините.

Госпожа Линн отмахивается от моих тревог, качая головой. Я впечатлена тем, какая она великодушная и приземленная.

— Это не проблема вообще. Я вижу, ты немного... ошеломлена.

— Думаю, осмотр игровых комнат сейчас подходит мне, — отвечаю я, уводя тему разговора от ее более раннего предложения.

Часть меня хочет пойти в подземелье, но я хочу увидеть его таким образом, чтобы это наполняло желанием, не провоцируя меня. Знаю, что хочу осмотреть его. Но не сейчас. Не пойму, почему именно так. Я не знаю, потому ли, что мне суждено жаждать этот порок или же это нечто такое, что навсегда врезалось в мою душу из-за моего прошлого. И я хочу почувствовать жало кнута. Я научилась поклоняться ему, и жажду удовольствия, к которому он меня приведет. Я отчаянно хочу его. Но еще рано. Не прямо сейчас.

На данный момент Клуб «Х» похож на прибежище для сексуальных удовольствий, именно тех фантазий, о которых я мечтала. Желание наполняет мою кровь, когда мой взгляд падает обратно на совокупляющихся до потери сознания Домов и саб. Я даже замечаю плети на задней стенке игровой комнате, а моя кожа горит еще жарче, когда я вспоминаю, насколько хорошо ими владел мой Хозяин. Он был так хорош с хлыстами; что я научилась любить их укусы. На самом деле, это приносило мне большее удовольствие, чем все остальное, что он делал.

— Если ты заинтересована найти кого-то... — говорит Госпожа Линн, вырывая меня из транса, — ты можешь подождать здесь.

Мое сердце бешено колотится от мысли ощутить это снова. Принесет ли это мне такое же удовольствие?

— Кто мог бы...? — начинаю я спрашивать, но слова застревают в горле. *Выпороть меня*. Но госпожа Линн точно знает, что я имею в виду.

Она жестом показывает на мужчин, входящих и выходящих из коридора, а также на других, которые наблюдают за тем, что происходит внутри комнаты.

— Кого бы ты ни выбрала, Катя. У тебя нет ошейника на шее. Здесь всегда есть выбор, — она позволяет мне осознать сказанное ей пару мгновений, прежде чем добавляет, — не расстраивайся, если немногие из них подойдут к тебе.

Я стреляю в нее глазами, в очередной раз, чувствуя себя неловко.

— Ты носишь браслет раба. И это большая ответственность. Большинство мужчин здесь не заинтересованы в том, чтобы быть Хозяином.

Ее брови подняты, и она смотрит на меня так, словно ее интересует вопрос, понимаю ли я.

Я тяжело сглатываю и киваю.

— Я понимаю.

— Хорошо.

Она берет мою руку в свою и гладит по ней.

— Если ты покажешь свое подчинение, то мужчины придут и предложат тебя свое партнерство.

Я опять киваю и шепчу:

— Спасибо.

Мое сердце сжимается. А затем она поворачивается и уходит, ее каблуки цокают по полу. Я остаюсь одна, дрожащая от возбуждения и желания, мой мозг устраивает гонки от стольких возможностей.

Потирая свой браслет, я оглядываюсь назад, внутрь игровой комнаты и начинаю истекать слюной. Я хочу этого. Я жажду. Я хочу подчинить себя кому-то.

Принадлежать кому-то.

Каждый миллиметр моей кожи горит от желания. Слова Госпожи Линн всплывают в моей памяти, что здесь всегда есть выбор.

Втягивая глубоко в себя воздух, я закрываю глаза и принимаю решение.

Нет ничего важнее настоящего, и я пришла сюда не затем, чтобы позволить страху управлять мной. Мне необходимо узнать, действительно ли это то, что я хочу.

Я становлюсь на колени на пол в передней части комнаты, склоняю голову, ставя себя в позу покорной. Звуки секса, идущие с другой стороны игровой комнаты, достигают моих ушей, мое дыхание становится тяжелым, в то время как моя киска сжимается от необходимости.

Проходит немного времени, прежде чем люди в масках, входящие и выходящие из игровой комнаты, подходят ко мне. Некоторые останавливаются, чтобы поговорить со мной, но как только видят мой браслет, их тут же, как ветер, сдувает. Я чувствую разочарование, в итоге и те, которые были посмелее, прекращают взаимодействие со мной. Один человек даже останавливается, чтобы сказать мне, какая я красивая и какая хорошая девочка. Но его слова пустой звук, потому что после нескольких комплиментов, он уходит, как и все остальные.

Меня потрясает то, насколько их отказ влияет на меня.

Я удерживаю себя в позиции, хотя начинаю волноваться, что ни один из этих людей не хочет того, чего желаю я.

Я потрясена тем, что они предпочитают сабмиссивов. Быть рабом означает, что ты более уязвима, чем сабмиссив, и для мужчин, которые жаждут власти, я должна быть более привлекательным партнером. Но в некотором смысле, тот факт, что многие из этих людей уважают различие между собой и рабыней, и не пользуются моей уязвимостью, и тот факт, что они уважают мои желания, все это заставляет меня чувствовать себя еще более комфортно в клубе. Это вселяет в меня надежду, что если я найду Хозяина, то он окажется тем, кому я смогу отдать себя целиком и полностью, доверить свою безопасность.

Я остаюсь на коленях, уткнувшись лбом в пол, и, кажется, что проходит целая вечность, пока я наблюдаю за тем, как люди в масках останавливаются, что взглянуть на мой браслет, а затем продолжают свой путь, прежде чем я слышу тяжелый глухой звук шагов, приближающихся ко мне сзади.

Я подавляю желание поднять голову, когда шаги затихают около меня. Если это,

наконец, тот, кто хочет быть моим Хозяином, то я хочу показать, что могу быть самой покорной рабыней. По крайней мере, для вида. Лишь на мгновение. Я всегда могу уйти. Мое сердце колотится, пока я жду, когда будут произнесены слова, хоть какие-нибудь, мое дыхание медленное и неровное. Я чуть вздрагиваю, когда теплый палец поднимает мой подбородок, и я вынуждена посмотреть на маску человека с резкими, аристократическими чертами.

— Ты действительно ищешь Хозяина? — спрашивает он низким и глубоким голосом, пристально глядя на меня.

Он говорит с властью и силой. В нем ощущается дух доминирования. Но мое желание сменяется страхом.

Пока я медленно киваю головой, я чувствую, как мелкая дрожь пробегает по моему телу. Я тяжело дышу, пытаюсь успокоиться, когда вижу его браслет, такой же, как у меня. Он — Хозяин. Я пытаюсь представить его бьющим меня плетью, но сексуальное напряжение отсутствует.

Это было ошибкой.

В тот момент, когда эта мысль поражает меня, я краешком глаза ловлю движение. Человек в маске подходит сзади мужчины, по-прежнему сжимающего мой подбородок, но он излучает нечто гораздо большее, чем силу, его походка наполнена уверенностью, его пронзительные зеленые глаза смотрят глубоко в мои.

Ярость наполняет воздух, а еще обладание, что расходится от него волнами и разжигает пламя желания во мне. Мои соски напрягаются, а моя киска сжимается, пока он тяжелой поступью идет с угрожающим внешним видом. Только взгляд, брошенный на него, заставляет мое сердце пуститься вскачь, и низ моего живота сжимается от отчаянной потребности.

Я даже не могу увидеть все его черты за маской, но то, что я вижу говорит мне о том, что он красив, как черт. Точеная челюсть с пробивающейся щетиной, ярко-зеленые глаза, от взгляда которых моя кожа начинает покалывать. Он высокий, широкоплечий, и его русые волосы зачесаны на бок, почти как у старомодных гангстеров, усиливая тем самым его сексуальную привлекательность.

Боже, он чертовски сексуальный. Мое дыхание отказывается мне подчиняться. *Он — Хозяин.*

Когда он приближается, я забываю, что рядом стоит человек, удерживающий меня за подбородок. Приближение этого божества становится единственным, что существует для меня сейчас в комнате, его глаза как бы молча говорят мне: *Ты, черт поberi, моя.*

Глава 7

Айзек

В тот момент, когда Катя вошла, меня потянуло к ней. Ее великолепные светлые волосы струятся почти до бедер. Ее голубые глаза немного бледнее, чем я думал. Они широко распахнуты и полны любопытства.

Мой котенок, наконец-то, здесь.

Меня убивало находиться в стороне и позволить ей самой принять решение, но я знал, что она придет сюда, когда будет готова. Она хочет этого. *Нуждается* в этом.

Я наблюдал за ней, пока она медленно прогуливалась по клубу, нервно держась за

подол своего платья. Ее грудь поднималась от тяжелых вдохов, когда она заглянула в игровую комнату. Я хотел, чтобы она привыкла к клубу. Я желал, чтобы Катя чувствовала себя в безопасности и комфортно в этой атмосфере.

Но я уверен, черт побери, что не позволю, чтобы какой-то урод украл ее у меня, прежде чем у меня бы появился шанс.

Джо Леви касается ее своими руками. Просто крепко держит ее за подбородок. Но это проявление собственности и заинтересованности. Он оценивает, достойна ли она того, чтобы ее взяли в качестве рабыни или нет. Некоторым мужчинам нравится ломать их, а другим, чтобы рабыни уже были обучены. В некотором смысле, Катя объединяет в себе оба эти качества.

Но не для этого человека.

Она — моя. И он должен убрать свои руки прочь от нее.

— Котенок, — зываю я к ней в голос, игнорируя Джо, что заставляет его повернуться. Когда я приближаюсь, мои тяжелые шаги эхом отдаются в комнате. Я чувствую, как несколько глаз устремлено на нас, но меня не волнует, устрою ли я спектакль. Я не допущу этого.

У Джозефа Леви, насколько известно, темные предпочтения. Как и у меня в некоторых отношениях, но еще темнее. Он наслаждается унижениями и оскорблениями. Так я слышал. Такова его репутация, а он членствует в клубе всего несколько месяцев и редко взаимодействует. Хотя и присутствует на каждом аукционе, но он все еще размещает заявки. Как и я.

Я должен был догадаться, что он ждет того же, чего и я. *Катю*. Шел бы он к черту. Он понятия не имеет, что она пережила. Он не может дать то, что ей необходимо, что могу дать я.

Но она не знает меня. Она не имеет ни малейшего понятия, что ей предстоит. И, в конечном счете, это ее выбор.

Катя поднимает глаза к моим. На выдохе ее плечи поднимаются. Моментальная искра вспыхивает, в то время как ее дыхание сбивается. Каждый сантиметр моей кожи покалывает, признавая ее. Мое сердце бьется быстрее, а кровь закипает от желания. Она стоит на коленях и ждет Хозяина. Она в ожидании меня.

— Здесь нет ошейника, — говорит Джо, глядя на меня прищуренными глазами. Я поворачиваюсь на звук его голоса, отрывая свое внимание от Кати, и это выводит меня из себя еще больше. Бесит, не то слово.

— Нет, здесь нет.

Мне чертовски ненавистно, что он прав. И я намерен исправить эту ситуацию, прежде чем Катя уйдет. Я не хочу, чтобы она находилась здесь рядом с кем-то, кто думает, что может ее забрать. Она ранимая, впечатлительная. Мне необходимо заявить свои права на нее.

— Тогда ты можешь и подождать, — говорит он ледяным тоном, повернувшись ко мне спиной и делая шаг в сторону, чтобы заблокировать мне весь обзор на нее. Шипы ярости вонзаются в мою кровь.

Чертов ублюдок. Мои руки сжимаются в кулаки, и краем глаза я вижу, как начинает собираться толпа, а охрана пробирается к нам. Всем известно, что я так легко не приму неуважения по отношению к себе. Я не имею права, но не позволю себя поиметь. Мое сердце бешено колотится, а кровь кипит. Я, черт возьми, не позволю.

Она не принадлежит ему.

Я разминаю шею, не обращая внимания на приближающиеся шаги Джошуа и Доминика, подхожу к нему, рукой надавливая на плечо, чтобы привлечь его внимание. Я готов избить его, нафиг, до полусмерти, если придется, и у меня есть стойкое ощущение, что к этому все и идет.

Я не вспыльчивый и не показываю свою злость, но когда дело касается ее, это совсем другое.

Его темные глаза взмываются к моим, и он отпускает Катю, когда сжимает руки в кулаки, готовясь к тому, что может произойти дальше.

Но прежде чем кто-либо из нас успевает совершить, Катя произносит слова, рассекая сгустившееся напряжение.

— Нет, — она говорит громким голосом, звучащим довольно четко.

Она мгновенно немного съеживается, ясно виден ее страх и сожаление. Мы оба поворачиваемся, чтобы посмотреть на нее. Большие голубые глаза Кати сосредоточенно смотрят в пол, пока она изо всех сил пытается овладеть собой. Она тонет в волнах незащитности. Катя поднимает голову, чтобы посмотреть на Джо, уязвимость ясно светится в ее глазах.

Е-мое, мое сердце разрывается в груди. Меня уничтожит, если она что-то почувствует к нему. Я ощущаю искры между нами, притяжение к ней. Разве она не чувствует этого же в ответ?

— Я сожалею, — говорит она чуть громче шепота, ее голос срывается.

Она прочищает горло, а затем ее глаза находят мои.

— Сэр? — она обращается ко мне, перемещаясь все еще в коленапреклоненной позе лицом ко мне, положив свои маленькие руки на мои ботинки, прежде чем опустить щеку на пол.

Знак полного подчинения.

Она выбрала меня.

Моя грудь наполняется гордостью, и я признаю это с чувством превосходства.

Джо фыркает на меня и смотрит на Катю, но ничего не говорит, когда в бешенстве уходит. Он проходит мимо собравшейся толпы, которую я замечаю только теперь.

Госпожа Линн и Джошуа смотрят на меня с осуждением. Это, конечно, неосмотрительно, такое трудно не заметить. Я не планировал этого представления, но не мог позволить Кате ускользнуть сквозь пальцы.

Я игнорирую их, не обращаю внимания на шепот и вид Госпожи Линн со скрещенными руками на груди, смотрящей на меня с явным неодобрением. Все внимание я уделяю Кате, согнувшись и положив руку ей на затылок.

— Могу ли я посмотреть вам в глаза? — спрашивает она, ее взгляд сосредоточен впереди на полу.

Мне ненавистно, что она должна задать этот вопрос, но она не знает, какие правила существуют. Катя не понимает, что это за место, и ее восприятие отношений Хозяин/Раб искажено и неточно. Но я собираюсь исправить это.

— Можешь. Всегда.

Когда ее глаза достигают моих, я хватаю ее за подбородок и впервые внимательно гляжу на нее. Ее кожа мягкая и загорелая. Шея и плечи великолепны, это мои любимые части женского тела. Элегантные изгибы сводят меня с ума. У нее на коже немного веснушек, а

также тонкие серебристые шрамы, разбросанные по коже.

Она прекрасна.

— Всегда смотри мне в глаза, — говорю я мягко, пока глажу большим пальцем по ее челюсти, желая, чтобы она взглянула на меня. Эти светло голубые глаза, кажется, смотрят сквозь меня, и от этого мое тело леденеет. — Никогда не стесняйся говорить или отвечать. Понятно?

Я уже устанавливаю правила, именно так это работает здесь. У всех нас есть предпочтения, и гораздо проще открыто сказать о них и убедиться, что время не потрачено впустую. Нравы внутри клуба специфические, так что лучше, чтобы они были озвучены и приняты быстрее. И она должна знать, что я ожидаю.

— Да, — отвечает она, и ее голос затихает, как будто она не уверена, как меня назвать.

— Хозяин.

Она делает глубокий вдох. Я вижу, что она испытывает неловкость. Этого следовало ожидать. Она новичок в таком. Мне необходимо замедлить свои действия и держать это в уме.

— Когда будешь готова, ты будешь называть меня Хозяином, — в душе я спорю с собой по поводу позволения иного варианта обращения, но признаю, — Айзек, также приемлемо.

Она явно колеблется, и мне это ненавистно. Катя слегка сжимает бедра и начинает чаще дышать. Какой чертовски хороший знак, поскольку это означает, что она, по крайней мере, возбуждена. Но она все еще напугана и все для нее ново.

— Да, — произносит она, и снова выглядит так, будто хочет сказать больше, но сдерживает себя.

Она ни на сантиметр не сдвинулась с места. Катя на краю и напряжена.

Ей нужно освобождение.

— А как мне тебя называть? — спрашиваю я.

— Как вам угодно, — отвечает она страстным голосом, ее тело дрожит от удовольствия.

Я улыбаюсь ей в ответ, чувствуя, как адреналин в моем теле снижается и мой член твердеет.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я, хотя и так знаю ответ.

Я уже решил, что не буду говорить ей о том, что мне все известно. Я позволю ей довериться мне, чтобы она хотя бы по двум причинам захотела этого сама.

Первая заключается в том, что я могу что-то неправильно истолковать, и не хочу, чтобы она предположила, что я все знаю, особенно, когда ее восприятие может отличаться от того, что написано в бумагах. А вторая причина заключается в том, что я хочу, чтобы она сама пожелала довериться мне. Я хочу, чтобы она открывалась мне в своем собственном темпе. Но чтобы быть хорошим Хозяином, мне также нужно знать о ней все, поэтому я не испытываю вину или стыд, что заглянул в ее прошлое.

— Катя, — отвечает она быстро.

Ее голос мягкий и успокаивающий. В каком-то смысле меня беспокоит, что она хорошо обучена. Кто-то научил ее покорности, и я ненавижу это. Еще хуже, что она была обучена с помощью неправильных методов, которые мне отвратительны, с помощью обмана. Обидчик — не Хозяин.

Я шепчу ее имя, наслаждаясь, как оно соскальзывает у меня с языка.

— Ты пришла сюда, чтобы тебя поимели, Катя?

— Нет, — отвечает она быстро.

Ее дыхание становится учащенным, и по румянцу на ее коже я могу сказать, что она уже близка к своему освобождению. Ее будет легко удовлетворить. Мне это нравится.

— Что ты думала, может произойти, когда пришла сюда?

— Я просто хотела посмотреть, что это такое.

Я не ожидал кроткой невинности ее ответа. Я поднимаю ее с пола и веду к скамье в комнате, усаживаю ее рядом с собой и кладу руку на бедро. Затем бросаю быстрый взгляд туда, где собиралась небольшая толпа, и улыбаюсь, когда вижу, что они ушли. Хорошо. Я благодарен за возможность уединения.

— Довольна ли ты, что нашла здесь? — спрашиваю я ее, развернув свое тело к ней, чтобы она могла видеть, что все мое внимание сосредоточено на ней.

Ее зрачки расширяются, и она облизывает свою нижнюю губу.

— Да.

— Ты возбуждена, не так ли, котенок? — дразню я ее, радуясь, как близко она от меня, и что она, наконец, здесь со мной.

Она краснеет, и небольшая улыбка ползет по ее губам.

— Да.

— Что тебя заводит? — спрашиваю я ее.

— Просто, — она жестами показывает между нами, — только это.

— Мне нужно, чтобы ты была конкретнее.

— Мне нравится, что вы берете контроль.

— В твоём браслете нет средней полосы, это означает, что ты хочешь быть рабом? Ты хочешь постоянные отношения 24/7?

— Думаю, что так, — отвечает она, и улыбка исчезает, а игривость превращается в неопределенность.

— Что нужно, чтобы убедить тебя?

Она смотрит на меня сквозь свои густые ресницы.

— Это было очень давно.

Я знаю, что мы совместимы, что мы хорошо бы подошли как Хозяин и Раб, но она этого не знает. Я должен показать ей.

Я медленно расстегиваю свой ремень. Я буду расширять ее пределы, беря под свой контроль, и покажу ей, что она может доверять мне. А потом вознагражу по справедливости.

Я смутно осознаю, что несколько членов клуба наблюдают со своих мест за комнатой. Хотя я взял двух рабынь отсюда, я никогда не принимал участие в играх в игровых комнатах. Я всегда уводил их в отдельную комнату или забирал домой. На мне маска, но это не значит, что они не в курсе, кто я такой. По крайней мере, те, которые важны для клуба.

Хотя я рад, что они знают. Я хочу, чтобы они понимали, она — моя. Я вытягиваю ремень из петель, наблюдая за тем, как Катя заметно напрягается. Кожа скользит по ткани, шипя, пока я вытягиваю ремень. Я позволяю ремню повиснуть в моей руке.

— Мне необходимо знать твои предпочтения.

Ее плечи поднимаются и быстро опадают.

— Я не уверена, что понимаю, что вы имеете в виду..., — ее голос затихает, и она заметно сглатывает.

— Например, прямо сейчас я хочу, чтобы мой член оказался в твоей глотке.

Я низко приседаю, и оборачиваю ремень вокруг ее шеи.

— Я хочу услышать прекрасные звуки, которые ты издашь, когда будешь давиться моим

членом.

Ее губы распахиваются, и с них слетает прекрасный стон.

— Хотела бы ты этого, котенок?

— Да, — говорит она нетерпеливо, похоть ощущается в ее тихом сладострастном ответе.

Я расстегиваю брюки левой рукой, ее глаза наблюдают за тем, как я тяну молнию вниз и высвобождаю свой член. Я глажу его несколько раз.

— Ты примешь то, что я дам тебе.

— Да, — отвечает она послушно, двигаясь на четвереньках по скамейке.

Я глажу член правой рукой, а левой двигаю ее голову вниз. Я запускаю пальцы в волосы и сжимаю в кулак.

— Сначала, оближи до чистоты, — приказываю я ей.

Капля предэякулята появляется из моей щели, и она быстро слизывает ее. Ее горячий язычок посылает мурашки по моему телу и заставляет мои пальцы сжаться. Я по-прежнему напряженный и контролирующий, но от ощущения ее стремления угодить мне — хочется стонать в полнейшем восторге.

Я усиливаю хватку на основании ее шеи, зная, что причиняю ей лишь незначительную боль. Ее бедра сжимаются и дрожат, и сладкие звуки наслаждения вырывается из нее, пока я опускаю ее горячий рот на мой член. Это явный признак того, что ей нравится боль. Хотя я не знаю, как сильно она хочет ее. Это то, что мы должны обсудить, прежде чем я расширю ее пределы.

— Хорошая девочка, — говорю я ей, толкаясь все дальше, пока не достигаю задней стенки ее горла.

Я закрываю глаза и испускаю стон, давая ей понять, насколько хорошо она ощущается. Я удерживаю ее, наслаждаясь ощущением ее горла, сжимающегося вокруг головки моего члена. Я толкаюсь своими бедрами и вдавливаюсь в нее всей своей длиной, отрезая ей доступа кислорода, ее нос почти касается моего лобка. Я позволяю ей вдохнуть, оттягивая от моего массивного члена. Она резко вдыхает, грудь ходит ходуном, а пальцы сжимаются на скамейке.

— Снова? — спрашиваю я ее.

Если бы она была моей рабыней, я бы не стал беспокоиться. Но я также изучаю ее желания.

— Пожалуйста, — просит она, в ее голосе слышится отчаяние, и я немедленно реагирую, толкая ее лицом вниз, пока она жадно поглощает мою длину.

В этот раз я позволяю ей двигаться, и она насаживается настолько же, как это делал я. Она шире раскрывает рот и принимает в себя столько меня, сколько может. Я опускаю руку и прохожусь по ее спине к сочной попке и немного приподнимаю ее платье. Она носит нижнее белье, но это изменится. Я хочу, чтобы ее киска и задница были легко доступны. А пока я проталкиваю пальцы под тонкую ткань и дергаюсь бедрами, когда чувствую, какая она горячая и мокрая.

Твою мать. Она настолько готова. Она чертовски промокла. Я слегка щипаю ее за клитор, и вибрации от ее стона проходят по моему члену, почти заставляя меня кончить. Но я сдерживаю свое удовольствие. Наш первый раз будет вместе.

Я нажимаю через влажную ткань и дразню ее. Без всякого предупреждения, я засовываю три пальца в ее тугую киску, пока толкаю ее голову вниз дальше на мой член. Я

вхожу и выхожу пальцами из нее, одновременно толкаясь своими бедрами. Сохраняя быстрый темп и наслаждаясь звуками, издаваемыми ее мокрой киской и смешанными со звуками, издаваемыми ей, задыхающейся на моем члене.

Я оттягиваю ее голову от меня, позволяя сделать глоток кислорода. Она нетвердо стоит на ногах и слегка покачивается, глаза потускнели и слюни скопились на уголках ее губ. Она ловит воздух, а потом еще раз, прежде чем я ослабляю хватку у основания ее шеи. Все это время я продолжаю уверенно трахать ее своими пальцами. Поглаживая ее стенки и подталкивая ближе к кульминации.

— Пожалуйста, можно мне кончить? — кричит она с отчаянием.

— Кончи для меня, котенок, — говорю я, прежде чем толкнуть ее голову вниз.

Она энергично сосет меня, голова ходит вверх и вниз, она втягивает щеки в стремлении заставить меня кончить и желаний прийти к своему собственному оргазму.

Катя наслаждается этим. Я откидываю голову назад, когда мои яйца подтягиваются. Мой позвоночник покалывает, и я знаю, что близок. Я вытаскиваю свою руку из ее киски и шлепаю ее по клитору, дразню мокрыми пальцами ее киску, пока она кричит от удовольствия вокруг моего члена.

Ее горло открывается, и я засовываю свой член глубже. Я по-прежнему толкаюсь бедрами короткими толчками, в то время как продолжаю двигать в ней пальцами снова и снова, пока ее тело напрягается.

Да!

Спазмы ее стенок вокруг моих пальцев начинают усиливаться, и это моя погибель.

Волна за волной горячая сперма покидает меня, и она послушно проглатывает всю ее. Это ощущение лишь увеличивает мое удовольствие. Я продолжаю растягивать ее оргазм, пока она очищает мой член до последней капли, ее тело напряжено и она издает тихие стоны наслаждения, которые наполняют мои уши.

Так эмоционально прекрасен вид ее с закрытыми глазами, наслаждающейся вкусом моего члена, что заставляет меня к чертовой матери опять стать твердым. Я бы мог брать ее часами.

Ее бедра все еще дрожат от интенсивности оргазма, в то время как я слизываю ее соки со своих пальцев. Она чертовски вкусная. И тугая. В следующий раз я хочу, чтобы она кончила на мой член.

У меня занимает какое-то время отдышаться, пока я глажу ее волосы, позволяя положить ей голову мне колени.

Совершенство.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я хватаю одеяло, приготовленное в комнате и находящееся здесь специально для ухода. Натягиваю ее трусики на место, тяну ее маленькое тело себе на руки и устраиваюсь на скамье, разместив ее на своих коленях.

— Тебе понравилось? — тихо спрашиваю я, целуя ее волосы.

Ее сладкий вкус до сих пор ощущается на моем языке, и я хочу больше, но не здесь.

— Да, — тихо отвечает она и кладет щеку мне на плечо. Ее горячее дыхание щекочет мне шею.

— Это то, зачем ты пришла сюда?

Она прочищает горло и чуть смещается у меня на коленях.

— Я не знаю, зачем пришла сюда.

— Ты ищешь Хозяина, — отвечаю я ей.

— Да.

— Ты нашла одного.

Она ерзает у меня на коленях. Отсутствие ответа заставляет меня нервничать.

— Я не заинтересован в игре. Я хочу настоящее, — говорю я, удерживая ее взгляд.

— Я тоже, — тихо отвечает она.

— Я хочу тебя, Катя. И не хочу делиться.

Она идеальна. Я могу дать ей то, чего она хочет и что ей нужно.

Все в точности, как я себе представлял. Вплоть до этого момента. Она не дает ответ, который мне нужен.

— Я не хочу, чтобы кто-то подумал, что ты не под запретом.

Я чувствую, что мое сердце колотится, пока я разговариваю с ней. Я хочу, чтобы мой ошейник был на ее шее. Желая, чтобы все знали, что она занята. Никто не может дать ей то, что могу я. Она еще не знает, но я собираюсь провести ее путями, о которых она даже не мечтала.

Ее светло-голубые глаза взлетают ко мне, а тело напрягается. Впервые с тех пор как она здесь, Катя показывает признаки страха. Боязнь обязательств.

Но будь я проклят, если она позволит кому-нибудь прикоснуться к ней. Если она передумала, чтобы я был ее Хозяином, то мне придется переубедить ее.

— Ты несчастна со мной? — спрашиваю я ее.

— Нет, это не так. Я просто не готова.

— Если ты здесь без ошейника, то другие могут подойти к тебе.

И я уверен, к чертовой матери, что не собираюсь этого допустить.

— У тебя есть мое слово, — ее голос дрожит.

— Мне не нужно твое слово, — говорю я хриплым голосом, показывая свое доминирование над ней и указывая на серьезность того, что я испытываю к ней, отказывающей мне в этой просьбе.

Я не буду ставить ей ультиматум. Она еще не моя, и эта демонстрация неповиновения — не очень хороший знак. Но у нее имеется прошлое. И я остро осознаю тот факт, что ее восприятие отличается от моего. У нее есть реальные опасения, которые должны быть решены. Тем не менее, я хочу, чтобы она была помечена как моя.

— Меня рассердит, если ты отвергнешь мой ошейник.

Она обнимает себя руками и смотрит в сторону, печаль заметна в ее прекрасных чертах.

Она медленно поднимает подбородок, ее глаза находят мои.

— Это все, что я могу дать сейчас...

Ее голос затихает, прежде чем она произносит обращение. Но я слышу его на ее кончике языка. *Хозяин*. Теперь, когда наша игра закончена, она возвращается назад. Она старается обезопасить себя. Я не возражаю против этого, но она больше чем просто в безопасности со мной. Ей нужно только отпустить.

— Что тебе нужно от меня? — спрашиваю я, нежно взяв ее своей рукой за подбородок.

Сначала она сомневается, но все же опирается на мое прикосновение. Ее глаза закрыты, когда она отвечает:

— Я не знаю. Я боюсь.

— Ты уже знаешь, не бойся.

Как ее хозяин я несу на себе бремя ее забот.

— Я хочу, чтобы ты была моей рабыней, Катя.

— У меня имеются проблемы.

Она смотрит вдаль в сторону двери, и я понимаю, что происходит у нее в голове. Катя не хочет, чтобы ей воспользовались, и она не знает, сможет ли справиться с этим. Все хорошо. Я могу справиться со всеми ее тревогами. Я должен помнить, что у меня тут имеется очень большое преимущество. И она понятия не имеет, сколько я знаю.

Ее необходимо успокоить, возможно, покормить, и просто поговорить. Я попробую делать все не спеша, хоть и не хочу. Но она явно нуждается в этом.

— Пойдем, — говорю я, беру ее за руку и увожу из игровой комнаты по направлению к обеденному залу.

Сегодня там запланировано шоу. Игры с огнем, на которые, должно быть, любопытно посмотреть. Это не то, с чем играю я, но, тем не менее, это интересно.

— Я должна идти.

При этом она остается стоять на месте, и смотрит на меня, как будто прося разрешения уйти. Она еще не моя. Это до боли очевидно. Но я не собираюсь позволить ей уйти с этим дерьмом.

— Ты никогда не будешь мне лгать снова.

Мой голос жесткий. Она *не должна* уходить.

Она яростно качает головой и настаивает:

— Я не вру, — ее голос пронизан страхом. — Я действительно должна идти. Я не очень хорошо чувствую себя сейчас.

Ее дыхание наполнено паническими вздохами.

— Это не значит, что тебе нужно идти. Если ты в чем-то нуждаешься, то все, что тебе необходимо сделать, так это просто сказать мне.

Адреналин выплескивается в мою кровь. Я расстроен и зол. Я должен был спланировать все лучше.

— Я не хочу, — честно отвечает она мне, и я глажу пальцем по тыльной стороне ее ладони.

Слишком много, слишком скоро. Я ненавижу Джо Леви в этот момент. Я хотел, чтобы ей было комфортно. Я хотел все сделать медленнее.

Я поцеловал тыльную сторону ее ладошки и кивнул.

— Это было слишком много для тебя, не так ли?

Ее глаза расширяются, и она хочет что-то сказать в ответ, но закрывает рот.

— Вы не понимаете.

Я понимаю. Я, черт побери, все понимаю. Если бы я разыграл все правильно, она бы не чувствовала себя сейчас настолько неуверенно. Я могу это исправить.

— Ты вернешься сюда. Завтра вечером, — даю я ей команду.

Она фокусирует свое внимание на мне. Ее покорность очевидна.

— Если ты, конечно, хочешь продолжить.

— Да, — отвечает Катя глухим голосом.

— Я бы тоже, котенок. Я понимаю, тебе нужно время, чтобы переварить все это. Подумай над этими вещами сегодня и завтра в течение дня. А потом ты вернешься сюда. Я не хочу, чтобы ты возвращалась сюда без ошейника.

Она послушно кивает головой.

— Я это сделаю.

— Ты будешь думать обо мне сегодня вечером, котенок, — шепчу я, наклоняюсь к ней и сжимаю ее немного крепче, — но ты не будешь прикасаться к себе.

Я вижу желание в ее глазах, когда она шепчет:

— Да.

Часть меня хочет расширить ее границы сегодня же вечером. Отвести ее в отдельную комнату и поговорить с ней о ее нуждах. Я смогу убедить ее, что могу обеспечить ее потребности, так же как я знаю, что она может удовлетворить мои.

Но ей необходимо подумать над этим. Мне нужна от нее полная отдача, а без готовности надеть мой ошейник, у меня нет и этого.

Сегодня вечером я напишу для нее список. Мне следует ясно очертить ей четкий набор правил. Катя — человек привычки и стандартного образа жизни, и она желает Хозяина. А это значит, что ей нужны правила.

Это моя ошибка. Но я сделаю все правильно.

Глава 8

Катя

Я ворочаюсь в постели, не в состоянии заснуть, мои соски, мой клитор пульсируют от желания. Низкий стон из-за сексуальной неудовлетворенности слетает с моих губ, пока я скрещиваю свои ноги, пытаюсь успокоить непрекращающееся сжатие моих мышц внизу живота. Это преследует меня с тех пор, как я покинула клуб, вместе с воспоминаниями о том, как использовал Айзек мой рот для своего удовольствия.

Черт.

Мне очень понравилось. Мне доставляла удовольствие каждая секунда, проведенная с ним. Быть использованной и выполняя его приказы. Я поворачиваюсь на кровати снова, мое тело блестит от пота. Как здесь чертовски жарко. Не помогает и то, что я сгораю от желания, нахожусь на взводе и готова к очередному взрыву оргазму. Черт, черт, черт. Я жалею о том, что ушла. Мне нужно больше. Я хочу больше. Мне следовало остаться.

Мне так много хотелось сказать Айзеку, столько исследовать. Боже, я хочу его. То, как он подошел и бросил вызов другому Хозяину из-за моего тела, а затем взял меня под контроль так чертовски сексуально. Мою кожу покалывает, пока я вспоминаю решимость Айзека, проявленную ко мне, как он настоял на своем, как заставил меня принять всю его длину.

Мои конечности дрожат, мой клитор пульсирует, пока мою память наводняют воспоминания об огромном члене Айзека, которым я давилась, когда он погрузил свои пальцы в меня. Еще один стон разочарования срывается с моих губ. Это было так чертовски жарко. Айзек все время полностью все контролировал. Это было нереально. Он мгновенно понял, что я хотела. Что мне, твою мать, нужно.

И мне нужно больше. Сейчас.

Я решаю, что должна вернуться, борясь с желанием протянуть руку вниз и дотронуться до моего пульсирующего клитора. Как ему удалось так меня завести? Я не могу ждать. Единственная проблема заключается в том, что я вообще боюсь серьезных отношений. Меня страшит неизвестность. Хотя в клубе, я буду в безопасности.

Я снова ворочаюсь, ощущая разочарование и желая потереться моей киской о постельное белье, чтобы получить хоть какое-то облегчение. Но он сказал мне не делать этого. У меня нет разрешения. Сама мысль заставляет меня дышать спокойнее. Я буду

подчиняться ему. Я не буду его разочаровывать.

Не могу забыть, каким мощным и властным он был. Взгляд его глаз за этой маской... полный желаний. К моему разочарованию добавляется рев моторов на улице, который я слышу за окном, от проезжающих мимо машин на шоссе. Звуки только мешают моей попытке провалиться в сон, но даже если бы их и не было вовсе, я все равно была бы не в состоянии заснуть. Я так завелась и мне необходимы его прикосновения. Прошло так много времени с тех пор, как я желала чего-то такого. Давно я не испытывала эту потребность.

Но это не то, что обычно не давало мне уснуть — это что-то новенькое. Много ночей я не могла нормально спать, но по совершенно иной причине. Дрожь проходит по моему позвоночнику, и тяжесть давит мне на грудь. Я закрываю глаза и качаю головой, отказываясь возвращаться туда.

Когда еще один импульс отдается в моем клиторе, я стараюсь игнорировать эмоции, угрожающие задушить меня, как душили ночь за ночью до этого. Я слишком взволнована. Ибо возвращая по крупицам свою жизнь назад, я мечтала о таком месте, как Клуб «Х», где могла бы исполнить свои фантазии и сделать себя цельной снова. Я заслуживаю счастья во всех отношениях, включая мои сексуальные потребности, которым я не находила выход. До сегодняшнего дня.

Но он хочет большего. Ошейник. Я хватаю себя за горло, мой пульс учащается, когда я вспоминаю металлическую цепь, натянутую вокруг моей шеи и шипы, больно впивающиеся в кожу.

«Нет», — думаю я и качаю головой, не желая двигаться в эту сторону. Темные воспоминания. Но уже слишком поздно. Я не могу перестать испытывать ощущение удушья от ошейника моего Хозяина, который он использовал для обучения меня. Потребность разгорается в моем теле, несясь по моим венам, в то время как волна страха накрывает меня, и я сажусь в постели вертикально, мое сердце бешено колотится в груди. Горячий пот, покрывавший мою кожу, становится холодным, пока я пытаюсь обрести над собой контроль.

«Айзек не такой», — говорю я сама себе. Он не будет похож на него.

Не должно быть никакого сравнения. Айзек даже отдаленно не походит на него. Ошейник — единственное, что их связывает. И обращение. Хозяин. Я уже чувствую что-то с Айзеком, чего никогда не испытывала с моим предыдущим Хозяином. Уважение. Хотя это трудно понять. В некотором смысле, Айзек напоминает мне Мастера О.

Слезы колют мне глаза, когда я вспоминаю единственного Хозяина, который был добр ко мне. Когда я была рядом с ним, то ощущала себя в безопасности. Он был заботливым, и всегда чувствительным к моим потребностям и желаниям. В некотором смысле, я ненавидела его за то, что он заставлял меня чувствовать себя в безопасности, и потому что хотела, чтобы он забрал меня и сделал своей. Но он этого не сделал. Он обладал властью спасти меня, но и пальцем не пошевелил. Я чувствовала себя преданной из-за того, что он устраивал представление, будто хорошо относится ко мне, когда, в действительности, не заботился обо мне. Никто из них никогда этого не делал.

Я притягиваю колени к груди, инстинктивно оборачивая пальцы вокруг своей лодыжки. Я была настолько наполнена желанием от событий сегодняшнего вечера, что даже забыла покрыть мои лодыжки утяжеленным одеялом. Но мне нужно это сейчас. Я сижу на кровати, и мне кажется, что прошли часы, а, на самом деле, всего лишь несколько минут. Прислушиваюсь к движению машин, проезжающих по улице, мое сердце бьется в груди, и я пытаюсь оттолкнуть от себя мрачные воспоминания.

Все ушло. Все в прошлом. Я имела дело с этими эмоциями и думала, что примирилась с ними.

«Ложь, — шепчет мне темный голос внутри меня. — Ты едва признала их существование».

Я судорожно вдыхаю, отказываясь слушать его, и спокойно зачитываю в своей голове стихотворение «Огонь и лед» (*прим пер. стихотворение Роберта Фроста*), повторяя его снова и снова. Этому трюку я научилась давным-давно, чтобы уменьшить свое беспокойство.

«Кто говорит, что мир погибнет от огня, а кто — от льда.»

Я закрываю глаза, шепча стихотворение, которое я запомнила, и позволяю успокаивающей размеренности слога заглушить все остальные мысли, пока ритм моего сердца замедляется, и выброс адреналина идет на убыль. Мне просто необходимо попытаться немного поспать.

Вздыхнув, я сползаю со своей маленькой кровати, и она издает скрип, встаю босыми ногами на холодный пол и иду к креслу в углу, на котором аккуратно сложенным лежит тяжелое одеяло. Оно с утяжелением и не предназначено для такого использования, но для меня это работает. Я иду обратно к кровати с ним под мышкой, залезаю на нее, затем укладываю знакомый вес бруска на мою левую лодыжку.

Мне это необходимо. Я испытываю необходимость чувствовать вес, как будто это кандалы. Без этого веса я иногда просыпаюсь глубокой ночью, и чувствую себя так же, как ощущала себя раньше. Сразу после того, как убила его и забрала ключи у него из кармана, лихорадочно ища подходящий к замку от чугунных кандалов, которые были на моей ноге в течение четырех лет. Самые глубокие шрамы остались у меня на тонкой коже, покрывающей выступающую кость моей лодыжки. Всякий раз, когда он тащил меня, возвращая на место и заменяя на другом конце цепи свою руку на тяжелый шар, металл разрезал мне кожу. Его это не волновало.

Сказать по правде, я научилась принимать эту боль и сосредотачиваться на ней, а не на том, что он делал со мной.

Я не боялась сильно, но в ту ночь, когда он сказал мне, что отдает меня Хавьеру, и что я должна быть хорошей для него. Я была в ужасе. Он предупредил меня, что мне лучше не вести себя плохо и не заставлять его снова ломать мне руку. Он сказал, что я старею, и ему не нужна рабыня с больной рукой. Я не могла больше терпеть. Что-то внутри меня, наконец-то, сломалось.

Страх не отступал ни на минуту, пока замок не открылся, и вес не был снят с моей лодыжки. Я боялась, что никогда отсюда не выберусь. Что они поймали бы меня и медленно мучили. Этот страх был настолько силен, что чуть не искалечил меня. Если бы мне не удалось вырваться на свободу, я знала, что была бы уже мертва.

Без веса на ноге я склонна посыпаться ночью, чувствуя, как бешено стучит сердце, и страх смерти циркулирует по моей крови, почти удушая меня.

Я ложусь на спину и по-прежнему жду, когда же придет сон, чтобы забрать меня в свои объятия, и мои воспоминания, наконец-то исчезнут. Именно в этой позиции я научилась спать несколько лет назад. Образы Мастера О и Мастера Си продолжают преследовать меня, заставляя ворочаться на кровати. Но, как и много лет назад, я не шевелюсь с весом на лодыжке, который удерживает меня на месте.

Наконец, я закрываю глаза и стараюсь сосредоточиться на Айзеке. Его спокойствию, властности. Его массивном, пульсирующем члене. Мое тело расслабляется, пока образ моего

возможного нового Хозяина выталкивает двоих других из моих мыслей. Мое дыхание становится более ровным, я перестаю потеть, и, наконец, погружаюсь в глубокий сон.

Глава 9

Айзек

Гул волнения пульсирует по клубу, в то время как частый ритм басов оживляет все вокруг, заставляя неосмысленно раскачиваться в такт. Свет мерцает в такт знойной музыке, а женщины, раскачивающиеся на качелях в центре комнаты и танцующие в клетках на сцене, покачивают бедрами и крутят волосами, пока их руки соблазнительно путешествуют вдоль их тела.

Пряди в их волосах украшены светящимися в темноте красками разных неоновых оттенков. Обеденный зал переоборудован в танцпол, столы убраны и создано освещение, необходимое для тематического вечера. И на этой стороне клуба темно.

Это предназначается, чтобы позволить определенным людям с заскоками наблюдать за происходящим. Очевидный вуайеризм.

На танцполе находятся несколько пар, и хотя сначала может показаться, что они двигаются в ритм музыки и танцуют, как и другие, но это не так. Женщина с краю толпы приоткрыла губы, пока Дом толкается позади нее. Ее платье лишь слегка приподнято спереди, но я вижу, что она полностью оголена со спины. Грубый смех поднимается в моей груди, наблюдая за тем, как тот вбивается в нее в такт музыки, прижимая ее маленькое тело к своему. У нее остекленели глаза, а шея повернулась в сторону.

Эта комната наполнена грехом.

Четыре женщины свисают с потолка, соблазняя мужчин внизу. Они не работают на клуб, как и женщины в клетках. Они просто сабмиссивы, наслаждающиеся клубной атмосферой. Такие ночи, как сегодня, предоставляют женщинам немного больше пространства для свободы действий, так долго, как позволят их доминанты.

Сегодня я не на дежурстве. Тем не менее, мои глаза сканируют комнату. Я просто жду ее. Моего котенка. Я захватил с собой небольшой пакет с простым белым шелковым платьем, у которого лямки выполнены из тонких золотых цепочек. Я также принес для нее игрушку, которую мне не терпится надеть на нее. Это тонкая золотая цепочка, соответствующая платью. Она будет обернута вокруг ее шеи, но она больше похожа на ожерелье и очень легкая, поэтому ей будет удобно. Лучшей ее особенностью является длинная цепь с зажимом на конце, которая будет проходить между ее грудью, и дальше под платьем до самого низа, где прикрепится к клитору. Зажим не тугой, не болезненный, а при движении и натяжении цепи будет вызывать всплеск удовольствия в ее теле. Я намерен использовать его в качестве механизма подготовки ее сегодня вечером. У меня имеется список правил и требований. Цепь — единственное, что она должна носить вместо ошейника.

Это справедливый компромисс. Я не знаю, что буду делать, если она откажет мне в этой просьбе. Я хочу ее, но мне нужна ее покорность. Ее полное подчинение. Как для ее пользы, так и для моей.

— Полагаю, ты надел на нее ошейник? — глубокий голос справа от меня привлекает мое внимание.

Джо Леви. Меня это бесит. Не потому, что он перешел черту, но ведь мне придется ответить, что я еще не надел ошейник.

— Она не готова, — отвечаю я легко, как будто этот факт не расстраивает меня, ни в коей мере.

— Да? — спрашивает он, его брови поднимаются, и я могу сказать, что он искренне удивлен.

— Она моя.

Меня не волнует, что она без ошейника. Ему лучше не подходить к ней.

— Понял, — быстро реагирует он. — У меня нет намерения посягать..., — он делает глоток виски из стакана в руке, прежде чем добавить, — пока она не проявит желания в отношении меня.

Мои глаза сужаются, глядя на этого человека. Его с иголки костюм идеально подходит ему. Его широкие плечи подчеркивают традиционность образа. Этого человека окружает аура тьмы, и отягощает тот факт, что я знаю, он — преступник. Джо связан с плохими людьми, с преступниками. Понятия не имею, почему он еще здесь. Конечно, он маскируется. Мы все здесь делаем это. Но тут нет дураков, и это очевидно для любого из большинства мужчин здесь. Только о нескольких из них я не владею информацией. Хотя Джошуа и Госпожа Линн в полной мере отдают себе отчет, кто является их покровителями. Кроме них, некоторые люди в масках даже для меня являются тайной.

Но нет никакой тайны относительно Джо Леви. Его имя засветилось в газете, и по какой-то слепой удаче он никогда не был осужден за преступления, в которых его обвиняли.

Свет от огня распространяется по всему помещению, освещая его маску, когда он поворачивается, чтобы уйти от меня.

— Без обид, я надеюсь? — спрашивает он, положив руку на мое плечо.

— Пока нет, — отвечаю я низким голосом.

Он только усмехается и идет по краю комнаты, ставя свой пустой стакан на серебряный поднос, проводящей мимо официантки. Она натянуто ему улыбается и продолжает движение по своему маршруту вокруг края помещения, избегая массы тел на танцполе.

Я не заинтересован в пребывании здесь. Я просто жду Катю. Как только она зайдет в фойе, я увижу ее с этой позиции. Я наблюдаю со спины за Джо, как тот исчезает в темноте, ища то, зачем пришел.

Ни за что на свете мы не останемся здесь. На самом деле, как только она согласится с правилами, я не намерен держать ее здесь вообще. Я хочу ее в моем доме. В ее комнате. Доступной для меня в любое время.

Где она и должна быть.

Твою мать, я так нуждаюсь в ней. Она нужна мне, чтобы облегчить это напряжение. Люциан позвонил и попросил разобраться с нерешенным делом, о котором следовало позаботиться. Было легко найти преступника, однако при урегулировании ситуации требовалось сделать все, чтобы не нарушить хрупкого равновесия с двумя моими контактами. Сейчас я на краю и ощущаю нужду. Я не могу позволить этому повлиять на нее. Но я чертовски нуждаюсь в ней.

Но сначала Катя должна подчиняться мне. Я знаю, что она боится сделать этот шаг — согласиться, и тогда я все упрощу для нее. Я заберу ее боль и дам новую цель, чтобы заменить прошлое, преследующее ее.

Мои пальцы зудят от желания, еще раз проверить правила. Мои нервы немного успокаиваются, когда я достаю бумагу из кармана.

Я переписывал их несколько раз, обращая особое внимание на формулировку каждой

строки.

Правила — это не то, что легко передается от одного раба к другому. Каждый из них отличается от другого, и каждый имеет свои собственные потребности и требования. Катя особенно отличается от всех и чувствительна, поэтому я должен получить ее согласие.

Музыка кажется становится громче, когда я разворачиваю бумагу и читаю каждую строку.

ПРАВИЛА

1. Ты будешь носить мою цепь. Всегда. Как в Клубе, так и вне его с гордостью. Цепь означает мое право собственности на тебя.
2. Ты никому не позволишь дотронуться до нее, а также сама не будешь трогать цепь.
3. Когда мы не находимся вместе, ты напишешь мое имя на одной части тела по моему выбору. Твой наряд и место моего имени на твоём теле будет определяться мной, и будет прислано тебе накануне вечером.
4. Ты останешься со мной, когда будешь в состоянии сделать этот шаг. Условия могут быть обсуждены.
5. Ты будешь служить, повиноваться и угождать своему Хозяину. И никогда не будешь проявлять неуважения по отношению к своему Хозяину.
6. Ты будешь поклоняться моему телу, а я буду поклоняться твоему взамен.
7. Чтобы получить удовольствие, ты должна заслужить его.
8. Ты будешь доверять мне во всем.
9. Ты не будешь стесняться, отвечая на мои вопросы, и будешь конкретной в своей речи.
10. Ты будешь благодарить меня за дисциплину (*прим. пер. Ограничение поведения подчиняющегося партнера за счет соблюдения правил, устанавливаемых подчиняющим партнером*) и наказания, которые ты заслужишь.
11. Ты всегда будешь подчиняться твоему Хозяину.
12. Все твои решения будут основаны на том, порадуют они меня или нет.
13. Твои глаза никогда не должны быть опущены вниз, и твоя голова никогда не должна быть склонена. Ты представляешь меня и будешь требовать уважения.
14. Ты будешь держать свои половые органы побритыми, и никогда не будешь носить нижнее белье. В моем присутствии твое влагалище и попа будут доступны для меня в любое время. Так же как и рот.
15. Все твои тревоги и страхи ложатся бременем на твоего Хозяина.
16. Ты без колебаний подчиняешься своему Хозяину.
17. Ты будешь всегда готова угодить своему Хозяину.
18. Ты мое величайшее сокровище, и твое доверие ко мне не будет приниматься как само собой разумеющееся.
19. Ты никогда не будешь достигать оргазма, пока не получишь моего разрешения. Если ты это сделаешь, то будешь быстро и сурово наказана. Для моего собственного удовольствия.
20. При помощи дисциплины и поощрений ты научишься вести себя правильно и станешь лучшим рабом для своего Хозяина.
21. Ты имеешь право предложить варианты дальнейшего обучения или твоих предпочтений с той оговоркой, что они выносятся на рассмотрение твоего Хозяина надлежащим образом.
22. Ты всегда должна реагировать как физически, так и словесно на все, что я хочу

сделать с тобой. Твои реакции важны для меня, и ты не будешь ничего скрывать.

23. Если ты решишься быть отмеченной своим Хозяином, ты никогда не будешь напрягать свое тело, когда будешь отшлепана плетью, наказана ударами трости, стека, паддла, ремня, рукой, а также это касается анального или вагинального полового акта. Я хочу видеть твою извивающую плоть, и когда ты напрягаешь тело, то боль будет сильнее. Ты будешь с гордостью носить отметины, сделанные мной.

24. Я не буду делить тебя ни с кем, и ты не будешь предлагать себя сексуально, в любом случае, кому-либо еще.

25. В моем рабстве ты будешь обеспечена свободой. В подчинении ты познаешь свою истинную сущность.

Эти правила являются специфическими для нужд Кати. Я понимаю, что это довольно быстро для нее, но я не заинтересован в другого вида отношениях с ней. Это единственный тип отношений, которые я способен дать. И это то, в чем она отчаянно нуждается. Со временем она это поймет.

У меня готов контракт на подпись Кате. В него также включены Правила, но я желаю, чтобы она ознакомилась с ними. Таким образом, она могла бы увидеть, что именно я хочу от нее. Контракты для Мастеров и Доминантов в Клубе «Х» не редкость. Мы мужчины властные и богатые. Нам нужны контракты на все. Хотя это больше ради нее, чем ради меня.

Пока я складываю листок в руках, готовясь положить его обратно в карман, мои глаза сосредотачиваются на Кате, идущей ко мне. Ее бедра плавно покачиваются, и клянусь, я могу услышать, как ее каблучки стучат по полу, пока ее глаза смотрят на что-то позади меня. Мое дыхание замедляется, когда она замечает меня и останавливается. У нее перехватывает дыхание, она опускает глаза вниз, и медленно опускается на пол, садясь на колени, ожидая меня.

Подчиняясь мне.

Глава 10

Катя

Мое сердце устраивает гонки в груди, когда я прижимаюсь щекой к полу, басы клубной музыки отдаются в моем теле. Пока лежу в позе подчинения, чувствую, что несколько человек ходят вокруг меня, и это заставляет покалывать кожу на моей шее. Они наблюдают, практически насмехаясь надо мной. Но я не осмеливаюсь двигаться. Я не принадлежу им, и останусь так, пока Хозяин не скажет мне, что я могу двигаться. Делать что-либо другое означало бы проявить неуважение. Он увидел, что я пришла. Я знаю это. Когда его глаза встретились с моими, я почувствовала тот же шок, тот же трепет, что я испытала вчера.

Мое сердце колотится в унисон с тяжелым ритмом музыки, мои конечности дрожат от нетерпения. Не могу дождаться, чтобы служить ему. Угодить ему.

Надеюсь, он не заставит меня долго ждать. Я чувствую себя неуверенно без его ошейника, без его знака на мне.

Я готова дать ему большее. Я дрожу, пока ожидаю, когда он подойдет ко мне, я сосредоточена на чувстве недовольства, которое он должен испытывать из-за того, что я не подчинилась ему вчера. Мое сердце замирает, так как я задаюсь вопросом, *что если он злится и не захочет меня сегодня?* Это может быть его первое наказание, его первый урок для меня.

Но он сказал мне прийти. Я так и сделала. И я буду повиноваться. Я сделаю все, что он

захочет от меня, чтобы угодить ему. Даже если он не захочет меня сегодня вечером, я сделаю так, как он скажет. Я нуждаюсь в нем. Я *желаю* видеть его своим Хозяином. И я сделаю все, чтобы показать ему, что готова быть покорной.

Мои глаза открываются, а тело напрягается, когда его сильная рука ложится на мой затылок, посылая разряд тока вниз по моей шее и спине.

— Посмотри на меня, котенок, — рычит он глубоким голосом, перекрывая басы играющей музыки.

Моя грудь вздымается, и я смотрю в эти великолепные зеленые глаза, когда его полные губы касаются моих, и он проводит по ним своим языком. Я углубляю поцелуй, наслаждаясь его обладанием мной. Он отстраняется прежде, чем мне было бы достаточно, оставляя меня бездыханной. Я мгновенно жажду его губы снова на моих, но ничего не говорю. Я возьму то, что он хочет мне дать.

— Ты помнишь мое имя? — спрашивает он после того, как поднимает меня с пола и удерживает от падения.

— Айзек, — отвечаю я сразу же, почти задыхаясь.

Мое сердце замирает из-за вспышки разочарования в его глазах. *Черт!* Он хотел, чтобы я сказала Хозяин. Ну, не глупая ли я? Я уже разочаровала его. Беспокойство растекается по моей груди, во мне поднимаются сомнения. Может быть, я никогда не была хорошей рабыней, и в конечном итоге это окажется большим разочарованием, оставив меня с разбитым сердцем.

Айзек кладет свою руку на мою спину и удерживает мой подбородок, привлекая тем самым мое внимание к своему лицу в маске.

— О чем ты думаешь? — его тон суров, и я чувствую его раздражение.

Я все испортила.

— Я плохая рабыня для вас, — говорю я тихо, мой голос почти ломается, а тело дрожит. Я боюсь отказа.

Я чувствую жар и уязвимость. Волнения нет, а страх очень даже присутствует.

Айзек сжимает мой подбородок, и слова слетают с его губ властно, но мягко.

— Ты идеальна для меня. И я не позволю тебе думать иначе. Ты понимаешь?

— Да, — послушно отвечаю я, и у меня почти срывается с губ слово. *Хозяин.*

Я так сильно его хочу, но не могу заставить себя произнести это слово. Так долго это право принадлежало кому-то другому. Тому, кто не заслуживал этого.

Он изучает меня пару мгновений, его зеленые глаза исследуют мое лицо, прежде чем он кивает и ведет меня по коридору в зал.

Мне следует удержать свою челюсть от падения, когда мы входим в большой зал.

Атмосфера в клубе сегодня так сильно отличается от той, что была вчера.

Сегодня вечером плотные шторы на сцене открыты, с потолка свисают позолоченные клетки с полуголыми танцующими женщинами. В каждой клетке находится женщина, одетая в красивые наряды, как и накануне, некоторые из них даже связанные, крутящиеся, извивающиеся и танцующие на нескольких метрах пространства пола клеток.

Некоторые женщины даже мастурбирую, их крики и стоны накладываются на мягкие удары ритмично играющей музыки, в то время как властные мужчины наблюдают за ними из-за столов снизу. Мои глаза расширились, и мое сердце бьется быстрее от осознания, но у меня не получается восхищаться невероятной сценой, разыгрывающейся передо мной, так как Айзек продолжает движение через зал и по коридору мимо игровой комнаты.

Мое сердце начинает бешено мчаться, пока я следую за ним. *Он ведет меня в темницу?* Чувство паники овладевает мной, и я чуть отстраняюсь. Я останавливаюсь на мгновение, практически задыхаясь, но несусь вперед, как только Айзек приподнимает бровь на меня. Я буду ему подчиняться.

Положа руку на горло, я пытаюсь успокоить свой бешеный пульс и хаотичные эмоции. Не знаю, смогу ли я справиться сейчас с темницей, но готова принять любое наказание, которое Айзек сочтет необходимым. Если он возьмет меня там, то это во имя благих намерений. Я должна верить в это. Доверие и подчинение являются ключом для этих отношений. Я должна повиноваться, даже когда не хочу, довериться, даже если у меня имеются сомнения.

Мы доходим до другого длинного коридора, который тускло освещен с оттенками темно-красного. Я с трудом могу видеть и придвигаюсь ближе к Айзеку, пока он ведет меня по темному коридору. В начале и в конце коридора стоят мужчины в костюмах, которые выглядят, как представители чертовой секретной службы, охраняющие двери, которые мы проходим.

Я чувствую на себе их взгляды, когда мы проходим мимо, и дрожь проходит по моему позвоночнику, но я смотрю вперед прямо перед собой. Мы достигаем больших двойных дверей, рядом с которыми в конце коридора стоит один охранник. Он кивает Айзеку, и мои щеки горят, когда он обращает свой взгляд на меня. Я не опускаю голову, так как мне нечего стыдиться. Я понимаю, это могло бы рассердить Айзека. Я знаю, он хочет, чтобы я гордилась тем, что он взял меня в качестве рабыни.

Айзек осторожно толкает двойные двери, и они легко распахиваются, открывая взору комнату внутри. У меня перехватывает дыхание, когда я вступаю в чистую роскошь. Шикарная комната залита потрясающими нейтральными оттенками серого и сиреневого. Даже потолок роскошен и задрапирован панелями из темно-серой шелковой ткани и украшен великолепной хрустальной люстрой с пузырями. По середине комнаты на плюшевом лохматом сером ковре стоит широченная кровать размером с Калифорнию с бархатными серыми подушками и соответствующим шелковым ворсовым одеялом. Изголовье кровати также покрыто серым бархатом и поднимается вплоть до потолка, так, что у меня захватывает дух.

Это абсолютно сногшибательно. Я никогда не видела ничего похожего на эту кровать. Или эту комнату. Две стеклянные тумбочки находятся по обе стороны от кровати, а вращающееся кресло находится слева. На стенах размещена абстрактная живопись и имеется стеклянная дверь, которая ведет куда-то в темноту. Но самое захватывающее здесь — это великолепный стеклянный шкаф, наполненный хлыстами, цепями и другими инструментами и игрушками, предназначенными как для наказания, так и для поощрения. Моя кожа разгорается от желания.

Айзек закрывает за нами двойные двери, и комната погружается в тишину. Слабый ритм музыки мгновенно исчезает. Мою кожу покалывает, пока я жду его команды, сердце как бешеное колотится в груди. Но он молчит. Вместо этого, он хватает меня за руку и ведет к кровати, призывая меня сесть. Мое сердце бьется быстрее и быстрее с каждой секундой. Где-то в смещении трепета и моего желания затаился страх. Но я здесь в безопасности. Я доверяю Госпоже Линн. В этом клубе мне нечего опасаться.

Бархатная кровать издает небольшой скрип, когда я своим весом опускаюсь на нее, и я почти издаю стон, когда мягкая ласка соблазнительного материала касается моего зада. Я

втягиваю воздух в легкие, пока Айзек продолжает стоять, а мои глаза смотрят на его большую выпуклость в брюках. Мой рот наполняется слюной, когда я вспоминаю, как его массивный член входил в мое горло, и мое влагалище нагревается от необходимости, мои соски становятся твердыми, как чертов камень. Айзек смотрит мне в глаза, забавляясь.

Он должен понимать, как я голодна, как сильно хочу его. Надеюсь, он знает, что за этим кроется нечто большее. Я желаю угодить ему. Плохо. Я жду, чтобы он дал мне команду, разочарование растекается по меня, когда он подходит к краю кровати и наклоняется. Он возвращается с красивым мешком с атласными ручками в руках и ставит его рядом со мной. Я подавляю желание заглянуть в него. Помня, что он хочет, чтобы я смотрела только на него, и всегда уделяла бы полное внимание только ему. Мне нужно сначала получить разрешение. Всегда.

— Можно? — спрашиваю я, глядя на него вопросительно.

Он внимательно смотрит на меня своими красивыми зелеными глазами.

— Да.

— Я скучала по вашему прикосновению, — ляпаю я.

Не знаю, почему эти слова сорвались у меня с губ, и я тут же ненавижу этот момент. Это те же самые слова, что мне говорил Мастер Си. Мысль об этом заставляет мою кровь застыть, и мне приходится приложить усилие, чтобы не показать отвращение к себе самой.

Сильная рука Айзека охватывает заднюю часть моей шеи и затылок, наклоняется, прижимаясь своими губами к моим. Я растворяюсь в нем, потрясенная напором его властных губ. Этот страстный поцелуй заставляет меня забыть боль, вызванную воспоминаниями о прошлом. В тот момент, когда я думаю, что поцелуй приведет к чему-то большему, Айзек отрывается, упираясь своим лбом в мой.

Я глотаю разочарование, которое следует от понимания того, что должна принять то, что он дает, даже если это не совсем то, что хочу я.

— Ты думаешь обо мне и только мне, когда я с тобой, — говорит Айзек твердо. — Меня не волнует, что у тебя на уме. Только я имею значение. Только угождение мне имеет значение. К черту всех остальных. Я ясно выразился?

Мое сердце чуть не выпрыгивает из груди. Он прав. Он единственное, что имеет значение. Мне лучше знать. Но я боюсь, что продолжу его разочаровывать.

— Да, Хозяин, — произношу я.

Шок проходит через меня, как только я произношу эти слова. Я не планировала употреблять их, и не знаю, готова ли я к этому. Но теперь уже поздно.

Без предупреждения Айзек проталкивает свои руки между моих ног и грубо задирает платье, толкая меня спиной на кровать. Я падаю на бархатные подушки, голова находится на опасно близком расстоянии от изголовья, в это же время Айзек раскрывает мою блестящие от влаги половые губы и безжалостно засовывает свои пальцы внутрь меня, заставляя меня ахнуть.

— Скажи это еще раз, — требует Айзек хриплым голосом, наполненным властностью и желанием.

Я выгибаю спину, мои стенки сжимаются вокруг его пальцев, хлюпающие звуки заполняют мои уши, когда он двигает пальцами во мне, как сумасшедший, заставляя сжать мои бедра с его пальцами, находящимися внутри меня, от возбуждения. Мое тело воспламеняется от страсти и удовольствия. Мои конечности напрягаются от надвигающегося оргазма.

— Хозяин, — кричу я, мой голос наполнен ноющим желанием. Я уже близка к кульминации, мой низ горит, как в чертовой печи, живот скручивается в тугий узел.

Айзек явно доволен моим послушанием, и набирает темп своих наказывающих пальцев, целуя мой подбородок. Его сильное тело, лежащее на мне, заставляет меня быть живой и взять то, что он дает мне. Я краснею, думая, что охранник снаружи должно быть слышит звуки моего удовольствия, но мне плевать.

— Хорошая девочка, кончи свободно.

Его грубый голос посылает дрожь желания по всему моему телу.

— Кончи для своего Хозяина.

Айзек опускает голову и прикусывает мои затвердевшие соски с жалящей силой, пока продолжает атаковать мое влагалище. Это больше, чем я могу вынести. Это отправляет меня за край и вознаграждает освобождением.

Запрокинув голову, я кричу, пока тысячи ударных волн взрываются в моем теле. Мои конечности дрожат с каждым спазмом мышц влагалища вокруг его пальцев. Мое дыхание останавливается, а мое тело чувствуется парализованным от интенсивности. Когда все заканчивается, и он, наконец, отстраняется от меня, я лежу без движения, ожидая его приказаний. Я откидываюсь на кровать, лежа безвольно и с дрожью втягивая воздух в легкие, пока Айзек направляется к шкафу, где аккуратно стопочкой сложены небольшие полотенца для рук. Он улыбается, глядя на меня сверху вниз, когда начинает аккуратно вытирать между моих бедер, грубой текстурой полотенца посылая остаточные волны удовольствия по моему телу, впрочем, влажные пятна заметны по всей кровати.

Как только он заканчивает, то отбрасывает полотенце в сторону и садится рядом со мной, глядя меня по волосам и успокаивая.

Через мгновение он шепчет:

— Я предпочел бы быть не здесь, котенок.

Мой пульс ускоряется от страха. Я что-то сделала неправильно?

— Я не понимаю.

Он поднимает меня, усаживая на свои колени, успокаивая. Я устала и слегка прислоняюсь к нему, хотя пристально слежу за его реакцией, в случае если это не то, что он хочет.

— Я желаю, чтобы ты была в моем доме, — уточняет Айзек, наполняя меня незначительным облегчением. — У меня приготовлена для тебя комната. Но мне необходимо твое полное подчинение.

Айзек лезет в карман и достает из него сложенную бумагу.

— Ты должна прочитать это сейчас и сказать, находишь ли ты их приемлемыми, чтобы следовать им.

Что это?

Мое сердце начинает бешено биться, я медленно беру сложенный лист бумаги у него из рук и открываю его. Мои глаза жадно пожирают каждое слово на аккуратно смятом документе.

ПРАВИЛА

1. Ты будешь носить мою цепь. Всегда. Как в Клубе, так и вне его с гордостью. Цепь означает мое право собственности на тебя.

2. Ты никому не позволишь дотронуться до нее, а также сама не будешь трогать цепь.

3. Когда мы не находимся вместе, ты напишешь мое имя на одной части тела по моему выбору. Твой наряд и место моего имени на твоём теле будет определяться мной, и будет прислано тебе накануне вечером.

4. Ты останешься со мной, когда будешь в состоянии сделать этот шаг. Условия могут быть обсуждены.

5. Ты будешь служить, повиноваться и угождать своему Хозяину. И никогда не будешь проявлять неуважения по отношению к своему Хозяину.

6. Ты будешь поклоняться моему телу, а я буду поклоняться твоему взамен.

7. Чтобы получить удовольствие, ты должна заслужить его.

8. Ты будешь доверять мне во всем.

9. Ты не будешь стесняться, отвечая на мои вопросы, и будешь конкретной в своей речи.

10. Ты будешь благодарить меня за дисциплину (прим. пер. Ограничение поведения подчиняющегося партнера за счет соблюдения правил, устанавливаемых подчиняющим партнером) и наказания, которые ты заслужишь.

11. Ты всегда будешь подчиняться твоему Хозяину.

12. Все твои решения будут основаны на том, порадуют они меня или нет.

13. Твои глаза никогда не должны быть опущены вниз, и твоя голова никогда не должна быть склонена. Ты представляешь меня и будешь требовать уважения.

14. Ты будешь держать свои половые органы побритыми, и никогда не будешь носить нижнее белье. В моем присутствии твоё влагалище и попа будут доступны для меня в любое время. Так же как и рот.

15. Все твои тревоги и страхи ложатся бременем на твоего Хозяина.

16. Ты без колебаний подчиняешься своему Хозяину.

17. Ты будешь всегда готова угодить своему Хозяину.

18. Ты мое величайшее сокровище, и твоё доверие ко мне не будет приниматься как само собой разумеющееся.

19. Ты никогда не будешь достигать оргазма, пока не получишь моего разрешения. Если ты это сделаешь, то будешь быстро и сурово наказана. Для моего собственного удовольствия.

20. При помощи дисциплины и поощрений ты научишься вести себя правильно и станешь лучшим рабом для своего Хозяина.

21. Ты имеешь право предложить варианты дальнейшего обучения или твоих предпочтений с той оговоркой, что они выносятся на рассмотрение твоего Хозяина надлежащим образом.

22. Ты всегда должна реагировать как физически, так и словесно на все, что я хочу сделать с тобой. Твои реакции важны для меня, и ты не будешь ничего скрывать.

23. Если ты решишься быть отмеченной своим Хозяином, ты никогда не будешь напрягать свое тело, когда будешь отшлепана плетью, наказана ударами трости, стека, паддла, ремня, рукой, а также это касается анального или вагинального полового акта. Я хочу видеть твою извивающую плоть, и когда ты напрягаешь тело, то боль будет сильнее. Ты будешь с гордостью носить отметины, сделанные мной.

24. Я не буду делить тебя ни с кем, и ты не будешь предлагать себя сексуально, в любом случае, кому-либо еще.

25. В моем рабстве ты будешь обеспечена свободой. В подчинении ты познаешь свою истинную сущность.

Слова выжигаются в моей памяти, пока я перевожу взгляд с бумаги на Айзека. Я

ожидала, что будут некоторые правила и с ними легко согласиться, но я не ожидала, что список будет таким длинным. Насколько я могу судить, существует только одно правило. Повинуйся своему Хозяину. Я опускаю взгляд на бумагу и тщательно просматриваю каждый пункт очень внимательно.

Айзек смотрит на меня, его зеленые глаза впиваются в меня с напряжением, как будто он ждет, что я запротестую.

— Пойми, что единственные отношения, которые я хочу с тобой, — это следование этим правилам. Некоторые пункты могут быть предметом переговоров, а некоторые — нет.

Неосознанно я поднимаю руку к горлу, а мои пальцы скользят по моим шрамам. Все это кажется таким реальным. Я пытаюсь сглотнуть, но комок растет в моем горле, это больно и грозит задушить меня.

Следующие слова Айзека заставляют мою кровь превратиться в лед.

— У меня имеется контракт к тебе на подпись.

Я уже так много подписала, но знаю, что этот будет отличаться. Тот, где я соглашаюсь стать его рабыней. Это не будет просто вещью, которую я смогу сделать так, как пожелаю. Приходя в клуб, я хочу *играть*.

Мое сердце замирает, пока тревога накрывает меня. Я хочу этого. Я понимаю, что делаю... но не знаю, смогу ли позволить это себе. Я открываю рот, чтобы сказать, но слова не выходят. Я не предполагала, что это произойдет так быстро.

— Ты можешь уйти в любое время, не опасаясь потерять меня как своего Хозяина.

Айзек нежно кладет руку на мое бедро, пока документ подрагивает в моей руке.

Я хочу найти утешение в его словах, но это сложно.

— Я была рабыней до этого, — говорю я почти шепотом.

Айзек кивает.

— Я знаю, что ты в каком-то смысле прошла обучение, но у меня другие вкусы и предпочтения. Думаю, что тебе это должно быть ясно из некоторых правил.

— Да, — отвечаю я.

Я, конечно, никогда не могла без сгибания головы в поклоне смотреть на того, другого моего Хозяина. Я не имела права глядеть ему в глаза без разрешения. Я познала те правила на своей шкуре. Они никогда не были написаны на бумаге, ничего подобного не было. Я была не в состоянии требовать уважения от других, и вынуждена вести себя так, словно была пустым местом. Потому что я была никем. Мне трудно дышать, когда я сравниваю этих двоих. Айзек не такой, как мой предыдущий Хозяин. Стыд и вина накрывают мое тело. Воспоминания о том, через что я прошла, поглощают меня, холод и страх завладевают мной.

— Я не могу, — вырывается из меня, я резко встаю и почти падаю с кровати.

Мне необходимо выбраться отсюда. Я чувствую головокружение и мне нужен воздух. Я не могу дышать.

Айзек кладет руку на мое плечо, а другую — на мое бедро, поддерживая меня и удерживая от падения. Он может сказать, что я не в порядке, и он не давит на меня. Я благодарна ему за это.

— Шшш, ты со мной, котенок, — утихомиривает он меня, успокаивая, но я все еще не могу дышать.

— Ванная, пожалуйста.

— Конечно, — говорит он и выводит меня из комнаты.

Мужчины смотрят на нас, пока он ведет меня в отдельную ванную комнату в зале. Я

цепляюсь за его руки, когда он пытается оставить меня, я не готова его отпустить.

— Я здесь. Я буду здесь, когда ты вернешься. Обещаю тебе, все в порядке.

Медленно я отхожу от него в сторону и сосредотачиваюсь на стуке моих каблуков по кафельному полу, одновременно стараясь восстановить дыхание.

Зайдя внутрь комнаты, я облокачиваюсь на раковину, склоняя голову, мой разум пытается справиться с паникой.

Постепенно шум крови в ушах сменяется глухим гулом музыки, которую я слышала, когда вошла в клуб. Я здесь в безопасности. Я в безопасности.

Я шепотом повторяю слова стихотворения «Огонь и лед» снова и снова. Медленно мой пульс восстанавливается, зрение становится более четким. Я моргаю, чтобы избавиться от вспышек воспоминаний, и смотрю на женщину, глядящую на меня в зеркале.

Я сильная. Я здорова. Я исцелена.

Исцелена ли? Не знаю. Я больше ничего не знаю. Не уверена ни в чем. Резко втягивая легкие воздух, я включаю кран, позволяя прохладной воде омыть мою разгоряченную кожу, и начинаю жадно ее пить, чтобы успокоить мое сухое, болезненное горло. Я подскакиваю от звука открывающейся двери, но также быстро я расслабляюсь, когда Госпожа Линн входит в комнату. Ее яркие красные туфли на каблуках стучат по полу.

Она направляется прямо ко мне, ее глаза расширены от беспокойства.

— С тобой все в порядке, Катя? — мягко спрашивает она меня, кладя руку на мое плечо.

Я выключаю кран, концентрируюсь на звуке. Моя нижняя губа дрожит, но я честно отвечаю ей:

— Я не знаю.... Я пытаюсь.

Я выпускаю судорожный выдох, чувствуя, как слезы подступают к глазам, жалея их. Я не заплачу.

— Трудно отпустить и поверить, что все будет хорошо.

Несмотря на мое замешательство, я знаю, что все еще хочу Айзека в качестве Хозяина. Его всего. Но не могу предоставить ему столько власти и контроля так скоро. Я не могу сделать это. Не буду. Я просто беспокоюсь, что он не сможет дождаться меня, ведь он может подумать, что я слишком сломлена, чтобы меня можно было починить. Но я не буду этого делать. Пока нет.

— Это все из-за твоего Хозяина? — спрашивает он меня. — Он вообще твой Хозяин?

— Не знаю, — я снова отвечаю честно, и мне больно, так как я понимаю, что он не мой Хозяин.

Хозяину необходим контроль во всем.

— Нет, он не мой Хозяин.

— Но ты хочешь, чтобы он им был? — спрашивает она в успокаивающей манере.

— Да, — отвечаю я быстро. — Хотя боюсь, что не смогу подчиниться прямо сейчас.

Я должна закрыть глаза и отодвинуть эмоции. Я знаю, что не могу полностью подчиниться ему, даже если хочу его. Я желаю его в качестве моего Хозяина. Но сейчас просто не могу.

— И ты боишься, что он не станет ждать тебя?

Я киваю головой, смахивая предательские слезы на моих горящих щеках, когда шепчу сдавленным голосом.

— Да.

Госпожа Линн смотрит на меня с прохладным сочувствием, в то время как ее слова

вытаскивают меня из моей задумчивости.

— Что-то мне подсказывает, что он сделает все, чтобы обладать тобой, Катя. Так что не стоит недооценивать власть, которую ты имеешь в этих отношениях.

Она гладит рукой по моей спине, пока я пытаюсь взять себя в руки.

— Будь с ним честна, и то, что ты хочешь, придет к тебе. Обещаю.

Она позволяет ее словам повиснуть в воздухе, прежде чем оставить меня наедине со своими мыслями.

Боже, я надеюсь, она права.

Глава 11

Айзек

Я не могу позволить ей уйти вот так. Я запускаю руки в волосы, расхаживая в зале снаружи женского туалета. Я понимаю, что это много для нее. Знаю. Но мне необходимо, чтобы она приняла окончательное решение, и я мог бы начать свое обучение и помочь ей.

Я совсем без сил. Я воспринимаю это всерьез. Мне нужно ее согласие. Может быть, я прошу слишком много? Но я не понимаю, как такое может быть. Она говорит, что хочет этого, и я знаю, что она нуждается в этом.

Госпожа Линн выходит первой, и я замираю.

— Я в курсе, что ты сделал, — говорит она, и я знаю, что она почти произносит мое имя, но кто-то проходит позади нас, переключая ее внимание и напоминания, где мы находимся. — Ты должен быть нежным.

Я смотрю на нее, и моя кровь закипает от гнева.

— Она не твоя забота.

— Поправочка. Она еще и не *твоя* забота, — она делает шаг ближе, понижая голос. — Возможно, стоит попробовать иной подход?

Она выгибает бровь, как будто я упускаю что-то очевидное.

— Ты знаешь, я не страдаю деликатным подходом, — говорю я себе под нос.

Я понимаю, что запарываю все это с королевским размахом. Но как? У меня нет ни малейшего представления. Мне только нужно ее согласие, и тогда все станет намного проще.

— Может быть, стоит сначала показать ей, каково это. Дать ей попробовать, постепенно подготовить к этому.

Подготовить ее к этому. Как я, твою мать, должен это сделать?

Ее слова еще отдаются в моей голове, когда дверь ванной комнаты открывается, и мой котенок выходит оттуда со сжатыми кулачками и опущенной головой, печальный взгляд запечатлен на ее лице.

— Подумай об этом, — тихо говорит Госпожа Линн, прежде чем уходит, оставив меня один на один с теми советами, которые удосужилась мне предложить.

— Катя?

Я закрываю пространство между нами, ожидая, что она посмотрит на меня. Когда она это делает, мое сердце разрывается из-за нее.

— Прости, Айзек...

Я прикладываю пальцы к ее губам. Она мгновенно замолкает, ее печальные глаза расширяются, дыхание становится прерывистым.

— Не нужно извиняться. Ты не сделала ничего плохого. Я недоволен только собой.

Я убираю руку и оставляю целомудренный поцелуй на ее губах, а затем на шее, взяв ее

маленькую ручку в свою.

Я переворачиваю ее ладонку и целую на ней место, где бьется пульс.

— Мне нужно, чтобы ты вернулась и поговорила со мной. Я должен знать, что ты думаешь по поводу предложенных мной правил, котенок.

Я смотрю ей в глаза и нежно потираю ее запястье сильными успокаивающими движениями подушечками моих больших пальцев.

— Да, Хозяин.

Мне очень хочется улыбнуться, но я не позволяю себе этого, пока не выясню, что буду делать с ней.

Когда я веду ее обратно в комнату, то молчу. Я погружен в свои мысли. Не хочу торопиться. Не желаю позволить ей возвратиться к себе домой и оставаться там без меня по вечерам. У меня есть потребности, но, что важнее, ее мучают ночные кошмары. Я должен стать ее Хозяином, но какой смысл быть им, если я позволю ей пройти через все это в одиночку?

Я не могу. Мне только необходимо, чтобы она осознала это.

Я открываю дверь, игнорируя тот факт, что мои люди стоят за пределами комнаты. Дверь открывается с громким щелчком, и я кое-что понимаю.

Она не может знать этого, потому что не понимает, что значит настоящий Хозяин.

Она только познала обидчика в образе Хозяина.

Я закрываю дверь, чувствуя в себе новые силы.

— Иди сюда, котенок, — говорю я, присаживаясь на край кровати и поглаживая место рядом с собой.

Она послушно подчиняется, положив ладони на свои бедра. Я покажу ей, чего стоит настоящий Хозяин.

— Некоторые вещи ты делаешь прекрасно, Катя, — хвалю я ее. — Как это, — я накрываю своей рукой ее. — Ты знаешь, как стоять на коленях и кланяться, и как ты решаешь, сидеть тебе или стоять, ожидая моего появления.

Она смотрит мне в глаза, но в нежной, светло-голубой глубине отражается невероятная печаль и застенчивость.

— Ты сама научилась? — спрашиваю я ее.

— Нет, — отвечает она слабым голосом. — У меня был Хозяин.

— Только один?

— Он делился мной, поэтому у меня было много Хозяев.

Хотя она по-прежнему не двигается и смотрит только на меня, но ее тело напрягается, а глаза тускнеют. Нам необходимо пройти через это, но мне ненавистно, что такое происходит именно сейчас. Без моего ошейника, и с большой вероятностью того, что она может покинуть меня, так как у нее нет обязательств передо мной. Хотя я могу сделать это помягче.

— Тебе понравилось, что тобой делились?

— Нет, — отвечает она, и ее дыхание изменяется от страха.

Я спешу успокоить ее тревоги.

— Это меня радует. Я не делюсь с другими.

Я слегка улыбаюсь ей и осторожно поглаживаю шею.

На мгновение она прикрывает глаза, пока я сильными успокаивающими движениями поглаживаю пальцами низ ее шеи и плечи. Она напряжена, ее мышцы чрезвычайно жесткие.

— Эти следы оставил твой Хозяин? — спрашиваю я ее вскользь.

Иногда некоторые из пар Хозяин/раб предпочитают постоянные отметины на теле. Но я уже знаю, что это точно не выбор Кати.

— Только некоторые из них, остальные были оставлены другим человеком.

То, как она произносит эти слова, заставляют холодку пробежать по моему телу вниз. Я догадываюсь, какого человека она имеет в виду. Я уже попытался установить его местонахождение и нескольких других, в случае, если не смогу найти его сам.

Я разминаю ей плечи, ненавидя, что именно я вызываю эти воспоминания.

— Мне не нравится оставлять постоянные знаки, — говорю я спокойно.

Я хочу отметить ее, дать ей боль, но только для того, чтобы усилить ее удовольствие. Не таким образом.

— Было ли это наказанием или удовольствием? — спрашиваю я ее.

— Мое наказание, и их удовольствие.

Я останавливаюсь от ее признания.

— Твоему Хозяину нравилось твое наказание? — делаю я паузу для эффекта и продолжаю массировать ей плечи, пока спокойно говорю. — Я не знаю Хозяина, который бы наслаждался наказанием. Это должно идти рука об руку с разочарованием, — я оставляю поцелуй на ее шее. — Полагаю, этот Хозяин был плох для тебя.

— Да.

— Я хочу быть хорошим для тебя.

Она поднимает свои глаза к моим, в ее взгляде промелькивает искра желания, разрушая негативную атмосферу, сложившуюся от нашего разговора.

— Были ли правила, которые он давал тебе, похожие на мои? — я снова протягиваю ей листок бумаги, чтобы она прочитала их. — Я могу внести изменения, если захочешь.

Она медленно раскрывает список, разглаживая его на коленях, и внимательно читает каждую строчку. Ее губы шевелятся, молча повторяя строчки текста.

— Он не давал мне правил, похожие на эти. Я должна была подчиняться ему все время.

— И что ты думаешь об этом? Поскольку, разумеется, его команды должны были быть для твоей же пользы и безопасности. Думаю, что это присуще отношениям Хозяин/раб, — я слежую пальцем по ее шрамам, и продолжаю. — Но, очевидно, некоторые аспекты твоего благополучия игнорировались, и это очень плохо.

Она медленно кивает головой, откашливается и шелестит бумагой в руках.

— Это отношения не были хорошими, нет.

— Как по мне, так это вовсе не похоже, чтобы он был Хозяином.

Это привлекает ее внимание.

— Насилие и жестокое обращение не должны допускаться, ни при каких обстоятельствах.

Я глажу своими руками ее руки, нежно лаская ее кожу и целую в шею.

— Все, что мы делаем, будем по взаимному согласию. Каждая часть подготовки будет изложена для тебя с известными тебе последствиями и наградами.

Она молчит, но ее глаза широко раскрыты и сосредоточены на мне.

— Ты ищешь такие отношения Хозяин/раб? — спрашиваю я ее, вглядываясь в ее светло-голубые глаза.

— Да, — тихо отвечает она.

— Я желаю доминировать над тобой в сексуальном плане, Катя, а также и в других

отношениях. Я хочу нести ответственность за каждый аспект твоего благополучия. В-первых, во время тренировки тебе будет трудно. Не буду лгать. Я хочу контролировать, и мне нужна честность и доверие в ответ.

— Я хочу заставить тебя кричать, котенок, хочу выпороть, а после утешить. Хочу дать тебе обостренное наслаждение, которое поглотит твою сущность, — я нежно целую ее в губы и шепчу на ухо. — Я хочу видеть мои следы на твоём обнаженном теле. Мои намерения не чисты, уверяю тебя в этом. Но я буду справедливым Хозяином. Я позабочусь о тебе так, как ты и не мечтала.

Она смотрит на меня пару мгновений, ее дыхание становится прерывистым. Мой член такой чертовски жесткий только от мыслей обо всех тех вещах, которые я хочу с ней сделать.

Больше не могу этого выносить. Я нагибаюсь, удерживая свою руку на ее затылке, и сминаю ее губы. Она стонет мне в рот, раскрывая губы и позволяя мне взять ее. Я толкаю ее на кровать, она ахает, ее руки обнимают меня, сжимая, пока она целует меня в ответ, словно изголодавшись, и я знаю, что она готова для меня. Для этого.

Другая моя рука движется под ее платье, кончиками пальцев прослеживая линии ее нижнего белья. Мой член упирается ей в бедро. Я хочу взять ее, пока она испытывает необходимость быть оттраханной. Но не сейчас. Нет, пока она не даст то, что мне нужно.

Я разрываю поцелуй, тяжело дыша. Мой член адски тверд, и я хочу взять ее прямо сейчас. Но мне нужно знать, что она хочет из того, чего желаю я. Мне необходимо насытиться. Несмотря на то, как сильно я хочу узнать ее как человека, у меня также имеются потребности. И мне нужно знать, что мои собственные желания будут удовлетворены. Я открываю глаза, и смотрю, как тусклый свет отражается на ее тонких серебристых шрамах.

— Я хочу оставить свой след на тебе. Непостоянный, но хотя бы раз в неделю.

Впервые за долгое время я испытываю стыд, признаваясь в своих темных желаниях. Она до сих пор не отреагировала на мои потребности. Мне необходимо понимать, что она действительно хочет этот аспект наших предполагаемых отношений. Я хочу высечь ее, чтобы кровь прилила к ее коже, и позволить выплеску эндорфинов дать ей высшее наслаждение, которое она не смогла бы достичь иным образом. Мне это нужно и для самого себя.

Я хочу, чтобы ее переполнили чувства, желаю, чтобы она поглотила все то, что я могу сделать для нее.

— Да, пожалуйста, — отвечает она тихим голосом, ее глаза наполовину прикрыты. — Хозяин, пожалуйста, отметьте меня.

— Я сказал тебе, чего я хочу, Катя. Но что ты хочешь от меня? Тебе нужен Хозяин, но что это означает для тебя?

— Я хочу чувствовать себя полноценной. Ради самой себя, — она тяжело дышит, крепко сжимая руки вместе. — Это значит, что я хочу, чтобы кто-то командовал мной.

Она смотрит на меня, и в ее глазах заметна уязвимость.

— Я хочу удовлетворить все ваши потребности и желания, а также быть хорошей для вас, — она убирает волосы с лица. — Я не знаю, есть ли вообще в этом смысл, — произносит она, качая головой.

— Это прекрасно. Ты совершенна.

Она вспыхивает от моей похвалы.

— Мне нужно, чтобы ты согласилась с этими правилами. Или скажи мне, какие изменения должны быть внесены в них.

Страсть медленно отпускает ее, пока она лежит на кровати, ища глазами мое лицо.

Я помню слова Госпожи Линн. *Дать ей попробовать, постепенно подвести ее к этому.* Но я не понимаю, как это возможно. Мой интерес — это полный контроль во всем. Я не знаю, как найти с ней компромисс.

Я закрываю глаза, вздыхая глубоко. Я не в состоянии обеспечить золотую середину.

— Это то, что ты описала, то, что ты хочешь. Все, что тебе нужно сделать, это согласиться, — говорю я ей совершенно искренне.

— А что если мы будем встречаться здесь? — говорит она, и ее тихий голос нарушает тишину. — Я согласна на все ваши правила, но только хотела бы, чтобы наше время было ограничено рамками клуба на данный момент. Пока я не буду готова.

Она тяжело сглатывает, резко бросает взгляд на меня и снова возвращает его к пышному одеялу на кровати.

Она выглядит виноватой и чувствует себя неудобно. Я касаюсь ее шеи, где должен, по идее, быть мой ошейник. На шее видны слабые метки от того ошейника, что она носила прежде. Шрамы, доказывающие, что он был надет на нее без ее согласия.

— Я все еще хочу видеть свой ошейник на тебе, но я возьму то, что ты готова дать мне сейчас.

Она смотрит на меня с удивлением. Я полагаю, она не ожидала этого.

— Я покажу тебе, что значит быть моей, пока мы здесь. Но ожидаю, что ты будешь придерживаться правил, когда будешь находиться далеко от меня.

— Буду.

— Катя, что означает быть Хозяином? — спрашиваю я ее, чтобы оценить, как она это понимает.

— Это означает, что вы владеете рабом, — отвечает она с легкостью.

— Это все, что это означает? — спрашиваю я ее.

Она смотрит на меня с любопытством.

— Я хочу, чтобы ты подумала об этом.

— Хорошо, Хозяин, — отвечает она, на ее лбу по-прежнему морщинки, глаза сужены, как будто она действительно задумалась об этом. Надеюсь, что так оно и есть.

Я беру сумку с подарком и вытаскиваю бледно-голубую коробочку из него, кладу ей на колени.

— Я хочу, чтобы ты носила мои цепи, пока не будешь готова к моему ошейнику.

Она медленно открывает коробку.

Кончиками пальцев осторожно пробегается по тонкой золотой цепочке.

Она сделана с алмазными краями, поэтому сверкает даже при небольшом источнике света.

Я забираю коробочку у нее из рук, достаю цепочку, и держу ее так, чтобы надеть ее на Катю. Она поднимает волосы с плеч и едва дышит, пока я застегиваю ее на ней. Я поглаживаю пальцами ее нежную кожу, пока расправляю ее ошейник.

— Очень красиво. Спасибо, Хозяин, за такой подарок.

Моя темная часть, которую трудно приручить, сильно возбуждена от вида того, что моя цепь надета на ней.

— Ты никогда не снимешь ее. Только во время мытья, а затем снова вернешь ее на место.

В еще одной коробочке в моем пиджаке находится аксессуар. Но с этим придется повременить.

Она послушно отвечает:
— Обещаю.

Глава 12

Катя

Две недели до рождества

Это кажется не реальным. Я выхожу в заднюю дверь клуба «Х», мои пальцы осторожно скользят вдоль красивой цепочки на моей шее. Каждый шаг заставляет чувствовать тянущую боль между ног. Айзек тщательно поработал надо мной. И я этим полностью наслаждалась.

Прошло уже больше недели, как мы стали встречаться с ним каждый вечер, и я позволяла ему брать меня и доминировать над моим телом, доводя до таких сексуальных высот, которые мне никогда и не снились. Мне нравится проводить с ним время, заслуживая удовольствие, делая все, что он прикажет, чтобы потом он вознаградил меня. Я живу ради этого. Я никогда не останусь здесь. Это временно. Каждый день я осознаю, что увижусь с ним, и подчиняюсь ему, находясь за пределами клуба. Мои пальцы нежно пробегают вдоль плотных обоев в зале с отдельными комнатами.

Я не желаю оставаться здесь, да и он тоже. Правда, по разным причинам. Он хочет лайфстайл 24/7 со мной, а я нет. Не могу пойти на это.

Дошло до того, что я не могу дождаться вечера, чтобы увидеться с ним, постоянно обнаруживая, что весь день, пока работаю, он не выходит у меня из головы. Это необычно для меня. Как правило, очаровательные, игривые собаки в приюте могут заставить меня забыть обо всем.

Но не об Айзеке.

Я чувствую себя виноватой, зная, что должна сосредоточить все внимание на собаках, когда нахожусь с ними, но не могу избавиться от мыслей об Айзеке. Он сказал мне, что я свободна не думать о нем на работе, но не могу остановиться. Он в моих мыслях каждую секунду. Все, о чем я могу думать, как порадовать его и стать для него лучшей рабыней. Лучшим питомцем. Его котенком. Небольшая улыбка играет в уголках моих губ, и щеки заливаются румянцем. Мне нравится, как он называет меня котенком.

Айзек хочет, чтобы я находилась в его доме, под его командованием все время, и он говорит мне каждый вечер, что это доставило бы ему удовольствие. Я жажду этого, но не могу спустить курок. Это так близко к фантазии, о которой я так мечтала, но боюсь, что как только я приму, это превратится в нечто ужасное. Что-то вроде моего прошлого.

Тепло покидает мое тело, заменяя себя холодом, который заставляет меня взять себя в руки. Мои руки скрещены, я обнимаю свои предплечья. Я не могу позволить этому случиться. Направляюсь к постели, уверенная в том, куда я иду даже при тусклом свете. Мои тонкие, полупрозрачные одежды вздымаются за моей спиной. Я прошла через эти залы достаточное количество раз за последнюю неделю, так что не заблужусь. Охранники знают меня, и знают, кому я принадлежу. Они открывают мне двери и позволяют войти к ожидающему меня Хозяину.

Я глубоко втягиваю воздух в легкие, впитывая в себя окружающее меня великолепие, наслаждаясь насыщенным запахом и роскошными материалами в комнате. Я пока еще не привыкла ко всему этому. Это не кажется реальным. Я счастлива думать об этом, как о фантазии.

Я подхожу и сажусь на роскошную кровать, вздыхая, осторожно кладу ладони на верхнюю часть бедер и жду его. Айзек запретил мне находиться в другом месте в клубе без него, пока я не ношу его ошейник. Могу только дойти до его собственной комнаты, и все. Я делаю прерывистый вдох при мысли о том, чтобы снова быть в ошейнике.

Не знаю, почему я просто не могу принять его ошейник. Он сказал, что на первый раз даст мне с пряжкой. Тот, который может быть легко удален, и не имеет замка. Но даже это заставляет меня чувствовать себя неловко. Легкая цепь, висящая на моей ключице терпима, но что-то более туго облегающее мою шею вызывает больше страха, чем гордости.

Я тяжело сглатываю и стараюсь не думать об этом, пока мои мысли возвращаются к сегодняшнему вечеру.

Да, сегодняшнему вечеру. Я с нетерпением жду его.

Мое сердце начинает безумную гонку от волнения, и мой желудок закручивается от тревоги, пока я думаю о том, что ждет меня впереди. Сегодня Айзек показывает меня. Я собираюсь находиться на сцене, в то время как он продемонстрирует сабспейс клубу. Он выпорот меня для нашего общего удовольствия, и будет подводить меня все ближе и ближе к опьяняющему состоянию. Я впиваюсь пальцами в пышные постельные принадлежности, нуждаясь, чтобы зацепиться хоть за что-нибудь, пока мои ноги дрожат от слабости. Я более чем готова к этому. Во многих отношениях я взволнована, но от других, я просто в ужасе. У меня остались слабые следы от кошки-девятыхвостки, которую он использовал в прошлые выходные. Они почти сошли, но сегодня будут заменены на новые. Странно, как мысль об ошейнике вызывает страх, но мысль о том, что меня высекут и выпорют вызывает только возбуждение. Он не причиняет мне боль ради боли. Все только для удовольствия.

Подношу руку к шее, пока вспоминаю, как Айзек довел меня до такого состояния, что я потеряла контроль над своим сознанием. После того, как он в течение часа играл с моим телом, делая то, что считал нужным, я была в сознании и понимала, что не могла реагировать, как обычно. Это было почти как в трансе, мое тело пело от удовольствия настолько сильного, что я была буквально парализована. Он приказал мне не кончать больше, но я ничего не могла с собой поделать. Хуже того, я не могла отвечать ему. Я лежала безвольно на скамейки для порки, не чувствуя ничего, кроме как покалывание от интенсивного удовольствия, накрывающего меня.

Айзек закричал на меня, и плетка коснулась моей кожи, но вместо резкого всплеска боли, которую я чувствовала всего пару мгновений назад, я ощутила прилив сильного жара, распространившегося огнем по каждой клеточке моего тела. Мои соски затвердели, и я громко застонала, пытаюсь пошевелиться, в то время как небольшая перегрузка моего разума заставила мою киску содрогнуться, и теплая жидкость потекла из моего горячего ядра вниз по внутренней стороне моего бедра.

— Котенок, — я помню, как он задавал мне вопрос голосом полным угрозы. — Ты намеренно ослушалась меня?

Он зарычал, когда сжал волосы у основания моей шеи и поднял мою голову вверх.

— Нет, — выдохнула я это слово, или, по крайней мере, думая, что произнесла его или попыталась сказать. — Хозяин, — я едва шептала, умоляя его о милости и понимании.

Если бы только я смогла испытать страх, в котором я нуждалась в этот момент. Но все, что я могла чувствовать, было нарастающее удовольствие и желание испытать на себе больше его прикосновений. Он прошелся зубами по моей коже, прежде чем припасть своими губами к моим, а затем пристроил свой массивный член к моему входу и резко вошел в меня

с такой силой, что я закричала. Я кончала снова и снова, пока он врывался в меня, трахая так, словно владел мной. И в этот момент он действительно владел мной. И каждое мгновение с тех самых пор. Он подарил мне так много, а я все еще не дала ему одну вещь, которую он просил.

— Котенок.

Я задыхаюсь, когда смотрю вверх и вижу стоящего передо мной Айзека, одетого в черный вечерний костюм и выглядящий в нем чертовски сексуально. Он глядит на меня своими великолепными зелеными глазами с такой интенсивностью, которая заставляет меня задрожать. Я была настолько погружена в свои мысли, что даже не заметила, как он вошел.

— Хозяин, — говорю я с благоговением.

— Ты прекрасно выглядишь, — делает он мне комплимент своим низким голосом, шаря при этом своими наполненными желанием глазами по моему телу.

Румянец обжигает мои щеки, и я тихо отвечаю:

— Спасибо, Хозяин.

Я хочу быть идеальной для него, желаю удовлетворить каждую его потребность.

Так почему же тогда я не ношу его ошейник? Почему бы мне не позволить ему иметь себя, когда он жаждет? — спрашивает голос в моей голове.

Моему внутреннему голосу стоит заткнуться.

Он подходит ко мне, и при каждом его шаге мое дыхание становится все быстрее и быстрее. Его пальцы проходятся вдоль моего плеча к краю шелкового халата. Он наклоняется, оставляя поцелуй на моей шее, а затем сладкий, целомудренный поцелуй на моих губах. Мне приходится сдерживать себя, чтобы не наклониться к нему. Я хочу большего. Намного большего.

— Ты будешь демонстрировать себя на сцене, — говорит Айзек, поймав мой взгляд и удерживая его, отчего мою кожу начинает покалывать.

Это констатация факта.

— Да, Хозяин, — говорю я покорно.

От его близости, я не чувствую ничего, кроме желания. Ошеломительного желания угодить ему и быть за это вознагражденной.

— Ты знаешь, что для тебя безопасно проделать все это, и что я никогда не попрошу моего котенка сделать что-то, что причинит тебе вред.

— Да, Хозяин, — соглашаюсь я.

Это необходимо для демонстрации. И я не возражаю. Я горжусь тем, что учитель будет использовать меня перед ними.

Айзек проводит длинным пальцем вдоль моего подбородка, останавливаясь, чтобы приподнять его.

— Ты будешь идеальной сегодня, — говорит он и его голос переполнен пылом, возбуждение нарастает во мне от его глубокой интонации, моя киска болезненно сжимается от необходимости.

— Многие из членов клуба не имеют ни малейшего понятия, как выполнять эту сцену. Мы окажем им услугу, обучая их, как делать это безопасно.

Я киваю головой, мое сердце грохочет в груди, а моя киска мучается от нужды.

Айзек, похоже, хочет сказать что-то еще, когда убирает мои волосы за плечи и целует меня в шею, но потом вздыхает.

— Я скупал по тебе сегодня, — признается он.

Мое сердце радостно бьется от его признания. Я тоже скучала по нему. Я хочу сказать ему, что мне жаль, в то время как глубокая боль оседает в моей груди. Это моя вина. Я сломана и не могу дать ему то, что он заслуживает. Из-за моего прошлого. Из-за Хозяина, который был у меня до него.

Айзек поднимает пальцами мой подбородок и притягивает мои губы к своим, словно прочитав мои мысли.

— Ты думаешь только обо мне, когда находишься со мной, — шепчет он напротив моих губ.

— Да, Хозяин.

Он поглаживает меня по голове, успокаивая.

— Пойдем, котенок.

Прикрепив тонкую цепочку, похожую на поводок, он ведет меня из комнаты на сцену.

Глава 13

Айзек

— Все это сейчас заведет Далию, — говорит Люциан с ухмылкой.

Он возбужден с тех пор, как попал сюда. Я никогда не видел его таким счастливым.

— Это не так просто, как выглядит, — предупреждаю я его.

Прошлой ночью он наслаждался шоу. Каждый наслаждался. Сабспейс является особенно притягательным психическим побочным эффектом БДСМ. Катя являлась прекрасным примером этого прошлым вечером. В конце шоу мне нужно было только слегка подуть на ее клитор, чтобы заставить кончить. Сегодня у нее будут болезненные ощущения. Я инстинктивно смотрю в сторону фойе, пока подношу бокал холодного пива к губам.

— Ни хрена! У нее нет такой терпимости к боли, как у твоего котенка.

Мое тело напрягается, когда он называет Катю ласкательным именем, которое я использую для нее. Странно, что я не возражаю против того, чтобы активные, властные мужчины в битком забитой комнате наблюдали за тем, как мой сладкий котенок кончает по команде и теряется в удовольствии, становясь невменяемой. Но упоминание ее ласкательного имени в устах другого мужчины подводит меня к краю. Это касается моего лучшего друга не в меньшей степени.

Он поднимает руки в жесте защиты.

— *Твой* котенок, — он подчеркивает слово «твой», и, можно сказать, что волосы на моем загривке опускаются.

— Ты в последнее время ходишь по краю, — говорит он тихо, и, понизив голос, спрашивает. — Это из-за, — он откашливается, — нападения?

Моя кровь леденеет, и я качаю головой. Мне ненавистно даже упоминание чего-то подобного, как только это сделано.

— Как я и говорил, все прошло легко.

Он кивает головой, на его лице появляется мрачный взгляд, когда он делает глоток виски.

— Ты даже не представляешь, как много хорошего сделал для нее.

Я наблюдал за дядей Далии для Люциана. Справедливость восторжествовала, когда этот ублюдок был убит. Человек, обижающий маленьких девочек, не заслуживает того, чтобы жить.

— Я счастлив, что она успокоилась.

Я действительно рад. Жизнь и смерть — две вещи, к которым я отношусь серьезно. Этого придурка было легко найти. С судимостью и знанием его текущего местонахождения, так как он находился в базах данных из-за прошлого осуждения, он стал легкой мишенью.

Я смотрю на свои руки, пока думаю о мужчинах, которых я убил. Я могу пересчитать их всех на обеих руках. И каждый заслужил смерть. Но мне ненавистно это. Я ненавижу сам себя.

Из-за всей этой крови на руках я не смогу удержать такую женщину, как Катя. Она не заслуживает убийцу. Но я могу дать ей справедливость. Я могу исцелить ее, прежде чем буду должен освободить ее.

Тех двоих мужчин, которых я ищу в Колумбии для моего котенка,... их трудно найти. Все указывает на то, что они мертвы. Но я не поверю, пока сам не увижу доказательства. У меня имеются друзья во многих местах. Высокопоставленные и не очень. И если они все еще дышат, то я найду их. Я не остановлюсь, пока не сделаю это.

Даже если она никогда не подчинится мне, я позабочусь, чтобы они заплатили за то, что сделали с ней.

— Мне жаль, что я заговорил об этом, — я слышу раскаяние в голосе Люциана. — Я вижу, тебя что-то беспокоит.

Я тяжело вздыхаю.

— Ты бы чувствовал то же самое, если бы Далия отказалась от тебя.

Я устал от этого. Катю абсолютно устраивает жить таким образом, но мне нужно больше.

Прошли недели, и каждый вечер Катя приходит и ждет меня в моей цепочке на шее. Когда я не встречаю ее у входа, чтобы поприветствовать, то она отказывает всем, кто уделяет ей внимание. Катя почтительна с ними, но отвечает, что ждет своего Хозяина.

От меня потребовалось всего лишь несколько раз прийти с ней и привести ее в офис, чтобы все поняли, что она моя. Она сидит у моих ног, пока я работаю, а потом я забираю ее в частные комнаты.

Игровые комнаты развлекают публику, где я хотел бы пометить ее, но я чувствую пустоту.

Она не хочет носить мой ошейник.

Не позволяет мне забрать ее домой.

До сих пор у нее ночные кошмары.

Она рассказывает мне о них постфактум, и меня убивает, что я не нахожусь с ней в этот момент там.

Она отказывает мне в роли Хозяина ... в этом. Я даже не знаю, как все это назвать. Это похоже на детские игры. Да она покорна, и мне нравится ее общество. Но это не то, чего я хотел. Это только вкус того, что ей действительно нужно. И лишь часть того, чего я хочу от нее.

Но она не дает мне большего.

Не знаю, сколько еще, я смогу выдержать.

Прошлым вечером я наказал ее за отрицание меня. Я окончательно потерял рассудок. У меня имеются потребности, и она должна ознакомиться с ними. Она моя Рабыня, черт побери!

Катя не может ей быть, если не видит меня вне стен клуба «Х».

Я взял паддл и поставил ее на колени. Шлепая плоским паддлом снова и снова по ее

пышной попке.

Справа, слева, по центру. Ее бледная кожа превратилась в ярко-красную. Она вскрикивала, считая удары, и слезы капали из уголков ее глаз.

Сорок ударов. Ее кожа стала горячей и с красными припухлостями. Я знаю, что сегодня на ее заднице выступят синяки.

Когда я закончил, она была горячей, влажной и готовой для меня. Я взял ее, вбиваясь каждым ударом, полным гнева, который накопился во мне. Она хотела этого. Это то, что вывело меня из себя так сильно. Она хотела, чтобы ее наказали. Она скорее пойдет на это, чем отдаст мне всю власть над собой.

Я ненавижу это. Она кончала снова и снова на моем члене, но у меня не выходило. Не таким образом.

Мне нужно что-то изменить.

Она чувствует себя виноватой и хочет этих отношений, я знаю это. Но не может сделать шаг. Она боится.

А я чертовски устал ждать.

Я был взволнован, пока она лежала рядом со мной, прижавшись, на сгибе моей руки, в то время когда я целовал ее волосы и успокаивающе поглаживал по руке. Я хочу не просто секса. Да, она соблюдает правила, но какой смысл, если меня нет там, когда она нуждается во мне?

Я хочу *большего*. Но это все, что она дает мне.

Госпожа Линн проходит мимо нас, и я быстро встаю, чуть не опрокидывая тяжелый стол. Люциан хватается за напиток, уравнивает его. Он хмурит брови, пока смотрит на меня вопросительно, но я не отвечаю. Мне нужно поговорить с ней, пока я могу.

— Госпожа Линн, — зову я ее.

Она милостиво поворачивается ко мне на своих каблуках.

— Да? — спрашивает она.

— Мне нужен твой совет, — говорю я тихо.

— Неужели?

— Да.

Меня раздражает, что она отвечает как бы невзначай, но опять же, я раздражен уже в течение нескольких дней.

— Кате... ее удовлетворении. У нее нет оснований для дальнейших отношений, — говорю я ей.

— Понимаю, — отвечает Госпожа Линн, ее глаза смотрят в пол.

— Ее необходимо подтолкнуть. Она слишком боится дать себе то, что ей необходимо.

— Ты знал, когда брал ее, что она может быть не готова? — она произносит это утверждение так, словно это вопрос.

— Конечно, знал, но она нуждается в этом. Ты знаешь, что она нуждается.

Любой, глядя на нее, знает, в чем она нуждается. Я подвожу ее в качестве Хозяина, потому что она отрицает меня. Я не могу этого допустить!

— Это меня уже не ..., — начинает говорить Госпожа Линн, но я прерываю ее.

— Ее до сих пор мучают ночные кошмары. Ты знаешь об этом? — спрашиваю я ее более резко, чем следует, гнев и отчаяние наполняют мой голос.

Несколько человек оборачиваются на меня, но я игнорирую их. Это не нормально.

— Поздно ночью Катя кричит, и она одна. Она даже не сообщает мне!

Я знаю об этом, поскольку просматриваю ее сообщения в Интернете. Она нуждается во мне.

— Она не понимает, насколько сильно нуждается в этом.

Или, может быть, понимает. В последнее время я задавался вопросом, а что если она отрицает саму себя. Если она знает, что я могу помочь ей, но решила избегать этого в пользу боли.

Это может быть бессознательным решением.

А, возможно, это является ее способом наказать себя за желание такого образа жизни. Сердце разрывается на две части от этой мысли. Ненавижу это. Черт побери, я не могу больше терпеть.

— Убеди ее, — говорит мне Госпожа Линн.

Я тяжело дышу и невесело усмехаюсь, зажимаю переносицу, когда пульсирующая головная боль накрывает меня.

— Как? — спрашиваю я ее.

— Аукцион определит ее судьбу.

Слова Госпожи Линн превращают мою кровь в лед. Я не хочу, чтобы она шла на аукцион. Я не могу смириться с тем фактом, что она будет рассматриваться кем-либо еще в качестве доступной.

— Я не понимаю, как ..., — начинаю я говорить, но Госпожа Линн прерывает меня.

— Я посмотрю, что смогу сделать для тебя.

Она слегка улыбается мне и кивает, поймав мой взгляд.

Аукцион. Мое сердце бьется медленнее, как только я представляю ее наверху на сцене в темной комнате с направленным на нее светом. Я не знаю, как Госпоже Линн удастся убедить ее. Катя не заинтересована в деньгах.

Однако в этот момент я доверяю ей. Я не знаю, что еще я могу сделать.

Глава 14

Катя

— Взять его, Тоби! — кричу я, бросая пищащую игрушку в виде ящерицы во дворе приюта, и гляжу на Тоби, золотистого ретривера, летящего за ней, как молния, чтобы схватить ее. Я выпускаю легкий вздох, когда он достигает игрушки и захватывает ее своими мощными челюстями, жуя, из-за чего игрушка издает писк.

— Теперь принеси мне ее! — команду я, указывая ему на свои ноги.

Тоби понимает мою команду, но не двигается, писк игрушки сливается с громкой какофонией игривого скуления и лая собак позади меня.

— Сейчас же! — требую я.

Тоби продолжает игнорировать меня, я выпускаю стон, качая головой и размещая свои руки бедрах, и строю рожицу.

Он меня дразнит, желая, чтобы я последовала за ним. Я не против, к тому же нуждаюсь в игровом единении, чтобы наладить отношение со своими собаками. Это единственное, что помогает подняться моему настроению. Я снова показываю жестом Тоби, утверждая свой авторитет, но он упрямится, глядя на меня и жуя игрушку.

— Ладно, если ты хочешь играть таким образом...

Я начинаю бежать вперед, но, прежде чем успеваю сделать несколько шагов, чувствую тупые пульсирующие импульсы на своих бедрах и заду, напоминающие о том, как все у меня

болит.

Напоминающие мне об Айзеке.

Тяжелый груз оседает в груди, пока мои мысли обращаются внутрь меня, и я опускаюсь на колени в траву, позволяя Тоби играть с этой чертовой пищалкой самим с собой. Сегодня я не хочу думать о своих проблемах, предпочитая просто потеряться в своей работе. Но кого я обманываю? Я никогда не смогу выкинуть Айзека из своей головы, как ни стараюсь.

Что еще хуже, я чувствую себя практически больной из-за всего этого. Он разозлился на меня. На прошлой неделе во время порки в нем чувствовался гнев, который заставил его быть более диким, когда он хлестал меня. Это было настоящим наказанием. Когда он заканчивал со мной, потом он всегда успокаивал меня, и боль сочеталась с удовольствием от его прикосновений, но, тем не менее, это было все же наказание.

Худшая часть во всем этом — то, что я жажду его. Я завожусь, просто думая об этом. Какого черта все это? Я не знаю, что случилось со мной, почему я желаю, чтобы он прошелся плеткой по мне так сильно. Он никогда не повреждает мне кожу, и никогда не пересекает черту того, что я могу принять. Думаю, что жажду этого так сильно, потому что после того, как он проделывает все это, он гладит меня, успокаивая мою боль, а потом трахает, доставляя мне большое удовольствие и показывая, что прощает меня.

Но, в конце концов, это ничего не решает. Мы оба знаем, что я все еще отрицаю его ошейник и отказываюсь быть с ним вне стен Клуба «Х» Я потираю виски, когда они начинают пульсировать.

Даже мысль о том, как все чертовски складывается, вызывает головную боль.

Я чувствую легкий толчок со стороны и смотрю вниз в ясные карие глаза. Тоби подошел и положил свою игрушку на мои колени, как будто он чувствует мой дискомфорт. Я ощущаю себя виноватой, когда смотрю на него, словно мои отношения с Айзеком являются предательством моего соглашения по отношению к собакам. Все наши отношения с ними завязаны на доброте, нежности и заботе, в то время как отношения с Айзеком — это нечто темное, извращенное, нацеленное на насыщение моих самых сокровенных желаний.

— Давай, Тоби, — говорю я со вздохом, поднимаясь на ноги.

Другие собаки, находящиеся рядом бросаются в мою сторону, как обычно, к бедру.

— Пошли внутрь. Время ужинать.

Я следую за твякающей стаей назад в приют. Мое настроение всегда слегка поднимали лающие и возбужденные собаки. Я слегка посмеиваюсь, поглаживая Тоби по голове, когда открываю дверь.

Видя их возбужденные, пушистые морды вокруг, я чувствую тепло в душе. Они зависят от меня. Они нуждаются во мне. Их не волнует, что мужчина по вечерам шлепает меня. Они любят меня безоговорочно.

После распределения собак по загонам и раздачи еды, я хватаю ведро с мыльной водой и щеткой, чтобы пойти продезинфицировать игрушки. Пока я чищу их, мои мысли возвращаются к Айзеку.

Моему владельцу. Моему Хозяину.

Он хочет, чтобы я зависела от него, нуждалась в нем. Я обращаю внимание на лай собак и думаю о том, как все это схоже в некотором роде. Я качаю головой, тяжело вздыхая и желая закричать от отчаяния.

Я не гребаная собака, и не буду сравнивать наши отношения таким образом. Мой телефон издает сигнал, отвлекая меня и возвращая обратно в реальность. Спасибо, е-мое. Я

протищу горло, пересохшее от волнения, встаю с пола, где я мыла игрушки для собак, и подхожу к столу, доставая телефон из сумки. Я разблокирую экран, и мое сердце падает в груди. Сообщение от мамы. Дыхание застревает в горле, когда я читаю.

Мама: Привет, дорогая. Семья собирается на Рождество. Я очень, очень сильно хотела бы увидеть тебя в этот раз рядом, Как и все остальные. Пожалуйста, может, ты приедешь домой?

Люблю,

Мама.

Я бросаю телефон обратно на стол, на заднем фоне лают собак, пульс начинает стучать в висках. Я, честно, не хочу туда ехать. Мне ненавистно чувствовать себя таким образом, но я не могу заставить себя пройти через это. Они все смотрят на меня, словно я сломана, и хуже того, когда я гляжу на них, я чувствую себя такой. Это, черт побери, разрывает меня на куски.

Тем не менее, что я действительно могу рассказать о том, через что я прошла? Что жила в грязи и абсолютной нищете, будучи израненной садистом, посаженная на цепь? Или о том, как я нашла себе нового хозяина, и как я борюсь с решением пойти на лайфстайл 24/7? Я качаю головой, отчаянно жалея, что не могу избавиться от этой головной боли. Нет никакой вероятности, что они когда-нибудь поймут.

Я снова смотрю на экран сотового и чувствую тяжесть в груди. Я знаю, мама переживает за меня, и понимаю, что она хочет увидиться со мной. Если я скажу ей, что не приеду, после того, как я избегала ее все это время, кто знает, как она воспримет это. Я не желаю расстраивать ее, но в тоже время не хочу их видеть.

Вздохнув, я беру сотовый и печатаю ответ. Полагаю, в крайнем случае, я всегда могу использовать собак в качестве оправдания. Они всегда нуждаются во мне. Легко спрятаться за работу и притвориться, словно это не из-за них. Это не напоминание о том, где я была и на что была похожа жизнь, прежде чем они забрали меня.

Я: Постараюсь сделать все возможное, чтобы приехать. Но не могу давать никаких обещаний.

Люблю тебя.

Кэт.

Когда я нажимаю «Отправить», раздается трель дверного звонка у входа. Я слышу стук каблучков по бетонному полу, и сладкий цветочный аромат достигает меня, прежде чем я вижу ее. Я моргаю от удивления, когда Госпожа Линн шагает к кухонному островку, ее волосы собраны в элегантный пучок, пронзительные глаза обрамлены тонкими ресницами. Она смотрится совершенно неуместно здесь, одетая в дизайнерское черно-белое платье — футляр с глянцевым черным поясом по центру, в глянцевых белых туфлях на каблучках. Она выглядит потрясающе.

Я приоткрываю рот от удивления, пульсация ускоряется в груди. Что она здесь делает? На мгновение я беспокоюсь о том, что сделала что-то неправильно, нарушила какие-то малоизвестные правила клуба.

— Госпожа Линн... — начинаю я.

— Ты поднимешься на сцену в моем клубе, — говорит мне Госпожа Линн властным голосом.

Я подсознательно делаю шаг назад с широко распахнутыми глазами. Я никогда не слышала и не видела, чтобы она так вела себя раньше, но то, как она смотрит на меня

глазами, наполненными властью, и это заставляет мою кожу покалывать, я понимаю, что она здесь по делу. Я чувствую облегчение, что она здесь не из-за того, что я в беде или меня привлекут к ответственности за нарушение того, о чем я была не в курсе.

— Простите? — спрашиваю ее я, не понимая, о чем она говорит.

— Пришло время сделать решительный шаг, Катя. Ты знаешь, что тебе это необходимо. Перестань мучить Айзека и перестань терзать себя. Ты пойдешь на аукцион.

Моя рука тянется к горлу, мягко проводя по шрамам, я отвечаю, словно против своей воли:

— Да.

Я потрясена больше, чем когда-либо. Госпожа выделила время в своем плотном графике, чтобы навестить меня в моем приюте. Я никогда даже не могла предположить такое.

— Ты будешь там стоять и предлагать себя в собственность в течение одного месяца, — продолжает Госпожа Линн, и ее голос полон власти. — Ты будешь продана. И тебе предстоит дойти до конца твоего контракта.

Я дрожу, пока ее слова омывают меня, мои руки и ноги слабеют от понимания. Я нуждаюсь в этом. Знаю, что необходимо. И Госпожа Линн это тоже знает. Я должна делать то, что она говорит, но я в ужасе.

Резкий тон голоса Госпожи Линн возвращает мое внимание к ней.

— Ты будешь участвовать в аукционе, ты меня слышишь, Катя? — она слегка наклоняется вперед, опираясь локтями на стол, тук-тук, постукивая по нему очками.

— Я так обычно не делаю. Ты — исключение. — она произносит это так, что я чуть ли не плачу.

— Нет ничего плохого в этом, но мне не нравится видеть отношения, терпящие неудачу, когда они могут быть настолько успешными. Некоторым людям нужен толчок, некоторым — пинок под зад, а некоторым — нужно точно знать, что делать.

Я втягиваю воздух в легкие, растерявшись от ее слов. Знаю, что должна сказать «да», так как уже думала об этом. Это вынудит меня взять на себя обязательства. Вчера вечером Кирстен спросила меня, а что если бы я просто рассмотрела возможность сделать это, а теперь...

Она предложила мне пожертвовать половину денег, которые я получу от аукциона, на приемник для собак, с которыми плохо обращались, а другую половину — отправить в женский приют, в котором я временно жила. Я смогла бы, наконец, рассчитаться. Я всегда этого хотела.

— Катя, — голос Госпожи Линн настолько властен, что когда вижу слезы в ее глазах, то потрясена этим до глубины души.

Я думала, что представляла эмоции в ее электронных письмах. Мы переписывались с ней неделю или около того. И я, по правде сказать, почувствовала связь с ней, правда, почему, не знаю. Я понимала, что она по-своему заботилась обо мне, но проявление ей эмоций, разрывает мое сердце. Я никак не могу заставить себя отказать ей в этой просьбе.

— Ты не можешь так поступать по отношению к своему Хозяину, как делаешь ты, — она слегка покачивает головой, ее голос приглушен и с хрипотцой. — Ты не можешь продолжать отрицать его. Хуже того, ты отрицаешь саму себя.

— Он будет сердиться на меня, не так ли? — шепчу я, сжимая горло рукой.

Как он может не сердиться? Если я позволяю себе быть доступной для другого? Он

будет в ярости.

— За то, что ты дашь возможность обеспечить владение тобой на один месяц? — она качает головой, но смотрит мне в глаза. — Нет, он будет благодарен. Ты будешь доставлять ему радость.

Она надевает очки обратно, выглядя при этом шикарно и уверенно, скрывая тот факт, что у нее минуту назад глаза были на мокром месте.

— Он уже знает. Ты сделаешь это. Угождая ему, ты помогаешь себе, Катя.

— Если я сделаю это, то не хочу, чтобы у кого-то еще был шанс купить меня, — выпаливаю я, мое сердце бешено колотится в груди.

Я не пойду к кому-либо еще. Я не хочу. Нет никого, кому бы я желала отдать власть над собой.

— Это должен быть Айзек.

Госпожа Линн некоторое время молча изучает мое лицо.

— Я позабочусь об этом, — успокаивает она меня, протягивает руку через стол и нежно поглаживает по руке.

— Все будет хорошо. Вот, увидишь.

Когда она прощается со мной и выходит из приюта, аромат ее духов слышится в воздухе, заставляя меня, задастся вопросом, как я смогу пройти через это.

Глава 15

Айзек

15 декабря

— Я убью тебя, — говорю я тихим, угрожающим тоном, когда Зандер берет в руки лопатку.

— Я только храню его. В чем дело? — спрашивает он, пожимая плечами.

Самоуверенный ублюдок. Он вырос с серебряной ложкой во рту, и для него все является игрой. Он хороший человек с большим сердцем, и я обязан ему больше, чем когда-либо смогу вернуть. Но, серьезно, я испорчу кулаком лицо этого красавчика, если он предложит цену за моего котенка.

— Думаю, он просто прикалывается над тобой, — говорит Люциан спокойно, хотя в его голосе слышен намек на смех.

Он везучий сукин сын, — думаю я, пока смотрю на его твердый подбородок и красивую улыбку. Далия — его, только его, и он оберегает ее. Люциан купил ее месяц назад, но она любит его и никогда не покинет.

И зачем ей? Он прошел путь от самого низа до верха. Он хочет семью, твою ж мать, и у него есть то, что он может дать ей, если бы только захотел. Его родители умерли для него, но у него имеется сестра, которая любит Далию. Он богат, и он — нормальный человек, такой, каким я не буду никогда. Уверен, через несколько лет они будут счастливой семьей с детьми.

Его не преследует призраки прошлого, он не наблюдал, как умирала его собственная мать, в то время как он ничего не делал.

Он не убийца.

Убийца — я, и никогда не стану кем-то другим, чем-то большим.

Что может быть еще хуже? Я не желаю ничего иного, кроме как отношений с Катей. Я

хочу только обмен властью между Хозяином и рабыней. Я никогда не знал ничего другого. И никогда не узнаю.

Возможно, я смогу купить Катю сейчас, и она сможет научиться любить быть моим котенком. Я позабочусь об этом. Но однажды она захочет большего. Знаю, что захочет. Мне просто нужно будет покончить с этим прежде, чем она осознает.

— Я все-таки не понимаю до сих пор, почему ты позволил ей участвовать? — спрашивает Люциан.

— У нее на шее нет ошейника. У него нет права голоса.

Я скрежещу зубами на незамедлительный комментарий Зандера. Как только последнее слово вылетает у него изо рта, он ловит мой взгляд и, по крайней мере, достаточно вежлив, чтобы выглядеть виноватым.

Люциан бросает на него взгляд, и меня это чертовски бесит. Это тот же взгляд, каким он смотрел на меня. Я заикнулся на женщине, которая отказывается носить мой ошейник. У меня имеются мысли о том, что они думают по поводу ее выхода на сцену.

Первая, что она хочет кого-то другого.

Второе, что это наказание, наложенное на нее, чтобы передать ее кому-то еще на месяц.

Обе ситуации уже происходили раньше между парами в клубе.

Некоторые ежемесячно ходили на аукцион. Доминант покупал своего сабмиссива каждый раз, словно это была игра. Ролевой вид игры. Дорогостоящее удовольствие, если учесть, что торги начинаются с отметки в 500 тысяч. Естественно, все это не относится к моей Кате.

Я обязан этим Госпоже Линн. Не знаю, как я отблагодарю ее, но я это сделаю.

Я тревожусь, но стараюсь оставаться спокойным, пока ожидаю начала в темной комнате на верхнем этаже, в которой имеется сцена. Повсюду меня окружает красный и черный цвет, небольшие круглые столы покрыты чистыми белоснежными скатертями.

Мне это напоминает комнату — бурлеск, где выставляются и демонстрируют себя женщины, решившие продать себя с аукциона.

Я взглянул на брошюру, выданную мне, когда я вошел.

Существуют строгие правила, которые должны неукоснительно соблюдаться как покупателем, так и продавцом, чтобы получить право входа и продолжить членство.

Членство сто тысяч в месяц и разрешение участникам посещать аукционы и пользоваться всеми привилегиями членства.

Все стороны чисты и согласны на сексуальные действия, и должны представить доказательства контроля над рождаемостью.

Стартовая цена на выставленных и приобретаемых на аукционе женщин составляет пятьсот тысяч. Последующий торг ведется с шагом в сто тысяч долларов.

До начала торгов подписывается соглашение о конфиденциальности, и ставятся подписи на документах после покупки.

Любые жесткие ограничения отмечаются на аукционе и будут записаны в индивидуальных контрактах.

Палитра цветов Сабмиссива указывает на ее предпочтения, поэтому, пожалуйста, примите к сведению.

Розовый — Девственница

Кремовый — Установление лимитов/БДСМ девственница

Желтый — Простой бандаж Д/С (*прим. пер. Доминант/Сабмиссив*)

Черный — Карт-бланш

Красный — Боль является предпочтительней С/М (*прим. пер. Садист/Мазохист*)

Нет цвета — 24/7 обмен властью

Покупатели должны соблюдать все правила клуба, или они будут исключены и будут преследоваться по закону. Сабмиссивы также должны подчиняться всем правилам, или покупатели могут применить к ним правовые меры и никакие суммы не будут выплачены.

С принятыми условиями и положениями заинтересованными участниками этого аукциона являются следующие...

Я переворачиваю страницу, и вижу ее. Она первая в списке участниц на сегодня.

Шумное движение у входа в комнату заставляет меня обернуться. Моя кровь стынет в жилах. Джозеф Леви. Он смотрит мне в глаза из-под своей маски, прежде чем занять свое место за пустым столом в другой стороне комнаты.

Через волны густого дыма от сигар, курящих мужчин, мой взгляд устремлен на него. Из всех присутствующих здесь он единственный, кому я думаю, могу сказать о том, что здесь происходит.

Зандер и Люциан знают. Но другие мужчины? Мне абсолютно плевать на них.

Но Джо хочет рабыню. И меня подмывает дать ему понять, почему я позволил ей пойти на аукцион.

Почему я хотел этого и рад, что она приняла предложение Госпожи Линн.

Не знаю точно, что она сказала ей. Но знаю, что я буду владеть моим котенком официально менее чем через час.

Мое сердце бьется бешено в груди, а нервы на пределе. Я просто хочу, чтобы это закончилось.

— Все будет хорошо, — говорит Зандер, кладя лопатку на стол. — Никто не хочет перебежать тебе дорогу.

Он смотрит мне в глаза, но я инстинктивно оглядываюсь на Джо, чьи глаза устремлены на сцену.

Свет становится менее ярким, и комната погружается в полумрак.

Со щелчком прожектор освещает толстые красные шторы. Аукционист, одетый в простой черный костюм и тонкий черный галстук говорит в микрофон:

— Добрый вечер, господа. Да, начнется аукцион.

Занавес медленно открывается, и моя кожа покалывает из-за смешения эмоций.

Мой котенок стоит впереди по центру. Одна на сцене. Софиты освещают ее загорелую кожу. Они настолько ярки, что шрамы не заметны. Отсюда невозможно увидеть, как они расположены на ее плечах. Но я знаю, что они есть.

Катя стоит со сложенными руками на груди, цветовая палитра отсутствует, и ее глаза устремлены вниз.

Мне все еще тяжело дышать, и моя рука сжимает лопатку.

Она пройдет через это. Она действительно сделает этот решительный шаг.

— Мы начинаем торги с пятьсот тысяч долларов, — говорит мужчина, и я молча поднимаю лопатку.

Я готов отдать все свое состояние, чтобы владеть ею. Мне нужен только один шанс.

— Шесть, — раздается голос Джо в комнате, и я сжимаю челюсть.

Мое тело закипает от гнева, когда я чувствую, что глаза каждого мужчины в комнате направлены на меня.

— Шесть сотен, кто даст семь?

Я молча поднимаю лопатку, не доверяя себе произнести сумму вслух.

— Семь, джентльмен в правом углу.

Катя слегка приподнимает голову, и смотрит на меня. Ее глаза широко раскрыты и полны мольбы. Она опускает их вниз, как только Джо выкрикивает «восемь». Она теревит пальцами подол своего черного платья.

Я знаю. Она напугана по многим причинам, и мне ненавистно, что она страдает в очередной раз. Страх перед другим человеком, который может забрать ее.

— Она моя. Девятьсот тысяч, — выплевываю я, вставая со своего места и обозначая свою позицию, чтобы она стала понятной для всех.

— Господа, пожалуйста. Правила должны соблюдаться, — напоминает мне аукционист, но я отказываюсь сидеть.

— Один миллион, — произносит Джо, глядя прямо мне в глаза, а затем возвращает взгляд к Кате.

— На колени, — кричит он, и ее ноги слегка дрожат.

Но она сопротивляется. Она смотрит на него, ее нижняя губа подрагивает. Она чертовски напугана.

— Котенок. Ты преклонишь колени для меня, — уверенно говорю я.

Когда она опускается на колени, преклоняя голову перед всеми, я снова поднимаю лопатку.

— Миллион и сто тысяч, — начинает говорить аукционист, но его прерывает звук отодвигаемого Джо стула, после чего тот вылетает из комнаты. Он проходит мимо нескольких мужчин, явно взбешенный. Но он признал. Ее предпочтения и покорность по отношению ко мне были ясно выказаны.

Шум поднимается в комнате, когда аукционист откашливается и говорит в микрофон:

— Один миллион сто тысяч, раз, — произносит он, но его голосу не хватает энтузиазма, и он даже не дает себе труд оглядеть комнату.

Мои глаза сосредоточены на моем сладком домашнем питомце, покорно склонившейся на ярко освещенном деревянном полу сцены, и держащей взгляд прямо перед собой, сосредоточившись на ткани шпор, зажатых у противоположной стороны сцены.

— Два.

Я наблюдаю, как ее дыхание сбивается, а глаза стекленеют. Она плотно закрывает их, и слезы катятся по ее покрасневшему лицу.

— Продана.

Глава 16

Катя

Меня, не переставая, трясет, пока я сажусь в кресло напротив мадам Линн и Айзека в ее кабинете. Не могу поверить, что я действительно прошла через это. Во мне до сих пор пульсируют волны эндорфинов, которые переполняли мое тело, пока я стояла на сцене перед всеми. Я была так уязвима и одинока.

Я возвращаюсь мыслями к аукциону, пока стараюсь унять дрожь рук. Свет ослеплял, и я едва могла что-либо видеть, но знала, что они находились там, наблюдая за мной. Оценивая

меня. Это пробудило во мне старые воспоминания. Я закрываю глаза, ненавидя вспышку моего темного прошлого.

Мою кожу покалывает, пока я заставляю себя думать о настоящем. Про аукцион и все эмоции, которые тогда наполняли мое тело. Я чуть не упала, мои колени тряслись и подгибались, когда человек в маске начал торговаться с Айзеком, отдавая мне приказ преклонить перед ним колени. Я испугалась, что он перебьет ставку Айзека и заберет меня в качестве собственности только из мести. Но еще больше, чем то, что мужчина в маске мог выиграть, меня страшило, что он мог бы стать для меня ужасным Хозяином, который будет незаслуженно наказывать меня, в первую очередь, за отрицание его. Хотя что-то подсказывает мне, что он не такой. Глаза под маской полны печали. Они излучают что-то такое, знакомое мне, что-то совсем другое.

Но я отказалась ему подчиниться. Он не мой Хозяин. И никогда им не будет. Я бы не дошла с ним до конца контракта. Я бы лучше потеряла деньги, членство. Меня это не волновало. Айзек — мой единственный Хозяин.

Кожаное кресло издает скрип, когда Айзек меняет позу, и мое внимание переключается на его прекрасное лицо. Он смотрит на меня, его взгляд заставляет покалывать мою кожу, расслабляя при этом. Он уже находился здесь, с нетерпением ожидая моего появления, прежде чем я пришла. С тех пор его глаза ни на секунду не покидали мое лицо.

Могу сказать, он желает быстрее покончить с этим и забрать меня домой, что уже хотел сделать в течение нескольких недель. Я практически могу чувствовать желание и возбуждение, исходящее от него. Мой взгляд падает на стопку бумаг, лежащих перед ним. Мой контракт. Правила, написанные черным, крупным, жирным шрифтом, лежат сверху. Уверена, в настоящее время Айзек помнит их назубок. Знаю, черт возьми.

Я перевожу взгляд на Госпожу Линн, пока та что-то еще говорит Айзеку. Они еще какое-то время общаются, но я едва могу дышать, не говоря уже о том, чтобы слушать. Там же перед ней лежит стопка бумаг, которые я еще не подписала. Документы, которые говорят, что я соглашаюсь на лайфстайл 24/7. Я втягиваю в легкие воздух, и осознание того, что все это означает, накрывает меня. Теперь нет пути назад. Я — его.

Он — хороший Хозяин. Я это знаю, но это не помогает мне преодолеть страх, который я испытываю. Айзек забирает меня из Клуба «Х». Я содрогаюсь от мысли, потерять контроль над своей безопасностью и полагаться только на него.

— А что с ее работой? — спрашивает Госпожа Линн, и я фокусируюсь на ее голосе.

Оказывается, все это время она задавала вопросы от моего имени, а я была где-то далеко, вместо того чтобы внимательно слушать, о чем она говорит. Хотя, когда они смотрят на меня, я понимаю, что должна кивнуть и согласиться.

Айзек удерживает на мне свой взгляд, пока отвечает:

— Она будет участвовать во всех общественных мероприятиях и выполнять свои обычные функции. Здесь ничего не изменится.

Госпожа Линн медленно одобритительно кивает.

— Рождество через 10 дней.

— Я прослежу за тем, чтобы она отпраздновала его, как обычно, — говорит Айзек уверенно.

Их слова превращаются в гул на заднем фоне, пока они продолжают обсуждать контракт, а я ловлю себя на том, что возвращаюсь в состояние оцепенения. Я киваю и отвечаю, где нужно, но мысленно вспоминаю мое последнее Рождество. Я поехала домой

после Нового Года, думая, что внимание к праздникам уже сошло на нет. А оказалось, что мама не ставила елку, ожидая меня. Елку все еще не нарядили.

Она это сделала для меня. Ничего не трогала и сделала так, чтобы устроить мне настоящий праздник. Мама никогда не узнает, как это больно. Я не хочу праздника. Я не хочу той жизни, которая была у меня раньше. Не знаю, почему она не понимает, насколько это больно. Все из того прошлого, традиции, которые она так стремится соблюсти, отпраздновав со мной, — все это замарано и являются частью моего прошлого, и я хочу, чтобы они там и остались.

Они все были там: она, остальные члены семьи. Они подготовили красиво упакованные подарки и собрались вместе. Ожидая. Наблюдая. Просто глядя. Мне было ненавистно это. Находясь там перед ними всеми, в то время как я разворачивала подарки, мне пришлось заставить себя улыбаться и притворяться, что я в восторге, а они все смотрели, как будто ждали, что я сломаюсь.

Я делаю резкий вдох. Что-то произнесенное Госпожой Линн возвращает меня в настоящее. Оказывается, я могу также предложить правила и условия. Мне необходимо их озвучить до окончания встречи, а я, в конечном итоге, облажалась.

— Я — начинаю говорить, мой голос хриплый и дребезжащий.

Я ерзаю на месте и смотрю на стол. Он — мой Хозяин. У него должен быть контроль. Но есть одна вещь, которую я не могу сделать.

Я чувствую руку Госпожи Линн под столом, она пытается успокоить меня, нежно поглаживая по бедру, пока я говорю. Я благодарна и чувствую, что мое беспокойство немного отступает. Это Айзек. Я могу сказать ему.

Я облизываю губы, глотаю и снова пытаюсь начать говорить.

— Мне бы хотелось видеть солнечный свет. Пожалуйста, не отнимайте его, — умоляю я его. — Я не могу вернуться во тьму.

Я качаю головой, чувствуя, как холодок пробегает по моему позвоночнику.

— Даже в качестве наказания, пожалуйста.

Айзек наклоняется через стол и кладет передо мной руку ладонью вверх. Я мгновенно хватаю его руку для успокоения, и чтобы показать ему свое послушание.

— Конечно, никто не ограничит тебе доступ к солнечному свету, — уверяет меня Айзек, сжимая мою руку. — Ты нуждаешься в этом. Можешь быть уверена, что я никогда не лишу тебя возможностей. Никогда.

Его слова наполнены такой убежденностью, что трудно ему не поверить. Я немного расслабляюсь, когда мое дыхание становится более размеренным. И я стараюсь напомнить себе, что в качестве моего Хозяина Айзек будет защищать только мои интересы.

Все, что мне нужно сделать, это довериться ему. Он уже имел меня несколько раз, доставляя мне такое удовольствие, что я не думаю, что это было возможно, что это в человеческих силах. Он не собирается причинить мне боль, а он намного больше, чем просто способный Хозяин, что уже продемонстрировал.

Я втягиваю в легкие воздух, чтобы успокоиться, когда Госпожа Линн кладет набор золотых ручек передо мной. Кажется, она одобряет, как проходит данная сессия, ее взгляд теплый и заботливый. Я подозреваю, что ей, должно быть, это приятно, так как она преодолела ряд трудностей, заявившись в приют без предупреждения, чтобы обеспечить Айзеку получение ошейника на мою шею.

— Подпиши здесь, моя дорогая, — призывает она меня с нежностью, ее успокаивающий

голос омывает меня, словно умиротворяющий, целебный бальзам.

— Если ты хочешь воспользоваться этой ночью, и решила ... — начинает она говорить, но Айзек впивается в нее глазами, и впервые он обозлен и не соглашается с ней.

Я качаю головой, не обращая внимания на ее остальные слова, пока беру позолоченную ручку и быстро ставлю подпись на пунктирной линии. Требуется много усилий, чтобы рука не тряслась, пока смесь сильных эмоций бурлит во мне, и я оставляю автограф на бумаге. Страх и тревога присутствуют во мне, но возбуждение перевешивает.

Теперь все официально. Айзек — мой Хозяин на ближайшие тридцать дней.

Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Он будет контролировать все. Каждый. Аспект. Моей. Жизни.

Я принадлежу ему.

— Я думаю, что будет лучше, если сегодня я отправлюсь с Айзеком домой, — произношу я, пытаюсь сдержаться, чтобы страх не завладел моим голосом.

Если я не пойду с ним сейчас, то вечером захочу сбежать. Я это знаю. Не хочу рисковать. Я кладу ручку плашмя на кипу бумаг, глядя на документ со своей подписью.

Я боюсь передать полный контроль над собой, покинуть клубную площадку с Айзеком и направиться в его владения, где буду полностью в его власти. Я в ужасе, и, тем не менее, понимаю, что мне это необходимо. Больше никаких задержек. Просто сделай это. Я продала себя Айзеку, так что теперь вынуждена противостоять своим страхам. Сейчас мне просто необходимо надеть штанишки взрослой девочки и встретиться с ними лицом к лицу.

Госпожа Линн изучает меня долгим взглядом, она смотрит на меня добрым взглядом и забота читается в ее глазах. Я чувствую, что она видит и чувствует мои эмоции, но она не обеспокоена ими. Если бы была, то уже созвала бы собрание. Я понимаю, что она делает это, потому что чувствует, что мне это нужно. Госпожа Линн понимает, что это поможет мне. Через мгновение ее глаза останавливаются на Айзеке, прежде чем она кивает и берет стопку бумаг, в том числе и документ, подписанный мной, и поднимается со своего места. Не говоря ни слова, она тихо выходит из комнаты, оставляя меня наедине с Айзеком.

— Ты в порядке, котенок? — спрашивает Айзек, как только Госпожа Линн уходит, его глубокий голос полон беспокойства.

— Я боюсь, Айзек, — признаюсь я, после того, как некоторое время нервно прикусываю мою нижнюю губу. Я делаю паузу, мое сердце пропускает удар, надеясь, что я уже не нарушаю правил, так как теперь он мой Хозяин официально.

— Могу я все еще называть вас так дальше?

К моему облегчению, Айзек не выглядит сердитым.

— Мы поговорим о правилах, когда вернемся домой, — произносит он, выглядя так, словно его голова занята другими вещами.

Я киваю головой, бессознательно касаясь пальцами шеи, трогая свои шрамы.

— А ошейник? — осмеливаюсь спросить я, мое тело напрягается.

Только одна мысль об этом заставляет мой живот скрутиться от тревоги.

Айзек медлит.

— Когда ты будешь готова, — произносит он, наконец.

Я резко втягиваю воздух в легкие от шока. Я не ожидала, что он так скажет. Совсем.

— Я понимаю, это трудно для тебя, — говорит Айзек, и его глубокий голос полон абсолютной уверенности. — Не бойся. Я буду заботиться обо всех твоих потребностях. Тебе не нужно беспокоиться. Никогда.

Боже, его слова звучат так убедительно. Даже, можно сказать, соблазнительно.

Я закрываю глаза, делая пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться, говоря себе, что смогу сделать это. Когда мгновенье спустя я открываю их, то ощущаю, как слабые нити решимости оплетают мою грудную клетку, пока я восстанавливаю дыхание.

— Я готова.

Молюсь, чтобы завтра я чувствовала то же самое.

Глава 17

Айзек

Я выкручиваю руками кожаный руль моего Porsche Carrera GT. Снаружи чертовски холодно, но у меня в машине работает подогрев сидений, и моя спина потная еще и от нервов. Я смотрю в окно, когда мы подъезжаем к одному из последних уличных фонарей, прежде чем свернуть на подъездную дорожку к моему дому.

Я бросаю взгляд на моего котенка. Она смотрит в окно, нервно сплетя пальцы на коленях. Ее спина прямая, и она выглядит так, словно перестала дышать.

Первое, что Катя сделает, когда мы окажемся дома, — выпьет. От большого бокала совињона она почувствует себя хорошо. Думаю, чтобы занять себя хоть чем-то, я приготовлю фаршированные перцы. Мне нужно отвлечь себя, пока она будет привыкать к своей новой роли и новой среде.

Я не представлял, что она воспримет это так близко к сердцу. Катя полностью изменилась на моих глазах. Уверенность исчезла, и между нами испарилось сексуальное напряжение.

Ей страшно, она молчалива и не произнесла еще ни одного слова, кроме «да». Ее глаза тяжелые от усталости, и лицо, все еще покрасневшее от слез.

Поездка домой проходит в тишине, но я готов изменить ситуацию. Сколько всего я испытываю к ней, и я возбужден. Адреналин течет по моим венам, наполняя меня электрической искрой. Я так долго ждал, чтобы она оказалась здесь. Я готов показать ей, на что она действительно способна. И даже более того, на что способен я.

— Ты любишь готовить? — спрашиваю я ее.

Прошло уже почти две недели с того момента, как мы начали встречаться по вечерам. Но я с трудом узнавал новое о ней, за исключением ее желаний и немного из ее прошлого. Конечно, я знаю гораздо больше, чем она рассказала мне. Но для меня важны и более мелкие детали, и мне необходимо, чтобы она раскрыла их.

— Да, Хозяин, — тихо отвечает она, в ее голосе слышны отголоски страха.

— Ты в этом хороша? — Я поднимаю брови, посылая ей шутливый взгляд, как только замедляю движение автомобиля у знака остановки.

Гул двигателя вибрирует вверх по моей спине и заполняет пространство машины тихим урчанием.

Она открывает рот и почти не мнетса, быстро отвечая:

— Нет.

Я слегка посмеиваюсь.

— Это больше, чем хорошо, котенок.

Ее облегчение от моего ответа очевидно.

— Мне нравится готовить. Хотя, я хочу, чтобы ты помогла мне.

— Да, Хозяин, — произносит она с облегчением, и тональность голоса, которая была у

нее в течение всего дня, меняется.

— Мы пройдемся по правилам и по тому, что от тебя потребуется в доме, в то время пока я буду готовить соус, — с легкостью говорю я, подъезжая к моему дому и сильно сбавляя скорость, когда въезжаю на подъездную дорожку и жду, пока откроется гараж.

У меня приличная коллекция автомобилей. Дорогая, и тщательно отобранная коллекции.

Катя втягивает воздух в легкие, когда входит в мой дом.

Здесь просто. Мне нравится простота и современные чистые линии.

Сам дом похож на хижину, только вместо деревянных брусьев — большие стекла спереди. То, что дом находится на удалении от кого-либо, позволяет мне роскошь — иметь частную жизнь, располагая при этом возможность, показать дом. Весь фасад дома открыт и выходит на глухой лес. Отличное расположение. Я владею десятью акрами земли, на которых располагается дом, поэтому здесь всегда будет так. Тишина, умиротворение и единение с природой.

Мягкое серое небо исчезает, когда я заезжаю в гараж и быстро паркую автомобиль.

— Ну, котенок, выходи и иди посмотреть свой новый дом.

Я снимаю куртку, когда веду ее на открытую кухню. Мне нужно снять запонки, чтобы я смог засучить рукава рубашки. Мне не нравится носить костюм, и я бы предпочел быть в джинсах, но в Клубе «Х» строгий дресс-код. Спасибо, твою мать, мы не будем больше туда ходить.

Кажется, что Катя обдумывает каждый шаг. Она напряжена и чего-то ждет. Может, ожидает, что мое поведение изменится? Я не уверен.

— Присаживайся, — говорю я непринужденно, повернувшись к ней спиной, пока она усаживается на высокий барный стул у гранитного кухонного островка.

— Мне нужно знать твой распорядок дня и твои планы на каждый день в течение следующих тридцати дней, пока ты будешь моей, — продолжаю я говорить, находясь к ней спиной, давая ей возможность освоиться, не беспокоясь о том, что я буду разглядывать ее.

Так и есть. Я впитываю каждое движение, каждый шорох. Под каким углом находится ее тело, и как она подает себя. Но это связано не с той причиной, о которой она думает.

Я не осуждаю ее. Я считываю ее эмоции. И до сих пор все было намного серьезнее, чем я предполагал. Как будто и не бывало последних двух недель.

Я выбираю три помидора из корзинки рядом с раковиной и кладу их на деревянную разделочную доску.

— Начнем с завтрашнего дня.

— У меня есть работа. С семи утра до семи вечера, — она слегка прочищает горло, и я слышу легкий скрип стула от движения под ее весом. — Это все, что у меня по плану.

— А на следующий день?

— То же самое. Каждый день.

— А праздники? — спрашиваю я, в то время как прохожусь ножом по доске, сбрасывая первый помидор, нарезанный кубиками в сторону.

— Ничего. Только работа.

Нож легко рассекает овощ и опускается на разделочную доску. Я жду еще мгновение, зная о том, что мать отправила ей сообщение.

— Ты никуда не приглашена семьей? — спрашиваю я, когда беру полотенце с рабочего

стола и вытираю пальцы.

— Приглашена.

— И? — спрашиваю я, поднимая брови.

Ей повезло, что она не солгала мне.

— И я сказала, что не могу приехать.

— Понятно, а куда ты была приглашена? — уточняю я.

— К родителям, живущим в нескольких часах езды отсюда, — она слегка качает головой, отклоняя приглашение. — Они не ожидают —

— Мы оба будем присутствовать, — говорю я, перебивая ее.

Не знаю, почему я принял решение так быстро. Я пока не решил, стоит ли мне ехать. Но она-то точно поедет, как пить дать. Катя отчаянно нуждается в контакте и личном общении. Из того, что мне известно, все ее друзья — только в онлайн. Я хочу большего для нее.

И это должно начаться с родителей.

Она застывает на стуле, но кивает головой и говорит:

— Да, Хозяин.

— А на Новый год? — спрашиваю я.

— У меня нет планов, и я не была никуда приглашена, — голос ее тих, но четок.

— Тогда мы проведем его вместе, — объявляю я и снова поворачиваюсь к ней спиной, чтобы продолжать нарезать помидоры.

Мгновение спустя я выдыхаю и говорю:

— Ладно, это достаточно просто. Ты найдешь кого-то на те дни, когда у меня выходные.

Она молчит, пока я не оборачиваюсь, чтобы взглянуть через плечо.

— Да, Хозяин.

Я не могу больше выдержать это напряжение. Ей необходимо выпустить пар. Это успокоит ее задницу.

— Котенок, — говорю я, вытирая лезвие ножа и осторожно кладу его, прекращая приготовление ужина. — Иди сюда.

Я смотрю на посуду и кухонный инвентарь, сканируя их глазами, чтобы найти что-то полезное. И, наконец, я останавливаюсь на французской скалке. Она из бледного мрамора и холодная на ощупь, но вполне подойдет.

— Раздевайся, — говорю я ей, пока она стоит слева от меня.

На ней почти нет одежды. В отсутствие пальто, на ней надето прозрачное черное платье с тонкими лямками, заканчивающееся на середине бедра, и кружевные трусики. Она спускает лямки вниз, и тонкий кусок ткани образует блестящую черную лужицу у ее ног. Ее соски мгновенно твердеют. То же происходит и с моим членом.

Я наклоняюсь вперед, беря один из ее бледно-розовых сосков в рот, и сжимаю оба ее запястья в своих руках, когда она пытается стянуть трусики вниз по бедрам.

Она задыхается от моих быстрых движений и подталкивает грудь к моему лицу. Какая хорошая девочка. Я отстраняюсь, позволяя соску выскользнуть изо рта, а затем обвожу языком вокруг другого.

— Отпусти, — приказываю я ей, и в тот же миг она немедленно ослабляет хватку на своем нижнем белье.

Я делаю шаг назад и смотрю на нее.

— Ты прекрасна, Катя.

Она втягивает воздух и ее щеки покрываются легким румянцем, что согревает меня. Это

затрагивает холодную часть моей души, которой я не привык чувствовать. Я избавляюсь от этого ощущения и сосредотачиваясь на деле.

— Ты никогда не будешь носить его снова. Как и любое нижнее белье.

Я зацепляю лямки большим пальцем и легко распускаю ленточки, расположенные по бокам ее стрингов, позволяя им упасть на пол.

Мой член сгорает от желания, когда ее губы раскрываются от шока.

— Твое влагалище и задница всегда должны быть доступны для меня. Легко.

Я провожу средним пальцем вдоль ее нижней губы, и она послушно приоткрывает рот.

— И рот.

Я проскальзываю пальцем в ее горячий рот. Мне не приходится говорить ей о том, чтобы она сосала, она сама жадно охватывает губами мой палец, держа руки по бокам и втягивая щеки. Ее язык поглаживает подушечку моего пальца, в то время как она закрывает глаза и стонет.

Твою мать. Катя так чертовски сексуальна. Она понятия не имеет, что делает со мной.

— Ах, ах, котенок, — предостерегаю я ее, вытаскивая свой палец, и возвращаюсь к рабочему столу.

— У меня есть кое-что, что ты можешь пососать.

Я хватаю скалку, она холодная и гладкая. Ей действительно захочется согреть ее.

На мгновение страх вспыхивает в ее глазах, но я игнорирую его. Я никогда не обижу ее. Не так, как она думает.

— Соси это, — говорю я ей, поднося скалку к губам.

На ней нет никаких ручек, только один гладкий стержень. Она открывает рот немного пошире, сама же скалка не очень широкая.

Я толкаю скалку немного дальше, позволяя взять ей несколько сантиметров, раскачиваю и вынимаю из ее рта.

— Сделай ее горячей, котенок. Соси ее, как будто это мой член.

Левой рукой я кружу по ее киске и награждаю Катю, зажимая клитор и катая его между пальцами.

Она хмурит брови и издает мягкий стон, который я когда-либо слышал, принимая немного больше скалки в рот.

— Ты помнишь, как ты брала меня? — спрашиваю я ее.

Она пытается охватить больше стержня, но я ее останавливаю. Головка скалки тупая и это может причинить боль ее горлу. Я не хочу этого.

— Не надо больше, — останавливаю я ее, тяну назад и отпускаю клитор, чтобы схватить за горло.

Похоть исчезает из ее глаз, когда она понимает, что сделала что-то неправильно.

— Ты берешь только несколько сантиметров. Не жадничай, — говорю я игриво, чтобы уменьшить ее беспокойство.

Она снова закрывает глаза, но я уже подготовил ее.

— Ложись на пол.

Я отшвыриваю ее одежду в сторону, когда она наклоняется и быстро ложится на кафельный пол. Мурашки бегут по ее коже. Думаю, что ей холодно, но я ее разогрею и заведу в кратчайшие сроки.

— Намокни для меня, — говорю я ей, когда приседаю и начинаю тереть ее клитор, а затем следую пальцами вдоль ее киски.

Я чувствую ее губы и горячий вход ее влагалища. Глажу его нежно, в то время как мой член начинает выделять прелякулят. Мои пальцы двигаются медленно, и я наблюдаю, как она пытается оставаться на полу, сопротивляясь естественному желанию двигаться.

— Я не хочу, чтобы ты застыла или молчала, — мой голос выходит резким, но я стараюсь смягчить его. — Никогда не прячься от меня.

Когда ее глаза встречаются с моими, ее губы распахиваются, и она облизывает язычком нижнюю губу, произнося в итоге:

— Да, Хозяин.

Я всовываю в нее два пальца и сгибаю их, поглаживая по шершавой стенке точку G. Она выгибает спину, ее рот открывается с придыханием. Ее пальцы царапают гладкий кафельный пол, как будто она может удержаться за него.

— Я хочу посмотреть, как ты извиваешься от моих прикосновений.

Не занимает много времени, чтобы она стала мокрой. Губки ее киски блестящие и мягкие стоны срываются с ее уст без усилий.

Я встаю, тяжело дыша, и спускаю свои штаны вниз, чтобы достать свой член. Гребаная молния прижала его. Я пару раз глажу его рукой, покрывая его ее возбуждением. Но мне нужно подождать. Пока стою, я хватаю скалку. Она гладкая и узкая. У меня нет никакого намерения использовать ее больше, чем, введя в Катю лишь несколько сантиметров, но этого будет достаточно, чтобы сокрушить ее. И надеюсь, свести с ума.

Я хочу, чтобы она поняла, что ее ожидания ошибочны.

— Притяни колени и подними их вверх так высоко, как сможешь.

Она мгновенно подчиняется, показывая мне всю себя.

Я ввожу стержень в ее влагалище, размазывая ее возбуждение вокруг ануса. Она открывает рот, резко всасывая воздух. Ее сморщенное отверстие сжимается вокруг кончика моего пальца.

Я вытаскиваю скалку и смотрю, как ее тугая киска сжимается. Я дразню ее вход, слегка проталкивая скалку, и затем вытаскиваю ее.

Она хнычет, мягко, сладко и еще более жаждуще.

Я беру еще больше ее соков и втираю их в ее анус, а затем отвожу руку назад и быстро шлепаю ее. Она подпрыгивает, когда моя ладонь жалит ее пышную плоть.

Я не жду, когда она отойдет от шлепка, а проталкиваю скалку, и двигаю ей туда и обратно внутри нее, немного изменив угол, чтобы та терлась о ее переднюю стенку.

Ее голова свешивается набок, когда она стонет. Я средним пальцем, смоченным ее соками, нажимаю на ее заднее отверстие, и она мгновенно выталкивает меня обратно, легко мне открываясь. Я вхожу и выхожу несколько раз, и ее мягкие стоны становятся громче. Ее голова мечется, капельки пота покрывают ее загорелое тело. Мне только жаль, что у меня нет другой руки, чтобы ущипнуть ее за соски.

Вместо этого ей придется подчиниться.

— Поиграй со своими сосками, котенок.

Она тяжело дышит, когда быстро отпускает колени и зажимает руками соски, вытягивая их и выгибая спину. Твою мать! Я вытаскиваю палец из ее попки и скалку из ее влагалища. Она пропитана ее соками. Я дразню ее попку, в то время как мой большой палец дразнит ее клитор.

— Кончай! — кричу я ей, в то время как она сжимается в ответ, сдавливая грудь с такой силой, что оставляет красный след на ней.

Она мгновенно подчиняется моей команде, соки выплескиваются из ее киски и текут вниз по ее бедрам. Отголоски первой волны проходят, и ее тугое тело расслабляется, и я надавливаю скалкой на ее задницу.

Ее рот открывается, образуя идеальную «О», пока я быстро вхожу и выхожу из нее, продлевая ее оргазм.

Моя правая рука все еще двигает скалку в ее заднице, когда я ввожу член в ее киску под углом, и опираюсь рукой на пол, погружаясь глубоко в нее. Заполняя ее.

О, черт. Она чувствуете так хорошо. Каждый раз так ощущается. Я знал, что она создана для меня. Понимал, что она могла испытывать такое же чувство.

Я не даю ей время привыкнуть к моему размеру, вместо этого я толкаюсь бедрами внутрь и наружу, разом в такт движениям скалки в ее заднице, наполняя обе ее дырочки одновременно, а затем оставляя ее почти пустой. Потом я дразню ее немного, двигаясь попеременно.

Ее бедра начинают трястись, пока она лежит на полу, принимая все больше и больше, пока я трахаю ее беспощадно.

— Могу я кончить? — вскрикивает она. — Пожалуйста.

— Кончай!

Ее тело сотрясается и дрожит, пока она кричит от освобождения. Ее голова откинута на пол, волосы в беспорядке разметались вокруг нее, пока ее голова мечется туда-сюда.

Она выглядит совершенно великолепно.

Я наклоняюсь вперед для большего давления, когда она кричит, ее удовольствие звучит приглушенно, пока я двигаю скалкой в ее заднице, в то время как мой член входит и выходит из ее горячего, тугого влагалища.

Я стону в изгиб ее шеи, потом прохожусь зубами вдоль ее челюсти, толкая мой член как можно дальше и жестче, как только могу, пока моя правая рука набирает быстрый темп.

Ее киска такая чертовски тугая и мокрая.

Я ложусь своим телом на ее, отпуская скалку, но оставляя на несколько сантиметров в ее заднице.

— Кончай со мной, — выдыхаю я, толкаясь бедрами все быстрее и быстрее, подстегиваемый чмокающими звуками палки, бьющейся о плитку с каждым жестким толчком в нее. Шлеп, шлеп, шлеп. Все громче и громче. Я теряю контроль, и, находясь между ее ног, меня затягивает похоть, участвуя в гонке за мое освобождение.

Мое тело закипает, и Катя кричит от удовольствия. Ее разгоряченное тело дрожит, ногти впиваются мне в бока.

Мои яйца подтягиваются вверх, покалывание ощущается в основании моего позвоночника, ток проходит через мое тело. Ослепляющее удовольствие парализует меня, и я откидываю голову назад, бурно кончаю так, как я не кончал никогда раньше. Горячая волна за волной заполняет тугую киску Кати.

Я еще несколько раз двигаю бедрами, растягивая наши с ней оргазмы.

У меня занимает какое-то время, чтобы отдышаться. Я медленно поднимаю мое тело и вытаскиваю скалку из ее задницы. Одна ее рука до сих пор удерживает колено, и я нажимаю на ее руку, давая понять, что она может опустить ее.

Катя позволяет руке безвольно упасть на пол, пока она смотрит на меня, ее дыхание неровное, грудь вздымается.

Я пробегаюсь пальцами по ее заднице, а потом и по киске, ища какие-либо признаки

того, что ей больно.

— Как ты себя чувствуешь, Катя? — спрашиваю я.

— Хорошо. Так хорошо.

— Только хорошо? — уточняю я, играя с ней, и выгибаю бровь.

— Я чувствую себя прекрасно, Хозяин. Спасибо.

Улыбка играет на моих губах.

— Хорошая девочка, котенок.

Я целую ее волосы, пока ее тело содрогается от затяжной волны кульминации, когда мой, все еще твердый, член трется о ее клитор.

— Теперь иди и очисти себя, а я пока приготовлю ужин.

Глава 18

Катя

Я вздыхаю, мои бедра еще содрогаются от периодических судорог, в руках и ногах ощущается слабость, в то время как я все еще голая пытаюсь встать на колени на полу столовой. Я вымоталась, но вполне довольная. Способ, каким меня трахал Айзек так основательно, с этой скалкой... даровал мне удовольствие, которое даже перевернуло мой мир. Мои щеки пылают румянцем, еще одна дрожь проносится по моему телу, мои соски, словно галька. Даже сейчас меня все еще сотрясают толчки, которые стремительно угасают, оставляя меня желать большего. Нуждающуюся в большем.

Я испускаю легкий вздох, когда чувствую влагу вокруг моей лодыжки на месте, где находилась моя задница. Не уверена, было ли это мое возбуждение или его сперма, но меня это не заботит.

Звук звона стекла выводит меня из состояния задумчивости, в то время как слабый запах фаршированных перцев и специй по-прежнему наполняет воздух.

Я так переполнена всем. Но хочу большего. Сейчас я чувствую себя голодной до секса и еды. Айзек ставит на обеденный стол передо мной блюдо для десерта и какую-то фруктовую смесь.

Я сижу на стуле справа от моего ужина. Поглощаю пищу не спеша, как только могу, и осторожно, подражая тому, как он аккуратно кладет вилку со своей стороны тарелки. Странно сидеть за столом.

Во время десерта все меняется. Теперь он захотел меня здесь. Возле его кресла и на коленях.

Это хреново, что я предпочитаю такой способ?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он смотрит на меня, уголок его полных губ растягивается от небольшой ухмылки, когда он опускается в резное ореховое кресло во главе стола.

— Не хочешь отведать десерт, Котенок? — спрашивает он.

Не доверяя себе, чтобы дать ответ, я слабо киваю.

Я наблюдаю, как он берет серебряную вилку и нанизывает на нее кусочек клубники вместе с малиной, политые слоем какого-то сладкого крема.

— Открой, — командует он, поднося вилку к моим губам.

Сразу же я раскрываю свои губы и забираю ягоды. Ммм. Я закрываю глаза от удовольствия, когда мои вкусовые рецепторы подвергаются нападению со стороны богатого, сладкого вкуса. Это абсолютно восхитительно.

Айзек смотрит на меня пристально, наслаждаясь тем восторгом, в который привело меня его блюдо.

— Тебе нравится, котенок?

Мягкий стон срывается с моих губ, когда я проглатываю последнюю ягоду, и киваю головой.

— Да, Хозяин.

— Хорошо.

Айзек роняет вилку на стол и проводит пальцем по краю чаши, покрывая их кремом. Затем он подносит пальцы к моим губам.

— Соси, — приказывает он.

Я своим ртом жадно обхватываю их, начинаю посасывать, как будто это его член.

— Посмотри на меня, — приказывает Айзек.

Мои глаза взмываются к нему, пока я продолжаю поглаживать языком по его среднему пальцу, глядя в его красивые зеленые глаза, смакуя сладость вкуса.

— Черт, — стонет Айзек, и я наблюдаю за тем, как он ладонью поправляет свой член в штанах.

Огонь горит в моей сердцевине, и я полна ожидания, надеюсь, что он возьмет меня снова и снова, даст мне еще больше удовольствия, если это каким-либо образом возможно. Я вылизываю все до последней капли крема с пальцев, убеждаясь, что удерживаю его взгляд, и отстраняюсь со звуком щелчка, когда заканчиваю.

Я жду следующую его команду, моя грудь вздымается от желания, сильной необходимости быть использованной им.

Он позволяет мне облизать еще порции с его пальцев, и я осознаю, что так сильно хочу этого, поэтому хватаю его за руку с силой, жадно сосу его пальцы, представляя, что это его член.

Мое сердце замирает, когда Айзек испускает смешок из-за моего поведения.

Черт. Я мгновенно замираю, рассеивается дымка похоти, окружавшая меня, и я моментально избавляюсь от фантазий.

Мне не следовало этого делать. Я опускаю руки на бедра, где они и должны быть. Он не давал мне разрешение взять это под свой контроль. Я понимаю. Я буду хорошей. Это была глупая ошибка.

Я вглядываюсь в его глаза, пока медленно отстраняюсь, его палец дочиستا облизан, я ожидаю его указания или порки, или какого-либо наказания.

Я осознаю.

Я жду немного, мое дыхание становится все резче и резче.

— Простите, Хозяин.

Я слегка прочищаю горло, садясь обратно, упираясь на подушечки пальцев ног, ожидая последствий своего поступка.

— Я не против твоего энтузиазма, котенок. Я разрешаю.

Воздух, я даже не понимаю, что затаила дыхание, покидает мои легкие, и я чувствую, как мое тело слегка расслабляется.

— Ты должна по-настоящему наслаждаться клубникой, котенок, — говорит он, его глубокий голос наполнен весельем.

— Нет, это вы, — говорю я, слова срываются с моих губ без моего согласия.

Я краснею после того, как я произношу их, понимая, что все это правда. Я была так

погружена в то, чтобы угодить ему, что сделала ошибку в моем строгом повиновении. Айзек ничего не говорит, только смотрит на меня, взгляд его зеленых глаз настолько интенсивен, что я вынуждена отвернуться. Я слегка дрожу, так как не помню, чтобы он смотрел на меня так раньше.

— Позволь мне показать тебе твою комнату, котенок, — говорит он, поправляя свой член, когда он встает. — Пойдем, — командует он.

Я быстро поднимаюсь и послушно следую за ним через роскошный дом, принимая все увиденное с какого-то рода благоговейным трепетом. Дом большой, простой и в современном стиле, но при этом элегантный. Мне нравится. Похож на картинку из журнала.

Мы проходим большую комнату, пока идем дальше по коридору, а затем поднимаемся по винтовой лестнице на второй этаж. В широком коридоре темные полы из твердых пород древесины, а также простые черно-белые живописные картины на стене. В конце коридора находятся две большие двойные двери, которые, как я предполагаю, ведут в спальню. Айзек подводит меня к ним и останавливается у одной из дверей, которая ближе к нему.

— Это — твоя комната, — информирует он меня, указывая на дверь, а затем на другую двойную дверь.

— Это — моя. Двери в твою и в мою комнату остаются открытыми все время. Понятно? Я прикусываю нижнюю губу и киваю.

— Да, Хозяин.

Айзек смотрит на меня, его поразительно зеленые глаза вызывают мурашки на моих руках.

— Если я понадобится тебе ночью, ты встаешь на колени у моей постели и зовешь меня по имени, пока я не проснусь. Хотя уверен, что услышу, когда ты войдешь.

Я нахожусь в шоке. Мой старый Хозяин никогда не позволял мне такой свободы. Мне никогда не разрешалось, куда-либо пойти без его согласия или без его присутствия. Никогда. Даже находясь с ним, на мне всегда была цепь, затруднявшая каждый мой шаг и приносившая боль.

Позволяя его словам осесть во мне, Айзек поворачивается и открывает дверь в мою комнату, жестом приглашая меня войти внутрь. Память о цепи, сравнение того, что происходило тогда и сейчас, полностью исчезает, когда дверь быстро открывается, и я вижу, что находится в комнате.

У меня перехватывает дыхание, и мои губы раскрываются от удивления, когда я вхожу в комнату, подталкиваемая Айзеком. Это не то, что я ожидала. Нормальная спальня. Никаких цепей, секс-качель или стеклянного шкафа с игрушками и инструментами для наказания. Просто нормальная комната. Она довольно роскошна с причудливым белым плюшевым ковром в тон с покрывалом на кровати, полосатые стены в белую и серую полоску, шелковые шторы в тончайшую паутинку украшают окна. Их мягкость напоминает мне бабочек. Это так... нормально. Мое дыхание учащается. Я чувствую себя полностью в недоумении. Я смотрю через плечо на Айзека, чувствуя себя немного обманутой. Хотя это моя вина. Я не знаю, чего ожидать от него. Я его рабыня, и это место, где он будет держать меня.

— Ты можешь бродить в этом доме, где захочешь, — говорит Айзек, его глаза, сосредоточены на моем лице, когда я киваю. — Но когда я ложусь спать, хочу, чтобы ты находилась в этой комнате.

— Да, Хозяин.

— Тебе нравится твоя новая комната, котенок? — спрашивает Айзек, все еще глядя на

меня пристально.

Кажется, он ждет, судя по всему, от меня ответа насчет всего этого. И я хочу ответить, но не желаю показаться непослушной. Не хочу говорить ему, что чувствую себя недостойной.

— Мне она нравится, — произношу я и быстро добавляю. — Спасибо.

В некотором смысле, в комнате многое напоминает мне мою гостиную в светлых тонах, которая скрашивает мое настроение. Есть даже маленькие медные птички на концах карнизов, которые я не заметила с первого взгляда. Вся комната просто великолепна. Причудливая и уютная, но при этом просторная и роскошная.

— Если тебе чего-то не хватает, ты даешь мне знать об этом, — говорит Айзек тоном больше похожим на команду, нежели на утверждение.

— Да, Хозяин, — отвечаю я быстро.

Легкая улыбка играет на полных губах Айзека.

— Хорошо.

Он бросает взгляд на серебряные часы «Rolex» у себя на запястье, а затем снова смотрит на меня.

— Уже поздно, пришло время для первого твоего урока.

Холодок пробегает по моей спине от его напряженного взгляда. Волнение. Желание. Похоть.

— Я хочу отшлепать тебя, — сообщает он, медленно закрывая дверь спиной ко мне, его голос низкий и наполнен страстью. — Каждую ночь я хочу, чтобы ты заползала в постель, а твоя задница была бы красной и нежной.

Мое дыхание учащается, пока моя киска начинает болеть и сжиматься вокруг пустоты, и я закрываю глаза, когда образы порки меня заполняют мое сознание, губы распахиваются от желания.

Айзек подходит ближе, и я чуть не падаю на колени, возбужденная его близостью.

— Это напоминание о том, что ты — моя. Твое тело принадлежит мне. Ты понимаешь?

Его голос хриплый и наполнен вожделием.

— Да, Хозяин, — я вздыхаю послушно, дрожа от жара, исходящего от его тела.

— Любую твою дырку я хочу использовать, и ты сделаешь их доступными для меня, — говорит он, тон его глубокого голоса заставляет мой клитор пульсировать. — И ты будешь удовлетворена, когда я кончу.

Если он подразумевает под уроком способ наказания меня с этим грязным разговором, то он, безусловно, достиг успеха. Я едва могу дышать, моя киска болезненная и мокрая.

Его глаза ни на секунду не покидают мое лицо.

— Если я решил, что ты заслужила свое удовольствие, я позабочусь, чтобы ты также кончила. Если нет, то лучше не прикасайся себя.

Его слова вылетают быстро, глаза содержат угрозу. Пока он говорит, то расхаживает по комнате, а я слежу за его действиями.

— Отрицание станет твоим наказанием, и если ты доставишь сама себе удовольствие, то это приведет лишь к порке, которая будет больше, чем просто укус. Ты понимаешь?

— Вы владеете моим удовольствием, Хозяин, — удается произнести мне, находясь, словно в трансе, чувствуя слабость в коленях и желая прекратить мои мучения.

Я хочу, чтобы он использовал мое тело для своего удовольствия. Прямо сейчас.

Довольная усмешка играет на его точеном подбородке.

— Хорошая девочка.

Он садится на край кровати, призывает меня.

— Сегодня вечером я хочу использовать свои руки.

Я послушно заползаю на постель, пока он поглаживает свои колени. Мое дыхание учащается, я опускаю свое тело, располагая его в конце кровати на его коленях, мои бедра упираются в его бедро, и моя задница идеально расположена для порки. Он перемещает свою правую ногу на обе мои и кладет свое предплечье по всей длине моей спины, отодвигая мои волосы в сторону, так что его тяжелая рука лежит поперек моей голой спины.

— Руки за спину и цепи запястья, — приказывает он.

Я делаю так, как он сказал, изо всех сил стараясь оставаться на месте, пока мой клитор пульсирует. Моя щека лежит плашмя на кровати, и я смотрю прямо перед собой в зеркало, расположенное над туалетным столиком на другом конце комнаты.

Я так сильно хочу этого. После его разговора со мной в темноте, решительным образом я жажду его прикосновения.

Взгляд в зеркало заставляет меня еще больше возбуждаться. Айзек до сих пор одет в костюм, его широкие плечи и идеальная фигура излучают силу. Но в его глазах горит такой огонь, пока они бродят по всей длине моего тела, что это заставляет меня почувствовать себя могущественной.

Я смотрю в зеркало, пока он пробегается своими пальцами по моей спине, посылая мурашки по моему телу от нужды и желания.

— Я хочу, чтобы мою руку пощипывало, когда я закончу с тобой.

Его член твердеет подо мной, и я чувствую, как он пульсирует напротив меня. Я заскулила от дразнящих пыток, через которые он заставляет меня пройти.

Айзек кладет руку на мою задницу, опускает губы к моему уху, его проницательные зеленые глаза находят мои в зеркале.

— Я разрешу тебе смотреть сегодня вечером. И если ты будешь хорошей, я позволю тебе покататься на моем лице, а потом трахну тебя свои членом. Но если ты издашь хоть один звук, одно движение, ты не получишь ничего из этого и отправишься в постель сразу после того, как я вотру крем в твою задницу, чтобы ты смогла сидеть завтра.

Я так отчаянно хочу дышать, моргать, двигаться. Но его грязные слова и темные обещания удерживают мой взгляд прямо перед собой запертым в его гипнотическом состоянии.

— Да, Хозяин.

Я считаю шлепки по заднице в своей голове, каждый из которых делает меня все более и более влажной, предвкушая награду за то, что я такая хорошая девочка для него. Мое тело содрогается только после одиннадцатого шлепка, мои бедра все мокрые.

На пятнадцатом слезы начинают течь из уголков моих глаз, а он начинает вводить в меня пальцы, играя с моей киской между ударами.

Двадцать один. Он ускоряется, как я думаю, желая покончить с этим.

Я была такой хорошей девочкой для него.

Он шепчет это, пока трахает меня. Хорошая девочка.

Я отключаюсь в его руках, насыщенная и истощенная, и я думаю... Мне кажется, что он снова шепчет это, когда целует мои волосы, а затем оставляет меня одну в комнате.

Айзек

Я тяжело дышу, слыша слова моей матери и этого жестокого уroda. *Никчемный.*
Она любила использовать это слово.

— *Почему ты не спишь?* — спрашивает она, голос матери плоский и хриплый. Она сидит за маленьким кухонным столом, на ней ничего нет кроме разорванной сорочки и ярко-розового бюстгалтера под ней.

Воспоминания о той жизни, как вспышки проходят перед глазами. Смех и блинчики. Мама готовила. Еще до того, как все изменилось.

Теперь холодильник всегда пуст, и линолеум на полу грязный из-за того, что она делала с этим ублюдком прошлой ночью. Я уберу все после школы. Все будет хорошо. Я могу это исправить.

Ее глаза такие красные, она облокотилась на стол. Я знаю, она под кайфом. Я достаточно взрослый, чтобы знать об этом. Думаю, и моя учительница знает. Миссис Клинцова продолжает задавать мне вопросы. Но я не рассказываю им ничего. Не хочу, чтобы мать попала в беду. Ей просто нужна помощь. Я могу помочь матери. Я люблю ее.

Она должна знать это.

— *Мне ни за что не следовало оставлять тебя. Я знала, что твой отец бросит меня. Я смотрю на мать непонимающе. Отец же умер за границей.*

— *Он же погиб на войне.*

Слова вырываются с моих уст прежде, чем я могу остановить себя, и мне жаль, что я их произнес. Мать отрывается от стола, ночная рубашка рвется, обнажая яркий бюстгалтер под ним. Она бьет меня по лицу, сжимая мои плечи и крича в ухо.

— *Ты похож на него!*

Она продолжает трясти, и я позволяю ей делать это. Ей просто необходимо выбросить это из ее головы. Я знаю, что она страдает. Мне жаль, что я не могу помочь. Слезы катятся по моим щекам, и из-за этого мать становится только злее, но я ничего не могу поделать. Это все так тяжело. Я просто хочу, чтобы та мама вернулась.

Я смотрю в потолок, не двигаясь. Эти воспоминания приходят ко мне довольно часто, и они напоминают мне о том, как я облажался в прошлом, что сделало меня таким, какой я есть теперь. Но я не возражаю против этого. Я вырос, чтобы понять, что могу жить со знанием того, кто я есть на самом деле.

Я не бесполезен для Кати. Я так много могу сделать для нее. Она поверит в меня, отдаст мне контроль, а я дам все, что требуется ей.

Очень важно, что здесь у нее имеется свое личное пространство, место, в котором она чувствует себя как дома. Я знаю, но мне это ненавистно. Я хочу, чтобы она была привязана к моей кровати, чтобы я легко мог взять ее утром.

Я поворачиваюсь на спину, простыни и толстое одеяло тянутся за мной. Тусклый свет луны проникает через щель в занавесках и отбрасывает тени по всему полу моей спальни. Катя хорошо справляется. Она скоро приспособится, и поймет, что это не то, чего она ожидала.

Она думает, будто знает, что значит быть Хозяином, и что требуется от раба... Но она не имеет ни малейшего понятия.

Я едва могу услышать сверчков снаружи дома в то время, как улыбка подкрадывается к

моим губам.

Так же быстро, как она приходит, также быстро и исчезает. Пронзительный крик, доносящийся из ее комнаты, заставляет меня выпрыгнуть из постели.

Мое сердце бешено колотится, а ноги шлепают по деревянному полу, когда я направляюсь к ней.

Ее маленькое тельце скручено под постельным бельем, борясь с ним, когда сдавленный крик вырывается из ее горла.

— Катя! — кричу я, хватая ее одной рукой за бедро, чтобы удержать на месте, а другой — за запястья.

Я все еще держу оба ее запястья над головой, прикладывая чуть большую силу, чем мог предположить изначально.

— Катя, проснись! — кричу я ей так громко, что чувствую проклятую болезненность в горле.

Я полагаю, ей еще хуже. Крики не прекращаются, и она борется еще сильнее.

Слезы текут по ее лицу, хотя глаза плотно закрыты.

Она, может, думает, что это игра, или фантазия воплощается в жизнь. Но для меня это реально. Я знаю, что ей нужен кто-то, кто исцелит ее, и я так сильно хочу быть ее Хозяином. Я желаю забрать все ее страхи, чтобы заменить их болью и удовольствием, в которых она нуждается.

Моя Катя. Мой Котенок.

— Котенок, — я опускаю голову на изгиб ее шеи, в результате чего мое тело становится ближе к ней, и, заставляя ее тем самым, прекратить метаться головой. Я стараюсь удерживать свой голос низким и успокаивающим, пока ее крики превращаются в рыдания.

— Я здесь, котенок, ты в безопасности.

Я прижимаю свое тело к ее, бедро к бедру, и нежно поглаживаю ее по боку.

— Все в порядке. Ты в безопасности. Я здесь, — нежно шепчу я в ее ухо.

Не могу описать ощущение облегчения, гордости и удовлетворения тем, что проходят через меня, когда ее тело оседает и дыхание успокаивается. Она перестает бороться, и ее страх исчезает. Чувство сопричастности и достоинства. Я целую ее шею, мои приоткрытые губы скользят по ее коже, прокладывая дорожку из поцелуев, что вызывает мурашки на ее коже.

— Ты в порядке. Ты в безопасности. Ты со мной.

Я почти готов сказать «*Твоим Хозяином*». Я почти произношу эти слова, которые как я знаю, являются правдой. Но не для нее. Пока нет.

Моя решимость укрепляется, когда я отстраняюсь от нее и осторожно провожу большим пальцем вдоль ее челюсти, вытирая остатки слез.

Мой бедный котенок.

Ее глаза медленно открываются, печаль и разочарование ярко светятся в них, это заметно даже при тусклом свете в комнате.

— Я, — начинает она говорить, но я прижимаю палец к губам.

— Пойдем, котенок. Я хочу, чтобы ты была в моей комнате со мной, — говорю я с легкостью в голосе, поднимая ее маленькое тело на руки и, осторожно балансирую с ней, когда поднимаюсь с кровати, быстро направляюсь в свою комнату.

Катя прижимается головой под моим подбородком, ее руки обхватывают мою шею. Она утыкается своим лицом в мою грудь, и я понимаю, что сейчас ей очень стыдно.

— Простите, Хозяин, — шепчет она, когда я опускаю ее на кровать.

— Почему ты извиняешься?

— Это моя вина.

— Почему это? — спрашиваю я ее, ненавидя, что она будет считать, будто ночные кошмары — это то, за что ей нужно извиняться.

— Обычно я использую одеяло. Я привезла его с собой, но так устала. Это моя лень, Хозяин. Мне очень жаль, — ее голос ослабевает. — Я не буду больше так делать.

— Одеяло? — спрашиваю я ее.

Этот факт вызывает у меня интерес. Она никогда не упоминала про одеяло.

— Мне нравится ощущать на лодыжке вес, когда я сплю.

Мне требуется время, чтобы осознать, что она имеет в виду.

— Как оковы.

Моя кровь стынет в жилах, и я притягиваю ее ближе к себе. Мой бедный котенок.

— Да, мне жаль —

Я обрываю ее прежде, чем она еще раз извиниться. Она не должна этого делать.

— Ты — моя ответственность, так что это моя вина. Не твоя.

Ее дыхание замирает и тело напрягается.

— Сегодня ты ночуешь здесь, а завтра я все исправлю.

Я нежно целую ее волосы, пытаюсь совладать со своим голосом. Пытаюсь смягчить тон, когда говорю:

— Спи, котенок.

Она смотрит на меня своими большими глазами с легким удивлением и недоверием. Она такая бледная, и глядя на нее, еще раз со всей очевидностью чувствую, что она может видеть меня насквозь. Она облизывает губы и кладет голову на мое предплечье, но не закрывает глаза.

Через мгновение она наклоняет свое тело немного, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Зачем вы это делаете? — спрашивает она меня тихо. — Хозяин?

Она использует мой титул в конце, но мы оба знаем, что ей не следовало этого делать. Она должна была начать с него. Катя на мгновение выглядит испуганной из-за того, что позволила задать вопрос без уважительного обращения ко мне, но у меня нет сил, беспокоиться об этом.

Моя голова идет кругом от только что высказанного ей откровения, и о том, какое решение этой проблемы необходимо найти.

— Почему я хочу быть Хозяином? — спрашиваю я ее.

— Зачем вы пытаетесь помочь мне?

Она до сих пор не понимает, что моя обязанность как ее Хозяина, помочь ей. Ее благополучие во всех отношениях — это моя ответственность. Комната наполняется мягкими звуками нашего дыхания, трещанием сверчков и другими приглушенными звуками ночи.

Почему я хочу быть Хозяином?

Я много думал об этом на протяжении многих лет. Особенно когда ночи холодны, одиноки и пусты, быстрый трах не представляет никакого интереса. У меня нет ответа, но я хочу ее.

— Когда я был моложе, я очень старался помочь кое-кому.

Мое сердце болит, когда я вспоминаю свою молодость. Когда я впервые почувствовал

себя нужным, но с таким треском провалился.

— Это лишь принесло мне боль, когда я попытался помочь ей. Она ранила меня. Я сдался, и перестал пытаться, но я все еще хотел любить ее.

Я полагаю, что люблю ее. Не думаю, что когда-либо прекращал. Как можно перестать любить свою мать? Я был всего лишь ребенком. Считаю, что это заложено в нашей ДНК, прощать и продолжать их любить.

Катя перемещает свою маленькую ладошку от моей груди, потирая ее и кладя под голову. Я провожу пальцем по ее щеке, продолжая свой рассказ.

— Однажды она нуждалась во мне очень сильно, — я делаю глубокий вдох, воспоминания о той ночи проносятся перед моими глазами. — Но я не помог.

— Так теперь ты пытаешься помочь другим?

— Нет, — отвечаю я быстро.

Я не делаю этого, не по-настоящему. Я не интересуюсь многими людьми. Но что-то в Кате зацепило меня. И это что-то заставляет меня быть ближе к ней, желая дать ей все больше и больше.

— Ох, я не понимаю.

Я фыркаю в ответ, так как тоже не понимаю. Я просто размышлял вслух. Даже не знаю, почему ничего не сказал.

— Кто она?

— Моя мать, — отвечаю я просто.

— Что случилось? — спрашивает она, и я пробегаюсь рукой вниз по моему лицу. Образ матери, лежащей холодной и мертвой на полу, не дает мне покоя в этот момент.

— Давай спать, котенок.

Мне не следовало ничего говорить. Я слегка качаю головой. Никто из моего прошлого ничего не значит для меня. Это не имеет никакого отношения к Кате и ее ночным кошмарам. Изнеможение от этого дня затуманивает мой рассудок.

— Я просто... — Катя начинает что-то говорить, но ее голос затихает.

Беспокойство слышится в ее голосе. Его не должно быть вообще.

Мне не следовало открывать мой чертов рот. Я сожалею о своих словах.

— Разговор окончен. Я — Хозяин, потому что это доставляет мне удовольствие, — мой голос тверд, и она должна более чем понять, что я подразумеваю, говоря это. — Конец разговору.

— Но — Катя начинает спрашивать меня, стремление узнать больше слышится в ее голосе.

Она не использует мой титул, и мне плевать на это. Мой котенок — игривый, любопытный, желающий угодить мне и узнать обо мне больше. Но она должна понять.

Я сжимаю ее бедро одной рукой и переворачиваю ее с силой на спину, прижимая свое тело к ее, сжимая ее запястья над ее головой.

Она задыхается из-за силы и моего грубого удержания ее.

— Ты задала мне вопрос? — спрашиваю я, мои глаза сужаются, мой голос низкий и полон угрозы.

— Простите, Хозяин, — быстро выпаливает она, голос полон страха.

Ее тело напряжено и неподвижно.

— Сожалеешь. Ты. Задала. Мне. Вопрос? — повторяю я громче, мой член твердеет только от ощущения ее мягкого тела под моим.

— Да, и мне очень жаль, Хозяин.

Ее светло-голубые глаза говорят мне обо всем. Она действительно раскаивается. Но Катя должна быть наказана.

— На колени, — шиплю я на сгибе ее шеи, и своим жарким дыханием посылаю мурашки по ее телу.

Я отпускаю ее и сажаю у носочков своих стоп, ожидая, пока она займет позицию. Она такая быстрая и послушная.

Я наклоняюсь к тумбочке и включаю свет. Уверен, что ее киска и задница болят. Когда я нажимаю на нее и располагаюсь позади, то нежно прикасаюсь рукой к ее попке. Ее верхняя часть бедер практически нетронута, что открывает возможности, хотя у меня нет крема в этой комнате и последующего ухода.

Черт побери. Я сжимаю челюсть. Терпеть не могу быть в чем-то ограниченным. Я раздвигаю ее половые губы, какая красная и опухшая у нее киска.

Отрицание.

— Ты не кончишь, слышишь меня?

— Да. Хозяин, — говорит она, ее голос чистый, но низкий и полон агонии.

— Это мягкое наказание. Не дави на меня снова.

— Не буду. Хозяин.

Я толкаю свои пальца в ее тугое влагалище и начинаю поглаживать ее точку G, прежде чем она будет в состоянии кончить. Я быстр и груб. Наблюдаю, как ее тело двигается примерно со скоростью моих пальцев, трахающих ее.

Ее мягкие стоны и дрожание бедер заставляют меня хотеть трахнуть ее больше. Но это наказание. Не награда.

Как только ее киска напрягается, и верхняя часть тела смещается и начинает ерзать, стараясь избежать неизбежного, я понимаю, что она уже близка. Когда я отстраняюсь от нее, Катя шепотом умоляет меня:

— Хозяин.

Я наблюдаю, как она остается на четвереньках, позволяя интенсивности надвигающегося оргазма исчезнуть. Ее глаза плотно закрыты, и ее дыхание становится суетным.

Я мог бы проделывать это часами, но я, к чертям собачьим, не хочу.

Я тверд, как камень, и я раздражен. Я игнорирую свои потребности. Мы оба будем страдать.

— Спи, котенок, — говорю я категорично, лежа на спине, и протягивая ей руку.

Она прижимается ко мне, и я целую ее волосы. Ненавижу, что я оставляю ее в таком состоянии, но она должна быть наказана.

Даже после того, как она крепко засыпает и находится в безопасности в моих руках, я бодрствую, задаваясь вопросом, способен ли я быть для нее достаточно хорошим Хозяином.

Глава 20

Катя

Я душу зевок, когда опускаюсь на мягкий стул на уголке большой шефской кухни Айзека, где насыщенный аромат кофе смешивается с запахом бекона, яиц, сосисок и блинчиков. Мое сердце замирает, когда я смотрю через большие окна на рассвет, поражаясь потрясающим видом на безупречный ландшафт сада. Собственность Айзека поистине

великолепна, и золотистый ореол от утреннего солнца делает его выглядящим достойным сцен с живописных открыток. Это далеко от того ада, в котором я жила у последнего Хозяина.

Я слегка качаю головой, сморщив лоб, чувствуя, что все это не может быть реальным. Вместо рабыни я ощущаю себя больше избалованным питомцем. Как будто я, на самом деле, его настоящий котенок. Более того, в наших отношениях происходят перемены. Прошлой ночью что-то изменилось. Прошел только один день, а я уже чувствую, что видела сторону Айзека, которую, уверена, он не открывал никому. Я даже не знаю, что с этим делать.

— Ты должна что-нибудь поесть, котенок, — говорит Айзек, мой взгляд обращается к нему, стоящему у кофемашины. Он перестает производить манипуляции с несколькими сковородками, находящимися на плите, чтобы положить сахар в чашку свежего кофе. Длинная серебряная ложка звенит об керамическую кружку, пока я смотрю, как он размешивает.

Мое сердце снова подпрыгивает в груди при виде его. Боже, он такой чертовски сексуальный. Точно таким, каким Айзеку всегда и следует быть. Он без рубашки, его накаченный пресс находится на обозрении, и его черные пижамные брюки низко сидят на его точеных бедрах, демонстрируя его совершенный V-образный силуэт мышц, и облегают его большой член. От этого зрелища мой рот наполняется слюной от необходимости. Он без боксеров, и я только и жду, что его член нечаянно выскользнет в щель его штанов.

Айзек заканчивает помещивать кофе, облизывая остатки с ложки, и направляется к столу, ставя чашку передо мной.

— Я знаю, что ты обычно пропускаешь завтрак, но я хочу, чтобы ты ела, когда со мной. Я не завтракаю в одиночестве. Ты поняла?

Трудно сосредоточиться на его словах, когда в моей голове засел образ штанов с его членом, и, я клянусь, что он у него полу эрегированный. Я практически вижу вены на его члене.

— Посмотри на меня, — приказывает Айзек.

Я сглатываю от внезапной сухости во рту и смотрю в его потрясающие зеленые глаза.

— Ты будешь есть, — говорит он, как утверждение, как факт.

Я не голодна. Я не завтракаю, и он это знает, но мне следует исполнять его приказы.

— Да, Хозяин, — говорю я, стараясь сосредоточить взгляд на нем.

Пока он смотрит на меня, словно хочет съесть, мне трудно сосредоточиться. Это не похоже на то, как я думала, будет все происходить.

Я затягиваю розовый просвечивающий шелковый халат потуже на груди. Он и так обтягивает мои изгибы. Более того контуры моей груди и затвердевшие соски отчетливо видны, как заметны и контуры моего холмика, когда я иду. Он сказал, что хочет, чтобы я носила его каждое утро, и чтобы я была доступной для него, когда ему вздумается. Я дрожу, вспоминая его слова о том, что он хочет киску доступную для него в любое время.

— Хорошо.

Импульс счастья проходит через меня, когда он отворачивается и возвращается к готовке к плите, к сковородкам. Я не представляла, что можно было так легко угодить ему. Я верчу в руках подол халата и делаю небольшой глоток вкусного горячего кофе. Я понятия не имела, во что ввязываюсь.

Я нахожу утешение, глядя на его спину, восхищаясь каждой волной его мышц, контурами его мускулистого тела, его точеным задом. Мои пальцы зудят от желания

прикоснуться к маленьким ямочкам на его поясице. Я все еще не могу смириться с тем, что он готовит завтрак для меня и наливает кофе. Это я должна прислуживать ему в качестве его рабыни. Мой прежний Хозяин никогда не делал для меня ничего подобного, ему никогда не было дела, ела ли я вообще. Это отношение не похоже на то, что я себе представляла, и я должна напоминать себе, что Айзек — мой Хозяин. В данный момент я почему-то не полностью чувствую, что он такой, и полагаю, что даже у избалованных домашних питомцев имеются Хозяева.

Я наблюдаю за тем, как мышцы перекатываются на его спине от каждого движения, когда он ловко переворачивает бекон, делает омлет и переворачивает блинчики в сковороде. Я сижу на мягком сиденье, и мой разум возвращается к предыдущей ночи. К тому, о чем он рассказал мне. Боже, мое сердце болит за него.

Как я могла не понять этого? Я была настолько заиклена на себе и на своем прошлом, что ни разу не задумалась, что Айзеку тоже может быть больно. Что ему может понадобиться помощь, так же как и мне. Я чувствовала себя ужасно, пока он держал меня в своих руках, утешая и пытаясь заставить забыть о моих ночных кошмарах, когда стало ясно, что он тоже нуждается в этом же. Когда он рассказал мне о своей матери, все встало на свои места. Вокруг него была тьма с того момента, как я встретила его, печаль, которую я пропустила, так как была слишком поглощена своими проблемами.

Я рассеяно подношу чашку кофе к губам и делаю глоток, наслаждаясь насыщенным вкусом.

— Сегодня ты можешь сходить на работу, — говорит Айзек, возвращая меня в настоящее, и я поднимаю взгляд обратно к нему, — но на остальной части недели ты договоришься, чтобы тебя кто-то заменил. Я отвел какое-то время на твое обучение, — заканчивает он, пока выкладывает несколько блинчиков аккуратной стопкой на большую тарелку.

Я раскрываю губы, чтобы возразить, но затем закрываю их. Мои собаки — мое все, и мне не хотелось бы нарушать их обычный режим, к которому они уже привыкли. И собаки в высшей степени чувствительны к привычному распорядку. Если я не приду в течение нескольких дней подряд, то, я более чем уверена, некоторые из них будут беспокоиться. Мы — стая, и я должна быть там. Мысль о том, что я могу нарушить их режим, исполняя требования Айзека, огорчает меня, но я подписала контракт. Мне придется подчиняться его правилам. Он владеет мной.

— Да, Хозяин, — отвечаю я покорно, надеясь, что он не заметит мою нерешительность, и молюсь, чтобы собаки меня простили.

Если он и замечает, то ничего не говорит.

— Хорошо, — произносит Айзек, наполовину повернувшись ко мне, пока продолжает возиться с яйцами. У меня и так хватает функций, которые я выполняю лично.

— Хозяин? — спрашиваю я.

— Да?

— Могу ли я немного поработать на моем ноутбуке отсюда?

— Да, когда у тебя будет время, то можешь.

— Спасибо, Хозяин.

Хорошо хоть, что это не вызывает никаких проблем с моей работой. С этим достаточно легко справиться. Мой ноутбук все еще открыт на кухонном столе. Айзек хотел, чтобы я

продолжила утро, совершая свои ежедневные действия. А это означает кофе и проверку моих сообщений. Я неловко чувствую себя из-за того, что захожу в мою группу поддержки, а он находится здесь, рядом в комнате, но в то же время понимаю, что ему следует знать. Кирстен отправила мне вчера множество сообщений, но я была не в состоянии ответить на них до раннего утра. Я рассказала ей все про мой договор с Айзеком, и она захотела знать все подробности моих отношений с ним. Я достаю ноутбук, кладу на колени и жму на клавишу пробел, чтобы тот вышел из режима сна.

Я открываю экран, чтобы обнаружить, что Кирстен уже онлайн и ответила лишь несколько минут назад.

Дорогаядевочка86: Какой он?

Я нервно грызу мои ногти. Одновременно мне ненавистно и в то же время мне нравится, что я буду говорить об Айзеке, когда он находится в комнате. Он мог бы спокойно подойти и посмотреть.

Мои руки зависли над клавиатурой, и я думаю пару мгновений, задаваясь вопросом, следует ли мне рассказать ей. Правда заключается в том, что эти отношения и близко не напоминают те истинные отношения, которые, как я думаю, должны быть между Хозяином и рабом. Пока Айзек продолжает требовать, у меня все же имеется больше свободы, чем я думала должна быть у раба, и его доброта полностью выбивает меня из колеи.

Китти93: Это не то, что я ожидала.

Я жду лишь полсекунды, прежде чем слышу звук оповещения.

Дорогаядевочка86: что ты имеешь в виду?

Я украдкой поглядываю на Айзека, он почти приготовил завтрак, укладывает бекон на одну тарелку, а яйца на другую. Я прикусываю нижнюю губу, размышляя, как лучше ответить на ее вопрос.

Китти93: Он слишком хороший.

Дерьмо. Я чувствую себя ужасно после ввода этого текста, но я должна была сказать это. Вот почему все это чувствуется таким неправильным для меня.

Дорогаядевочка86: Слишком милый? Это хорошо или плохо?

Я делаю глоток кофе, глядя на экран и не зная наверняка, было бы нормальным рассказать ей о том, что случилось ранее этим утром. Это то, что является весьма неопределенным. Одно дело рассказать о покупке на аукционе, ведь речь не идет о предоставлении конкретных имен или сценариев. А совсем другое, разглашать что-то настолько личное. Плюс я не хочу нарушать соглашение о неразглашении, которое я подписала.

Китти93: В некотором роде это хорошо, в другом — плохо. Но я только узнаю, в чем он действительно нуждается.

Дорогаядевочка86: Прошел только один день, Кэт. Дай ему время.

Китти93: Дам.

Чувствуя себя виноватой, я закрываю ноутбук и ставлю его на подоконник, в то время как Айзек выставляет завтрак на стол, расставляя тарелки с приготовленной пищей.

— Все в порядке, котенок? — спрашивает Айзек, когда садится напротив меня.

— Да, — отвечаю я ему, сверкая улыбкой, которая, как я надеюсь, не передает мою нервозность. — Просто поболтала в чате с подружкой, которая хотела узнать, как у меня дела.

— Как зовут твою подругу? — спрашивает Айзек, беря нож для масла.

— Кирстен, — признаюсь я.

Айзек намазывает масло на каждый слой блинчика.

— Коллега, я полагаю?

Я качаю головой.

— Она — онлайн подруга, которую я встретила в группе поддержки на форуме. Я никогда не встречалась с ней ранее, хотя она хороший человек.

Надеюсь, что он не будет спрашивать меня о ее прошлом. Честно говоря, мне особо нечего сказать, даже если он будет настаивать, чтобы я поделилась с ним информацией о ней.

Айзек берет вилку после того, как поливает блинчики рекой сиропа и режет его на кусочки.

— Понятно.

Я удивлена, что Айзек не задает вопросов о прошлом Кирстен дальше. Я думала, что он был бы очень заинтересован узнать о динамике моих отношений с Кирстен, и захочет контролировать мое взаимодействие с ней.

Я поднимаю вилку и подцепляю небольшой кусочек яйца, но не могу поднести его к своим губам. Вместо этого я смотрю, как Айзек ест блинчики. Я не знаю, какую игру он затеял сейчас. Я чувствую себя настолько потерянной, и что мне здесь не место.

Айзек заглатывает блинчики в рот и жестом показывает на мою нетронутую тарелку.

— Ешь, — командует он. — Не заставляй меня повторять.

— Да, Хозяин, — отвечаю я сразу же.

Я беру вилку и могу проглотить только несколько кусочков яйца, прежде чем вынуждена опустить ее снова вниз. У меня нет аппетита, и я не могу избавиться от мысли, насколько же больше я хочу узнать об Айзеке.

— Хозяин, могу ли я помыть вас? — осмеливаюсь я спросить.

Айзек отрывает взгляд от своей тарелки и смотрит на меня в некотором изумлении, выгибая свои скульптурные брови.

— В душе я имею в виду, — тараторю я, мое сердце бешено бьется.

Я хочу дать ему больше себя. Помочь ему так же, как он пытается помочь мне. Пожалуйста, не отказывай мне.

Айзек качает головой, разочарование наполняет меня.

— Не сегодня утром, нет. Я должен уехать после завтрака.

Я стараюсь скрыть боль, которая мелькает в моих глазах, но он замечает ее и откладывает вилку, отодвигает свою тарелку подальше от себя.

Он отодвигает стремглав свой стул от стола.

— Сядь ко мне на колени, котенок.

Я быстро откликаюсь на его предложение.

— Сегодня, — Айзек обещает, когда его взгляд, наполненный похотью, обращается ко мне. — Сегодня вечером я позволю тебе помыть меня, ... если ты будешь хорошо себя вести.

По крайней мере, это что-то.

— Спасибо, Хозяин.

Глава 21

Айзек

Я поставил небольшой подарочный мешочек на полку в ванной, шелковые ручки которого мягко спадают на одну сторону, когда пар наполняет комнату. Я не уверен, сработает ли это, но надеюсь, что да. Этот браслет тяжел, толщиной в пять сантиметров и усыпан кристаллами Swarovski. Я мог бы достать браслет инкрустированный бриллиантами, если бы планировал оставить ее здесь, но это не так.

Сегодня у меня была парочка дел, и они прошли успешно в каком-то смысле. Хотя относительно второго я чувствую себя обманутым. Первым — было достать браслет. Это оказалось достаточно легко. Второе дело — встреча с моими контактами, глубоко увязшими в том мире, частью которого когда-то была Катя. Когда она убила Карвера Дарио, то запустила тем самым цепную реакцию событий. Его территория и связи оказались уязвимыми после его смерти, после него остались два соперника, борющихся за его территорию. Его картель оказался полностью разрушен. Остальные мужчины из ее прошлого — Мастер О и Хавьер Пинзан — мертвы. Мне это чертовски ненавистно. Я должен был знать наверняка, и стоматологические записи подтвердили это.

Я хотел убить их для нее. Я желал, чтобы они по-настоящему страдали за то, что сделали с ней. Все до последнего.

Теперь они все мертвы, но я не знаю, как ей сообщить об этом. Хуже того, я не знаю, следует ли ей такое знать. Не уверен, как это может сказаться на ней. Мне нужно дождаться подходящего момента.

Легкие, ритмичные звуки босых ног, шлепающих в ванную комнату, заставляют меня повернуться лицом к открытой двери. Хотя в комнате жарко, и она наполнена паром от льющегося душа с горячей водой, ее соски затвердевшие. Пока мои глаза путешествуют вниз по ее телу, она по-прежнему держит руки по швам, хотя Катя беспокойно шевелит пальцами, передавая тем самым свое внутренне беспокойство.

Я знаю, что она не могла бы придумать ничего лучшего, чем захотеть прикрыть себя. Я просто не уверен, какую именно часть тела она испытывает потребность скрыть от меня. Однажды я уже обходил ее кругом, показывая тем самым очевидность, что оцениваю ее. Сейчас мои шаги медленны и неторопливы.

Я смотрю на ее лицо, пока не встаю неподалеку от нее. Глаза Кати закрыты в течение некоторого времени, пока она не слышит мои шаги прямо перед собой. Эти мягкие светлоголубые глаза глядят прямо вперед, а потом она украдкой бросает взгляд на мое лицо. Я позволяю своим глазам медленно опускаться, ожидая реакции.

Пока я сосредотачиваюсь на ее тонких плечах, тело Кати напрягается. И у меня имеется ответ.

Ее шрамы.

— Ты прекрасна, Катя, — говорю я спокойно, расстегивая свои брюки, а мои глаза все еще сконцентрированы на ее теле. — Каждый сантиметр тебя.

— Спасибо, Хозяин.

Моих слов недостаточно. Но я докажу ей, что я знаю, что говорю. Она увидит свою красоту. И если она терпеть не может свои шрамы, то я избавлюсь от них.

Я не позволю ей думать, что она не что иное, как прекраснейшее создание.

— Иди в душ.

Я спускаю брюки вниз и следую за ней на другую сторону просторной ванной комнаты.

Речной камень на полу большой душевой поднимается вверх по стене. Дождевая насадка и три боковых струи выдают пар полным ходом.

Пышные губы Кати распахиваются, когда она шагает под теплые струи. Ее кожа розовеет, волосы становятся темнее из-за воды, которая льется по ее губам, плечам, груди.

Она чертовски великолепна. Катя позволяет себе только момент, прежде чем открывает глаза и поворачивается ко мне лицом, ожидая следующей моей команды.

Я позволяю ей стоять под душем, пока открываю бутылочку с гелем с ароматом лаванды и ванили и выливаю его в ладонь. Я медленно взбиваю пену, думая о том, какую часть ее тела я хочу помыть в первую очередь.

— Раздвинь ноги, — говорю я Кате и практически выдыхаю команду, но она мгновенно подчиняется.

Я присаживаюсь на корточки, вода льется по моей спине, пока я массирую ей икры и прокладываю путь вверх по ее телу. Я продолжаю двигаться медленными, успокаивающими кругами. По мере подъема меня и моих пальцев на сантиметры ближе к внутренней стороне ее бедер, она закрывает глаза, едва не падая назад, и тянется, чтобы не упасть, ухватившись за мои плечи.

Она почти отрывает свои руки от меня, как только снова выпрямляется, но я держу ее за руку и смотрю в ее глаза, когда целую ее чуть выше запястья.

— Не шевелись.

Ее дыхание становится быстрым, она кивает головой и говорит:

— Да, Хозяин.

Я продолжаю свой уход за ней, нанося мыльную пену на ее тело, слегка дразня ее половые губы и ухмыляясь, когда ее глаза наполняются теплом и вождением. Она не двигается, пока я массирую ее попку с большой осторожностью, убеждаясь, что та хорошо заживает в том состоянии, в котором она находится сейчас. Я посасываю ее соски, мой член жесткий и давит на ее мягкие изгибы. Но лишь на мгновение. Я просто хочу видеть их, покрасневшие от моего прикосновения.

— Ополоснись, а затем встань на колени, — даю я ей команду, в то время как наливаю шампунь в руку.

Я втираю шампунь ей в кожу головы, в то время как мой член трется о ее губы.

Поддразнивает. Ее губы медленно приоткрываются, ее язык касается головки моего члена, пока я немного двигаюсь.

Я не должен позволять ей дразнить себя. Но мне это чертовски нравится.

— Наклонись назад.

Она делает, как я прошу, и вода смывает шампунь с ее волос. Я запускаю пальцы в ее густые светлые локоны.

То же самое я проделываю с кондиционером, но позволяю войти своему члену чуть больше в тепло ее рта. Она обхватывает губами головку моего члена и нежно сосет, дрожь от нужды проходит через мое тело, когда ее мягкий язычок проходит по всей моей длине, сопровождаемый мягкими вибрациями ее стона.

Когда я слегка тяну ее за волосы назад, она отпускает меня, чтобы я смыл кондиционер с ее волос, и наши взгляды встречаются.

— Твоя очередь, котенок, — говорю я, потянувшись рукой вниз, чтобы помочь ей встать со своего места.

Она не торопится, беря с полки жесткое мыло для пиллинга и глядя на мое тело.

Она возбуждена, но к задаче относится серьезно. Она мылит руки, взбивая пену, прежде чем начинает нежно ласкать мое тело.

Я закрываю глаза, наслаждаясь сильными движениями ее маленьких рук.

Она встает на цыпочки, когда работает своими ручками на моих плечах, а затем перемещает их вниз по моей спине и по заднице. Мне приходится улыбнуться, когда она стесняется двигаться ниже.

Она встает передо мной, ее глаза сосредоточены на моем каменном члене, и она быстро пенит руки, и переносит их на мой накаченный пресс. Желание отражается в ее глазах, что заставляет меня хотеть взять ее у стены душа прямо сейчас, но я все еще стою.

Она опускается вниз, круговые движения рук становятся все меньше и меньше, пока Катя не обвивает руками мой член.

Я позволяю ей погладить себя несколько раз, так как мне нравится ощущать такое.

— Достаточно, — говорю я, предостерегая ее.

Ее глаза устремляются к моим, и она замирает, но кивает головой и продолжает мыть мои ноги.

Мне нравится то, что Катя испытывает желание и при этом послушна. И она очень скоро будет вознаграждена за это.

Не занимает много времени полностью вымыться, и я, наконец, могу выключить воду.

Я хватаю полотенце с подогреваемой скамьи и вытираю Катю насухо в кабинке, открываю стеклянную дверь, чтобы впустить прохладный воздух.

Удовлетворенный ее участием я быстро вытираю себя, беру ее за руку и веду к передней части раковины.

Не говоря ни слова, я надеваю цепочку на нее, целую ее шею, а затем прицепляю поводок с зажимом внизу и закрепляю его на ее клиторе. Он прикреплен достаточно крепко, чтобы стимулировать и удерживаться на месте, но не так сильно, чтобы причинить какую-либо боль.

Я дергаю его осторожно снаружи ее живота, наблюдая за удовольствием, появляющимся на ее лице, когда цепь на ее шее отрывается от нее, тихо звеня, а затем тянет ее клитор, посылая взрыв удовольствия через все ее тело.

— В этом доме ты будешь носить их оба, и больше ничего.

Мой член упирается в ее задницу, пока я говорю. Вид ее в моих цепях, даже если они тонкие и больше похожи на ювелирные изделия, заставляет меня хотеть излить мою сперму глубоко внутрь нее.

Но не сейчас. Есть еще одна вещь, одно очень важное дополнение.

Я стою позади нее, прижимая свою левую руку к ее нижней части живота и притягивая ее ближе к себе.

— Это для тебя, — я вручаю ей подарочный мешочек с моим решением проблемы. — Но тебе необходимо надеть его на себя.

Она оборачивается и смотрит на меня через плечо, нерешительно беря мешок в руки.

— Надень сейчас, — говорю я ей.

Она быстро кладет подарок на прилавок, вытаскивая большую, черную, вельветовую коробочку, медленно открывает ее, а затем проходится пальцами по кристаллам.

— Он прекрасен, — шепчет она.

— Это для твоей лодыжки, — сообщаю я ей.

На мгновение ее тело напрягается, и в глазах мелькает вспышка осознания.

— Ты и только ты наденешь или снимешь его, — я тяжело сглатываю, надеясь, что это работает. — Я выброшу его в тот момент, когда ты его снимешь. Ты можешь снимать его,

только когда принимаешь душ.

— Я не понимаю.

— Если тебе необходимо носить его ночью, то ты должна носить его и весь день. Если ты не надеваешь его, то я его выбрасываю.

— Это кандалы? — шепчет она.

— Он твой. Это то, чего ты хочешь.

Я даю ей время определиться с правилами и смыслом использования браслета.

— Надень его, — говорю я ей.

Она наклоняется и пристраивает его на ногу. Он немного большой для нее и скользит вниз, но прочно держится на месте.

После того, как она его надевает, я притягиваю ее к себе и целую в шею, запуская пальцы в ее складочки. Она больше не влажная. Но я сделаю ее такой.

Я тяну цепь на ее животе, напоминая ей о том, что цепь, которую она носит — моя.

— Именно такой я хочу тебя, пока ты находишься в доме, за исключением случаев, когда я скажу делать иначе.

Я целую ее вдоль шеи и прикусываю мочку, переводя взгляд в зеркале с ее изгиба шеи на светло-голубые глаза.

Я снова дергаю за цепь, и вознаграждаюсь за это сладким стоном удовольствия, ее киска увлажняется от возбуждения.

Я веду ее за цепь к большой гидромассажной ванне, расположенной в центре ванной комнаты, наслаждаясь ее мягкими всхлипами. Присаживаюсь на край и разворачиваю ее так, что она оказывается спиной ко мне. Браслет звенит, когда я грубо тяну ее вниз на себя, на свой твердый член, готовый быть похороненным в ее тепле.

— Ты думаешь, ты была сегодня хорошей девочкой? — шепчу я ей на ухо.

Мои губы нежно ласкают ее чувствительную кожу и вызывают дрожь, которая проходит по ее телу.

— Да, Хозяин, — отвечает она, и в ее голосе слышится вожделение.

— Да, была, — признаю я, когдадвигаю свои бедра вверх, вдавливая свой член глубоко внутрь нее.

Она инстинктивно пытается воспрепятствовать вторжению, но я крепко прижимаю ее к себе, трахая грубо и дергая за цепь.

Награждая моего котенка.

И насыщая нас обоих.

— Катя, как ты понимаешь, что означает быть Хозяином? — спрашиваю я ее, когда она заползает под одеяло.

— Это означает, что вы имеете полный контроль над кем-то.

— Это все, что это означает, котенок? — спрашиваю я ее.

Она прочищает горло, выглядя так, будто сомневается в своем ответе.

— Все не так просто, — наконец, выдает она.

— Это очень просто, котенок. Скоро ты узнаешь.

В ее глазах заметна вспышка разочарования, пока она с трудом переводит дыхание.

— Спокойной ночи, — говорю я ей, прежде чем выключаю свет и оставляю ее в покое.

Ношение моей цепи и размышление об этом, вот что действительно означает для меня быть ее Хозяином

Глава 22

Катя

Я делаю шаг в комнату, наполненную паром, одетая в полупрозрачные одежды, мою кожу покалывает от внутреннего огня, разгорающегося внутри меня, мое тело на пределе. Я потная и грязная из-за ползания весь день на коленях, выполняя каждое желание моего Хозяина, и сейчас он приказал мне принять ванну и позволить ему вымыть меня. И если я буду хорошей, то он разрешит мне искупать его.

Я не мог быть более счастлива, чтобы угодить ему. Я жажду его сильных рук на моем теле, доставляющих мне удовольствие, я так сильно желаю этого. Он искупал меня весь день. Трудно даже думать о себе, как Рабе, когда я чувствую себя так, словно я избалованный домашний питомец Айзека. Это определенно не то, чего я ожидала, идя на эти отношения, но они мне чертовски нравятся. Такое ощущение, что я живу в фантазии.

Я его сексуальная игрушка, его котенок, его все. Но то, что он делает со мной, что приказывает мне выполнять, только заставляет меня чувствовать себя нужной и желанной.

Я замечаю слабо различимые шрамы на своем плече, и мысленно возвращаюсь к одной из моих тренировок, проходившей сегодня ранее, которая заставила меня ценить его еще больше.

— Я хочу, чтобы ты нарисовала свои шрамы, — сказал мне Айзек, когда я сидела на кожаной скамье для тренировок.

Он взял в руки чашу со взбитыми сливками и клубникой, стоявшую рядом и протянул мне. С чашей в левой руке он провел длинным стеблем с большой, свежей клубникой и окунул ее в крем.

— Открой, — приказал он мне. — Высунь свой язык.

Я сделала, как мне было сказано, и он прочертил линию вниз моего языка концом ягоды, а затем по губам, дразня меня.

— Ты будешь рисовать ими с кремом для меня, чтобы потом можно было слизать.

Он вытащил ягоду из уст моих, и я ответила, зная, как мне следует.

— Да, Хозяин.

Я научилась любить эти слова. Мне нравилось его радовать. Он делает все таким легким.

Я послушно взяла клубнику из его рук, и только тогда до меня действительно дошло, что он приказал мне делать. Я не знала, почему он хотел, чтобы я рисовала свои шрамы кремом и клубникой, но понимала, мне не следовало его спрашивать об этом. Все, что он требует меня сделать, только для моего блага.

Мою кожу покалывало под его взглядом, пока я осторожно опускала клубнику в чашу со сливками, и начала обводить мои шрамы медленно и обдуманно. Мои глаза следили за каждым моим движением в тройное зеркало над туалетным столиком, перед которым он поставил меня. Трельяж был из моей комнаты, а скамейка из его. Я начала со своей шеи, покрывая кремом все те уродливые следы, которые я так ненавидела, прежде чем перешла к ключице, а затем и к плечам.

Я помню, как я получила их. Как мой старый Хозяин приковал меня к постели и позволил себе отрывать на моей спине с помощью кнута. Иногда тот вспарывал кожу, но это не то, что оставило шрамы, то были кончики плетеных хвостов. В самом начале, когда я не была идеальной, он присоединил к наказанию девятихвосткой шипы. Они впивались в мою

кожу, и когда он отступил... Я закрыла глаза, ненавидя память.

На секунду, закрыв глаза, я почувствовала сильную руку Айзека между своих ног, а его язык проходился вдоль моих шрамов, слизывая крем.

Я ахнула от удовольствия от переизбытка эмоций, наслаждаясь ощущением его теплого влажного рта, и мне пришлось бороться с желанием обнять его за шею и удерживать на месте. Я знала, что могу только принять то, что он давал мне, и ничего более.

Он двинулся вверх по моей шее, снимая поцелуями крем, посасывая кожу на моей шее.

Айзек продолжал целовать и посасывать мою шею до тех пор, пока все сливки не были слизаны, и когда он отстранился, я едва что-либо соображала. Я никогда не испытывала такого, чтобы имеющуюся пищу буквально слизывали с моего тела, и это ощущение было невероятным. Места, где он облизывал меня, чувствовались живыми, покалывающими от сексуальной энергии его голодных губ и языка.

Боже, я чувствовала себя так хорошо.

— Хозяин, — выдохнула я, тяжело дыша, моя грудь вздымалась, а киска сжималась бесконтрольно. Серьезно, я почти кончила от этого.

— Еще. Пожалуйста.

Айзек ответил ухмылкой мне, и вытянулся передо мной.

— Будь осторожна в своих желаниях, котенок.

Я не была уверена, что он хотел этим сказать, пока он не отошел и не вернулся с чем-то жужжащим. Огромным чертовым вибратором. Усмехнувшись, он положил его на скамью так, что кончик его головки едва касался моего клитора и половых губ. Я мгновенно поежилась от ощущений, итак уже появившихся. Я так сильно желала кончить.

Шлепок!

Я закричала от боли и удовольствия, пронзивших мою задницу, когда Айзек отдернул хлыст, который взял со стороны скамейки.

— Ты не должна двигаться, — сказал он мне. — Оставайся неподвижной, пока вибратор дразнит твою киску, и единственное, что я хочу видеть — это движение твоей руки, пока ты покрываешь свои шрамы взбитыми сливками. Понятно?

У меня перехватило дыхание от желания возразить. Мне нужно было кончить так сильно. Я была так возбуждена, просто нереально. Но я сделала, как он велел.

— Да, Хозяин, — ответила я.

Сессия продолжалась еще час, и я была высечена еще несколько раз за движение, но каждый раз, когда я не шевелилась, Айзек награждал меня своим ртом и некоторым удовольствием, вылизывая и очищая мои шрамы. К тому времени, как все закончилось, я научилась быть абсолютно неподвижной, и была вознаграждена одним из самых сильных оргазмов, которые подарил мне Айзек.

Мои глаза возвращаются обратно к зеркалу, к шрамам на моем теле. Рубцы, о которых теперь я вспоминаю иначе. Мое сердце сжимается у меня в груди. Это не то, что я думала, будет происходить. Это гораздо большее. Представление Айзека заставляет чувствовать меня раскрепощено.

Мое прошлое теряет контроль надо мной. И все это благодаря Айзеку.

Словно вызванный моими мыслями ужас, постоянно преследующий меня, один из повторяющихся образов, который жестоко вырвал меня из моего безмятежного состояния,

державший меня заложником моего прошлого в течение многих лет, неожиданно набирает силу в моем сознании.

Я могу видеть перед собой тошнотворную улыбку моего старого Хозяина, когда он бьет меня, радуясь извращенному удовольствию, которое доставляет ему моя боль. Я наблюдаю сцену так, будто нахожусь вне своего тела, и вижу себя съежившейся в углу, пока он бьет меня снова и снова тыльной стороной руки по щекам, разбив мне губу, и мой рот наполняется металлическим привкусом крови. Бессознательно я поднимаю руку к своему лицу, касаясь того места, где он ударил меня.

Но я не чувствую боли. Ушибов нет.

— Это не реально, — говорю я себе уверенно, шокированная, что я в незначительной степени затронута этим ужасным образом, оставшимся теперь только в воспоминаниях.

— Ты нуждаешься в ванной, котенок, — говорит Айзек, выводя меня из задумчивости.

Я резко втягиваю воздух, когда вижу, что он стоит перед прекрасной ванной окутанный паром, рубашка расстегнута и помята, его черные брюки не могут скрыть огромную выпуклость. Мои соски затвердели, рот заполнен слюной, киска сжимается от необходимости, пока я думаю о том, как он скоро будет меня сам отмывать, его горячие руки блуждают по каждому сантиметру моего тела. Я хочу его. Я хочу его.

— Да, хозяин, — говорю я послушно, ощущая тепло, затягивающее меня в желание.

Я чувствую себя настолько в безопасности в присутствии Айзека. Я не могла бы просить лучшего Хозяина для себя. Но у меня начинает немного кружиться голова от пара. Сегодня был такой длинный день, и я устала. Теплая, паровая ванна дает мне надежду, что она поможет мне расслабиться.

Айзек показывает мне на халат.

— Сними его.

Я делаю, как он мне велит, позволяя розовой ткани соскользнуть с моих плеч и упасть на пол. Я не пропускаю вспышку желания в глазах Айзека, когда он изучает мое голое тело, мои затвердевшие соски, по моей коже бегут мурашки, а цепочка прикреплена к моему клитору. Точно так, как ему нравится.

Его глаза горят, он подходит ко мне и кладет руку мне на живот, прослеживая свое имя, написанное им на мне, прежде чем снять цепочку с моей шеи, а затем отстегивая другой ее конец с моего клитора. Это действие заставляет мою спину напрячься и посылает резкий импульс к моему нежному пульсирующему клитору. Моя голова откидывается на спину, и он захватывает мои волосы в кулак у основания моей шеи.

— Хорошая девочка, котенок, — шепчет он, целуя мою открытую шею, и отпускает меня.

Я смотрю на свой живот, где написано его имя, испытывая чувство гордости. Каждый день он пишет свое имя на мне, напоминая, что я принадлежу ему, ... но мне так сильно хочется спросить, могу ли я написать свое имя на нем. Но не могу, боюсь, что это может рассердить его.

Он, вероятно, позволит мне, если я попрошу, говорю я себе. Так как я так сильно желаю порадовать его, ведь мое счастье важно для него. Сейчас это для меня очевидно.

— Сними свой браслет, котенок, — приказывает Айзек, стоя рядом, его голос жесткий, глаза смотрят на меня с вожделением.

Он никогда не прикасается к щиколотке. Это по-настоящему только мое. И до сих пор

браслет помогал мне ночами. Вес имитирует кандалы. Но то, как Айзек смотрит на него, от этого мне становится как-то не по себе.

Я быстро нагибаюсь и снимаю его для принятия душа. Так же, как я делала это каждый день.

Я знаю, где на нем застёжки, и прислоняюсь к стене, все еще чувствуя себя обессиленной и слабой от событий сегодняшнего дня, и расстегиваю первый, а затем второй замок.

Мое сердце останавливается, когда металл перестает сковывать мою лодыжку.

Так же, как и раньше.

«Я всегда буду твоим Хозяином», — слышу я его голос, и перед глазами возникает жестокое, улыбающееся лицо. Мое сердце начинает бешено биться, и комната начинает вращаться вокруг меня. О, Боже мой. Не здесь. Не сейчас. Я чувствую, что меня сейчас стошнит, на грудь давит сокрушительный вес, и все мое тело начинает трясти. Твою мать. Я не могу вдохнуть, сердце вырывается из груди, мое зрение начинает сужаться до крошечной точки.

Я не могу дышать. Мои пальцы сжимают ногу, но я не чувствую стразы Swarovski, вместо этого я ощущаю грубый чугун. Я прислоняюсь к стене роскошной ванной комнатой, но это не то место, где я нахожусь. Я там, где жесткие, бетонные стены небольшой комнаточки, где он держал меня.

Он мертв. Мой Хозяин мертв. Я чувствую в своей руке ключ, ощущаю, как оковы падают на землю с громким лязгом.

Разве они не слышат? Мое сердце бьется быстрее. Что я натворила? Страх сковывает меня. Я должна бежать. Мне надо бежать. Они не смогут найти меня. Я не могу позволить этому случиться.

Металл выпадает из моих рук, когда я прикрываю рот и чувствую себя парализованной, зная, что если не смогу сбежать, то они убьют меня. Медленно, мучительно, столько, сколько им понадобится удовлетворить свое удовольствие.

По мере того как я устремляюсь навстречу к полу, последнее, что я вижу, как все размывается у меня перед глазами, и слышу глубокий голос, кричащий: «Котенок!».

Глава 23

Айзек

Твою мать! Мои пальцы впиваются в талию Кати, когда ее колени подкашиваются, и она чуть не опрокидывается вперед. Я видел все происходящее, словно в замедленной съемке. Я ждал чего-то подобного, связанного с браслетом на щиколотке, но не думал, что это будет происходить таким образом.

— Котенок!

Я удерживаю ее рядом с собой, поддерживая в вертикальном положении, в то время как ее ногти впиваются мне в кожу. Дерьмо! Я скрежещу зубами, пока ее ногти царапают мою руку. Мое сердце закручивается в груди так сильно, будто его завернули в колючую проволоку. Боль невыносима.

Я ненавижу это. Я никогда не думал, что будет такой результат.

— Катя, я здесь, — зову я ее, удерживая подле себя, но она не слышит.

Она не здесь, не со мной. Она далеко и попала в ад, который должен был погибнуть в огне, и остаться в ее прошлом, где ему самое место.

Она кричит, ее глаза открыты, но Катя не видит, что перед ней. Я укачиваю ее, обхватываю ее лицо, заставляя взглянуть на меня.

— Посмотри на меня!

Но она не слышит. Катя борется со мной, пытаюсь отстраниться, и царапается, стараясь сбежать.

Она у него.

Ее бывшего Хозяина. Я хочу выплюнуть это слово.

Он не должен. Он мертв. Я не позволю им иметь этот контроль над ней. Она — моя!

Я толкаю ее спиной к стене и удерживаю своим предплечьем ее подбородок, уберегая себя от ее укусов. Сжимаю ее запястья над головой, мое бедро находится напротив ее, я утихомирю ее.

— Ты думаешь только обо мне, когда ты со мной, — приказываю я ей, толкая свои бедра между ее ног и прижимая ее плотно к стене.

Она хнычет, и ее глаза, наконец, останавливаются на мне.

— Ты принадлежишь мне. Никому другому.

Ее тело напрягается, в то время как зрачки расширяются, и в глазах промелькивает вспышка узнавания. Мой котенок. Остайся со мной. Только моя.

Я врезаюсь своими губами в ее, медленно опуская свою руку, и она реагирует. Ее губы раскрываются, и она снова борется со мной, но только для того, чтобы удержать меня.

Удерживает и целует меня с такой страстью, что заставляет свое сердце биться так сильно, что клянусь, я слышу его даже за шумом собственной крови, пульсирующей в ушах.

— Только моя

— Только твоя.

— Кому ты принадлежишь? — спрашиваю я ее, проталкивая свою руку между ее бедер и начиная тереть ее клитор.

— Тебе, — отвечает она сдавленным криком.

— Почему ты его сняла? — спрашиваю я ее.

Она резко втягивает воздух и ее глаза расширяются на какое-то мгновение, из-за страха ответить на вопрос. Но она подчиняется.

— Потому что мне так было велено. Ты сказал мне.

— Ты такая хорошая девочка, — шепчу я в сгиб ее шеи, в то время как моя ладонь трет ее клитор.

Я целую ее челюсть и далее вниз по ее шее, двигая рукой вниз и чувствуя, как она становится более влажной и горячей. Мне нужно, чтобы она кончила. Мне необходимо, чтобы она была вознаграждена за столкновение со своим прошлым, которое она пережила сейчас.

Я утыкаюсь головой в сгиб ее шеи, ощущая ее светлые волосы напротив моего носа и щек.

— Такая хорошая девочка.

Я скольжу пальцами в тепло ее тела.

— Спасибо, Хозяин, — стонет она.

Ее голова поворачивается влево, а затем вправо. Она проводит рукой вниз по моему предплечью, и я чувствую, как Катя смазывает кровь на моей руке в местах, где она меня расцарапала. Ее глаза закрыты. Она просто наслаждается моими прикосновениями.

Спасибо, твою мать. Она нуждается в этом. Катя может не бояться его снимать. Она

нуждается в этом больше, чем она сама может себе представить.

— Кончи для меня, — говорю я ей, слегка отстраняясь и глядя на нежные изгибы ее лица. Она морщит лобик и ее мягкие, пышные губы приоткрываются. Ее кожа покраснела и изо рта вырывается резкое горячее дыхание, говорящее о том, что она близка. Мне даже невыносимо смотреть на то, как она взвинчена и теряет над собой контроль. Так чертовски великолепно. Такой она должна быть всегда. Потерявшей в своем удовольствии, которое я ей доставляю. А не в боли.

— Пожалуйста, кончи для меня, — я практически умоляю ее, мое сердце болит, мое тело заледенело и почти онемело.

Она кричит, в то время как теплые соки возбуждения вытекают из нее, а бедра дрожат. Ее тело напрягается, она сжимает меня с такой силой, равной интенсивности ее оргазма.

— Хорошая девочка, — тихо произношу я, убирая от нее руку, и продолжаю прижимать Катю к себе.

Я целую ее волосы, потом щеку и шею, когда она склоняет голову в сторону, сжимая мои плечи и положив щеку на мое плечо.

У нее занимает какое-то время, чтобы успокоиться, и все это время я просто прижимаю ее к себе.

— Ты в порядке, котенок? — тихо спрашиваю я, отступив от нее на мгновение.

Она сразу же прячет лицо, и меня это раздражает. Меня выводит из себя, что она стыдится своего прошлого.

Я сжимаю ее подбородок своей рукой и заставляю посмотреть на себя.

Она отстраняется, отводя голову в сторону, и тихо отвечает.

— В порядке.

Я думаю ее расспросить. Заставить ее выговориться об этом. Но мы оба знаем, что произошло.

Я не хочу причинить ей больше боли. Я притягиваю ее к своей груди, и слегка встряхиваю. Она держится за меня с такой силой. Ей это в новинку. Она цепляется за меня так, будто упадет, если я отпущу ее. Словно она развалится здесь без моей поддержки.

Моя бедная Катя. Я нежно ее целую, мое сердце разрывается.

Мне жаль, что я не могу сделать больше сейчас, на это потребуется время.

Каждый раз, когда она надевает этот браслет, Катя знает, что она делает, что она разблокирует.

Это должно было случиться, но я до сих пор испытываю злость по этому поводу.

Я кладу ее на пол, тяжело дышащую и пытающуюся перевести дыхание, пока включаю душ. Сильные брызги, ударяющиеся о стену, заглушают ее тяжелое дыхание. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее, подставляя руку под струю, чтобы проверить, когда польется теплая вода. Катя по-прежнему лежит с широко открытыми глазами, глядя на великолепный браслет, лежащий на полу ванной комнате напротив нее, словно змея, ожидающая нанести удар.

Хотя я не удивлен ее решением, когда она помылась и понежилась, и пришло время либо его надеть, либо выбросить. Я не удивлен, что она снова надевает его на ногу, чтобы не допустить возвращение своих ночных кошмаров. Но ее взгляд теперь другой.

Это прогресс.

— Катя, как ты понимаешь, что означает быть Хозяином? спрашиваю я ее, пока сижу

на ее кровати и нежно поглаживаю ее волосы.

— Я не знаю, Хозяин, — отвечает она так тихо, что я почти не слышу ее.

— Как ты думаешь, что это значит? — спрашиваю я ее.

— Я чувствую себя такой растерянной, — признается она.

— Что если я скажу тебе, что у тебя был только один Хозяин, Катя? Что бы тогда ты сказала?

Она поворачивается в постели, наконец, глядя мне в глаза.

— Я бы сказала, что Хозяин-это хорошо. Хозяин является спасителем.

Ее принятие заставляет мое сердце болеть. Я хочу спасти ее. И я спасу.

Глава 24

Катя

Не могу поверить, что делаю это.

Я бросаю взгляд на Айзека, пока он везет нас в просторном кроссовере Mazda CX-5 к дому моей семьи, управляя автомобилем так, что умудряется возбудить меня, даже когда я нахожусь на грани нервного срыва. Все, что он делает, так сексуально. Его манеры, то, как он говорит, как двигается. То, как он владеет мной.

Я качаю головой. Не могу поверить, что позволяю этому человеку встретиться с моей семьей, ведь я знаю его только нескольких недель.

10 дней я была его рабыней... Человек, который владеет мной, моим разумом, телом и в не меньшей степени душой. То, что мы едем с подарками к моей семье, которую я избегала, как чуму, почти что заставляет меня рассмеяться. А все потому, что Айзек считает, будто встреча с ними будет для меня благом. Как бы мне все это не нравилось, мне приходится доверять ему. И в глубине души я знаю, что он прав. Я до сих пор люблю их, и верю, они любят меня.

Но это не меняет того факта, что вся эта ситуация — совершенный мрак.

Мое сердце подкакивает в груди, когда мы поворачиваем на Waverly Road, передо мной появляются знакомые дома, возвращаются преследующие меня воспоминания. Я шла по этой улице в тот день, когда они похитили меня. Я закрываю глаза, пытаюсь заблокировать видения, не желая, чтобы эмоции возобладали надо мной. Последнее, что мне нужно, это сломаться перед моими родителями и стоящим рядом Айзеком. Кто знает, что может произойти? Я делаю несколько вдохов, чтобы успокоить нервы, прежде чем открываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на настоящем, пока Айзек останавливается возле моего дома, паркуя машину у тротуара.

Вот он. Дом. Некоторое время я сижу, глядя на него. Он выглядит таким же, каким я его помню. Двухэтажный кирпичный дом, частично отделанный виниловым сайдингом кремового цвета, с уютной верандой и несколькими креслами-качалками на переднем плане.

— Ты в порядке? — глубокий баритон Айзека проникает в мои мысли.

Я смотрю на него, быстро моргая, словно что-то попало мне в глаза. Лучше бы, чтобы этих чертовых слез не было. Мне просто нужно удержать их, возможно, на часок-другой. Надеюсь, к тому времени мы будем уже далеко.

— Да, — отвечаю я, пытаюсь не выдать своим голосом страх.

Губы Айзека вытягиваются в линию, пока он хмурится, но я почти этого не замечаю. Даже одетый в поношенное кожаное пальто, синие джинсы и красный свитер он выглядит

горячо. Волосы зачесаны набок на пробор, аромат его мужского одеколona наполняет машину.

Я удивлена, что он не надел костюм, но когда Айзек вывел для нас из гаража Mazda, я поняла, что он не хотел продемонстрировать моей семье, что у него полно денег.

— Ты не будешь мне лгать, котенок, — рычит он, его голос звучит низко и опасно.

Я облизываю губы. Знаю, что не могу с ним спорить.

— Мне страшно, — признаю я. — Я действительно не хочу делать это.

Айзек качает головой.

— Знаю, что не хочешь. Но сделаешь. Ты понимаешь?

Его голос тверд, он тем самым показывает мне, что не примет ничего, кроме моего полного послушания.

Мне ненавистно все это, но я заставляю себя кивнуть, не позволяя ни одному слову сорваться с моих уст.

Айзек пристально смотрит на меня, напряженный взгляд его красивых зеленых глаз заставляет меня ерзать на месте.

— Ты будешь участвовать в каждом начавшемся разговоре, и будешь отвечать честно. Даже на вопросы, которые ты сочтешь выбивающими тебя из колеи. Исключения составляют лишь вопросы о нас.

Я сдерживаю стон. О, Боже, почему он делает это со мной? Мне дозволено лгать о нас двоих, но про все остальное — нет, это заставляет мой желудок сжаться в тугий узел. Разве это честно? Он хочет, чтобы я плакала? Потому что именно это и произойдет. Я знаю. Но я устала плакать. Мне никогда не хотелось бросить ему вызов больше, чем в тот раз. Но я не делаю.

— Да, Хозяин, — отвечаю, едва сдерживая дрожь в голосе.

Я не могу смотреть в его суровые глаза, поэтому оглядываюсь на свою семью.

Моя мама отказалась покинуть дом, когда я пропала. Она тешила себя надеждой, думая, что я хоть каким-то образом вернусь домой. Как будто в один прекрасный день я просто появлюсь перед ней, но если она переедет, то я не смогу ее найти. Благослови ее сердце.

Мысли об этом вызывают у меня слезы, и я ненавижу это. Меня бесит, что случившееся продолжает терзать меня. Всю прошлую неделю я провела на американских горках эмоций, чувствуя себя так, словно непобедима, а затем полностью разбитой и уязвимой. Я не знаю, кем я являюсь, но сейчас понимаю, что не хочу проходить через это дерьмо. Это слишком много для всего навалившегося на меня сразу. Почему Айзек не может это понять?

— Сообщи своей матери, — говорит Айзек, беря меня за руку и нежно целуя ее.

Его тон мягок, и он, кажется, догадывается, как я напугана, но он все равно собирается заставить меня пойти туда, куда я не хочу.

— Ты будешь идеальной для меня, котенок, — успокаивает он меня, пытаюсь придать мне уверенности, слегка пожимая мою руку. — Поверь, ты можешь. Ты сделаешь это.

Я хочу сказать ему «нет», сообщить, что не могу этого сделать. Я не хочу встретиться лицом к лицу с мамой, как с напоминанием о той боли, которую я причинила ей. Но глядя на Айзека, я знаю, что он примет только один ответ.

— Да, Хозяин, — шепчу я.

— Катя!

Как только я вхожу в дверь, мама тянет меня к себе, сжимая в крепких медвежьих

объятиях. Я уже переполнена тревогой так, что едва могу дышать, пока она сжимает и целует меня, говоря, что любит, и как сильно скучала по мне беспрестанно.

— Я так по тебя скучала, детка! — восклицает она со слезами на глазах, и, наконец, отступает назад, позволяя мне вздохнуть и давая возможность взглянуть на нее.

Она выглядит прекрасно, одетая в твидовый костюм, с обильным макияжем, что на нее совсем не похоже. Я не помню, чтобы она была такой вообще. Она всегда носила пижаму на протяжении большей части дня, волосы были собраны в пучок во время праздников. В день Рождества, как правило, было еще хуже, когда она не спала всю ночь, упаковывая подарки и выпекая лакомства для всей семьи.

Сегодня же она выглядела прекрасно.

— Я тоже скучала по тебе, мама, — говорю я, мой голос дрожит от эмоций.

«Не плачь, не плачь, не плачь», — говорю я себе снова и снова, призывая этой мантрой держать себя в руках, зная, что как только первые слезы польются из моих глаз, я превращусь в ревущую белугу. Я не знаю, почему не могу ничего сделать, кроме как сломаться, но я чувствую себя слишком слабой.

Слова Айзека возвращают меня в реальность. *Ты будешь идеальной для меня, котенок.* Чувствую нежное давление на мою левую руку, как будто он знает, что я думаю о нем, и я оглядываюсь, чтобы увидеть, как Айзек властно и уверенно смотрит на меня.

Мама замирает, слегка разинув рот, когда ее взгляд падает на Айзека, словно она только сейчас заметила, что он находится здесь.

— Ну, — произносит она, ее голос наполнен удивлением, глаза расширились от изумления, — кто этот молодой человек?

Я подозреваю, что увидеть Айзека рядом со мной, должно быть, производит на нее сильное впечатление, так как у меня никогда не было парня. Она, вероятно, не может поверить, что я оказалась в настоящих отношениях с кем-то. Но то, что происходит у меня с Айзеком, нельзя назвать нормальными отношениями, и, вероятно, никогда ими не будет.

— Мама, — говорю я, заглатывая назад волну эмоций, — это Айзек, мой —

Быстрый щипок Айзека за задницу напоминает мне, что я должна быть осторожной в том, что говорю, и мои щеки горят огнем, сердце бешено колотится в груди в этот чертовый момент. Я колеблюсь, не желая ошибиться, но Айзек сам берет все в свои руки.

— Парень.

Это такое странное слова, особенно в его устах.

— Парень, — я быстро соглашаюсь, надеясь, что моя мама не замечает мой ляп. — Айзек — мой парень.

Парень. Не могу поверить, что это слово все-таки слетело с моих уст. Оно звучит чуждо, и конечно, не соответствует тому, кем является Айзек для меня. Не то, что имя, которым я называю его каждую ночь. И он определенно, как пить дать, вовсе не паренек.

Моя мама не может скрыть шок на своем лице, когда протягивает руку в знак приветствия. Похоже, она думает, что Айзек, должно быть, голограмма, которая может исчезнуть в любую секунду.

— Ну, приятно, познакомиться, Айзек. Кэт сказала мне, что в ее жизни появился кто-то новый, но не сообщила, что ты такой красивец, — она качает головой и смотрит на меня.

Айзек пожимает ее протянутую руку.

— Мне тоже приятно встретиться с вами, миссис Харрингтон. Я вижу от кого Кэт унаследовала красоту.

Моя мама становится пунцовой. Теплое ощущение разливается в моей груди от выражения ее лица. Я не видела ее такой светящейся ..., ладно, даже не помню когда. И должна сказать, что впечатлена манерой поведения Айзека, и тем, как он очаровал мою мать. В клубе, где все крутится вокруг секса, он совсем другой. Эта его сторона вызывает у меня любопытство. Мне нравится его обаяние, но в то же время заставляет задуматься, сколько же во всем этом игры.

— Прекратите, — говорит мама, когда, наконец, находит слова, отмахиваясь от комплимента Айзека, и нервно хихикает, пытаюсь скрыть свое смущение.

Она поворачивается и направляется к гостиной.

— Пожалуйста, проходите и встретьтесь с остальными членами семьи.

Айзек смотрит на меня и подмигивает, прежде чем последовать за ней в гостиную. Мне действительно нравится эта его сторона. Он оборачивает руку вокруг моей талии, и это проявление чувств застаёт меня врасплох. Правда, в хорошем смысле. Просто этого я никак не ожидала.

Как только мы входим в комнату, я попадаю в поле зрения моей семьи, держащейся вместе, и ошеломлена тем, что они все начинают одновременно говорить и бросаются вперед, чтобы поприветствовать меня.

— Ну, давно не виделись, Катя! — голос моего отца слышится через всю комнату, пока моя сестра обнимает меня, тихо говоря на ухо. — Я так рада видеть тебя!

— Это было слишком давно.

Голоса, кажется, сливаются для меня в один, пока я думаю, что мне стоит развернуться и сбежать. Конечно, я этого не сделаю. Вместо этого я натягиваю маску на лицо, обнимая каждого по очереди.

— Почему ты выглядишь так, словно сильно похудела!

— А кто этот самый горячий парень? — задает вопрос моя кузина Лисса.

Я окружена родственниками, каждый из них тянет меня в свои объятия, говоря мне, как сильно они меня любят и как счастливы видеть меня. Мне приходится начать снова повторять про себя мантру, пытаюсь держать свои эмоции под контролем. Насколько способна, я стараюсь ответить каждому что-то хорошее, моя голова уже почти кружится от путаницы из всех этих вопросов, и я даже не знаю, с кем разговариваю. Думаю, я насчитала десять человек в комнате, несколько тетей, дядей и кузин примерно моего возраста. Но вот ко мне подходит последний человек, кого я избегала точно так же, как маму.

— Привет, тыковка, — говорит папа, протягивая ко мне руки.

Он одет в серые брюки, соответствующий галстук и белую рубашку. Как и моя мама, он немного постарел, волосы покрылись сединой, и вокруг глаз образовалась паутина морщинок. Он чуть не довел себя до смерти из-за моего исчезновения.

— Боже, как я скучал по тебе.

Я снова делаю над собой усилие, чтобы не сломаться, и знаю, если допущу хоть один всхлип, даже один вздох, для меня все будет кончено. Мне приходится напомнить себя слова Айзека. *Ты идеально подходишь для меня, котенок.* Если я смогу пройти через это, не превратившись в рыдающую лужу, то знаю, что буду вознаграждена. Что сделает его счастливым. Это моя работа, чтобы доставить ему удовольствие. Я цепляюсь за этот факт, позволяя этому стать моей силой, чтобы выдержать до конца, давая стать моей броней.

— Я тоже скучала по тебе, папа, — произношу я, мой голос переполняют эмоции, однако нет опасности, что я сломаюсь, когда он тянет меня в свои медвежьи объятия, целуя

несколько раз в щеку и говоря, как сильно он меня любит, так же, как это сделала мама.

Когда он заканчивает изливать на меня свою любовь, то отступает назад и смотрит на Айзека с небольшой опаской, язык его тела моментально меняется, и заметно, что он на грани.

Папа определенно не оказывает Айзеку теплый прием в отличие от мамы, и я понимаю почему.

— Кто этот молодой человек?

Я открываю рот, чтобы ответить ему, но Айзек делает шаг вперед, протягивая руку.

— Айзек Роччи, новый парень вашей дочери.

Просто одно слово «парень», исходящее из уст Айзека, почти заставляет меня упасть в обморок. Не могу привыкнуть думать о нем в этом контексте.

— Очень приятно с вами встретиться мистер Харрингтон, — Айзек произносит слова ровно и уверенно, пока кладет руку мне на поясницу, посылая тонкий, но мощный сигнал моему отцу.

Мое тело дрожит от волны, нахлынувшей на меня тревоги. Этого я не ожидала. Я вообще об этом не думала.

Мой отец, кажется, опешил на мгновение от дерзости Айзека, его рот открывается и закрывается несколько раз, прежде чем он берет руку Айзека и трясет ее.

— Очень приятно.

Я не уверена, но думаю, уважение отца по отношению к Айзеку поднялось на несколько ступеней, что удивительно. Я частично ожидала, что он бросит вызов Айзеку прямо здесь и сейчас.

— А сейчас, — говорит Лисса, когда делает шаг вперед и игриво тыкает меня в руку, — Кэт, не могла бы ты сказать мне, где ты нашла Айзека?

Она качает головой и делает вид, что стирает воображаемый пот со лба.

— Потому что, Боже, пожалуйста, скажи мне, там есть ещё кто-то, кроме него.

Мама хихикает, и мои тетки раздражаются громким смехом в углу комнаты, и даже у меня вырывается смешок, мое лицо слегка краснеет, а настроение поднимается. Так или иначе, я знаю одну из моих сумасшедших тетушек, подстрекающую Лиссу к этому.

— Итак, как вы познакомились? — спрашивает папа, когда все рассаживаются на свои места. Он сидит с мамой напротив нас на козетке, наклонившись вперед с напряженным интересом, его локти покоятся на коленях.

— В бизнес-клубе, — говорит Айзек просто.

— Что? — спрашивает отец, хмурясь.

Айзек кивает.

— Это бизнес-клуб для молодых предпринимателей. Место, где единомышленники, ориентированные на бизнес люди могут собраться вместе и поделиться советами и идеями, как увеличить продажи и успех.

Айзек спокойно садится в кресло, и я смотрю на него с интересом. Я никогда не видела его, говорящим такие вещи. Это что-то совсем другое.

— У меня своя компания по обеспечению безопасности, а Катя управляет бизнесом с собаками. С точки зрения бизнеса, у нас не было ничего общего, но я тянулся к ней. Она сильная и умная. Независимая, — Айзек улыбается мне. — Первый раз я положил на нее глаз, и понял, что она особенная. Но когда я услышал, как она говорит, звук ее голоса... — Айзек смотрит на меня, поглаживая меня по спине, вызывая тем самым распространение

тепла по всему моему телу.

Я просто сижу здесь в смущении, краснея, похожая на одержимую, и с глупым выражением на лице.

— ... Она убедила меня.

Я чуть не поперхнулась от иронии этих слов.

Мой отец откинулся на спинку, облегчение отразилось на его лице.

— О, Катя не рассказала нам обо все этом.

Айзек кивает и берет мою руку в свою.

— Я очень счастливый человек. Это были самые... удовлетворяющие отношения, которые я могу только припомнить. Я очень рад, что нашел ее.

Мои щеки горят еще ярче, превращаясь в малиново-красные.

Перед тем, как мы приехали сюда, я думала, что сломаюсь и умру от слез, но теперь я думаю, что умру от смущения. Мне так непривычно вести себя подобным образом, и значительно меньше получать комплименты перед всей моей семьей. Я просто не знаю, как принять все это или как реагировать. Это безумие происходит от того, что будучи избалованным питомцем/рабыней, я сейчас притворяюсь, что являюсь его новой, заботливой девушкой. Что это такое? Делаю вид? Мне приходится уходить от вопросов, пока мои тетушки охают через всю комнату.

Веди себя нормально. Веди себя нормально. Веди себя нормально, — я повторяю себе снова и снова.

— Я слишком счастлива, — стыдливо добавляю я быстро.

Мой голос низок по сравнению с Айзеком. Я надеюсь, что весь мой румянец заставляет мою семью думать, будто я нервничаю из-за того, что предстала перед ними после долгой разлуки со своим новым парнем.

Отец говорит Айзеку:

— Расскажи нам побольше о себе, Айзек.

Айзек усаживается на свое место.

— Что бы вы хотели знать?

— Ну, откуда твоя семья? Ты уже отмечал праздники с ними? — мой отец задает естественный вопрос, но мне бы хотелось, чтобы он его не задавал.

Айзек делает паузу, боль отражается в его глазах, пока он ищет нужные слова.

— У меня была только моя мама, и она умерла, когда я был моложе, — прочистив горло, наконец, признается Айзек, его глубокий голос звучит тихо.

Глядя на него, я ощущаю, как печаль давит мне на грудь. Я помню его признание, когда он рассказал мне, как его мать нуждалась в помощи, и как он не помог ей. Слезы жгут мне глаза, но я стремительно моргаю, избавляясь от них. Я не знала, что она умерла. Я придвигаюсь ближе к Айзеку, желая утешить его. Чувствуя необходимость спросить, как это произошло. В мою кровь проникает ледяной холод. Я продвинулась настолько далеко за эту встречу, что не могу сейчас расплакаться. Я должна быть сильной. Я протягиваю руку и, не задумываясь, беру Айзека за руку. Это не то, что должна делать рабыня, но то, что сделает любящая девушка. И я чувствую, что он нуждается во мне.

— Мне очень жаль слышать это, Айзек, — говорит моя мама, впервые подав голос с тех пор, как мы сели. Она поворачивается ко мне, и, грустно глядя с легкой улыбкой, поглаживает мое бедро, пока произносит:

— Я рада, что наша кошка Кэт привела тебя домой, хотя бы на праздники. Мы ожидали,

что она не приедет.

Кошка Кэт. Мое старое прозвище. Слезы подступают к моим глазам, когда я вспоминаю, как бегала по коридору этого дома и крутилась, схватившись за перила всего в нескольких шагах отсюда. Как мама с папой, даже тетуски, дяди и кузины выкрикивали это прозвище.

Прежде чем они похитили меня. Прежде чем этот ублюдок украл мою невиновность. Еще когда я был просто кошка Кэт. Просто девушка, которую ругали за то, что она бегаёт по коридору. Комок подкатывает к горлу, но я должна придушить свои эмоции.

— Катя, ты в порядке? — спрашивает мама, замечая противоречивое выражение на моем лице.

Боже, если я пройду через это без слез, то это будет офигенное чудо.

— Просто прошло много времени, когда ты называл меня так, — говорю я, пытаюсь сохранить голос ровным.

— Милое прозвище, кошка Кэт, — говорит Айзек, подмигивая мне, на его лице больше нет никаких следов беспокойства и боли.

Он выглядит таким веселым, что я почти забываю, что несколько минут назад он был расстроен, и вынуждена рассмеяться, пока вытираю слезы, угрожающие пролиться из моих глаз.

— Ты знаешь, почему я называл ее так? — спрашивает мой отец.

Боже, началось. Папа продолжает рассказывать историю, которую я слышала миллион раз, как я наряжалась в костюм кошки на протяжении почти двух недель после одного из Хэллоуина, отказываясь верить, что я не кошка. Когда я тону в звуке его голоса, небольшая улыбка растягивается на моем лице.

Айзек сжимает мне руку, а мне жаль, что я не могу просто забраться к нему на колени и держаться за него. Я кладу свою щеку на его плечо, быстро целую, шепчу «спасибо». Я даже не осознавала, насколько мне не хватало моей семьи, которую я так избегала. Сколько счастья все еще было здесь, дожидаясь меня? Сколько любви?

Я оглядываюсь на Айзека, он посмеивается над тем, что говорит мой папа, и мое сердце делает сальто в груди, и невероятно сильное чувство, что я когда-либо испытывала, вспыхивает во мне. Меня оно пугает. И это не может быть тем, о чем я думаю. Айзек — мой хозяин, а не мой парень. И то только на тридцать дней. Мне нужно помнить об этом. Я не могу влюбиться в него. Как я могла? Все слишком быстро.

Но пока я наблюдаю, как он смеется над шуткой моего отца, понимаю, что вру сама себе.

Глава 25

Айзек

Маленькая коробочка лежит на краю кофейного столика, стоящего на открытом воздухе, словно насмехаясь надо мной. Мне следовало бы лучше подумать прежде, чем отдать ей подарок, и породить тем самым ожидания. Я не прикладывал особых усилий в поисках, что подарить ей что-то на Рождество. В конце концов, я предоставляю ей все, что она хочет и в чем постоянно нуждается. Но не это находится тут, рядом со мной.

Сейчас я хочу побаловать ее. Желая, чтобы мой котенок был только счастлив.

Коробочка идеально упакована в серебристую оберточную бумагу, белая лента огибает бока и завязана сверху. Идеальная картинка. А внутри коробочки находится то, что, как я

думаю, должно ей понравится.

Браслет, или точнее браслет на щиколотку, если он ей приглянется. Он от Pandora, и на него нанизываются побрякушки. Первый шарм — желтый топаз в окружении небольших бриллиантов — означает ноябрь. Именно тогда в первый раз я увидел ее. Следующий шарм, который я выбрал, — маленькая серебряная собака. Это было просто. Она пару раз, походя, упоминала Рокси, свою собаку, и я надеюсь, что болтающийся на браслете шарм доставит ей удовольствие. Я также выбрал кошку. Я должен объяснить ей, что он связан с ее прозвищем «кошка Кэт». Не то, чтобы на этих маленьких шармах была заметна существенная разница между кошкой и котенком, но все же. Зато для меня разница ощутима.

Затем идет шарм — рождественская безделушка для праздника, который мы разделили с ней сообща, — новогодний шарм с бокалами шампанского, и являющийся праздничным для сегодняшнего вечера. Бирюзовый шарм для декабря, когда она стала моей.

Последний из них — серебряное сердце, с выгравированным на нем словом «котенок». Он похож на ярлык, который можно повесить на ошейник. Несмотря на то, что она до сих пор не сказала мне, что готова к моему ошейнику, я хочу, чтобы он у нее был.

Я не надену на нее ошейник, пока Катя все еще носит тот браслет на щиколотке. Не знаю, почему это так сильно беспокоит меня, но это так. Я не позволю носить ей мой ошейник, пока она не снимет браслет. Просто потому, что он символизирует. Он до сих пор часть ее, а я хочу ее всю целиком. Мы уже прошли полпути в рамках нашего соглашения, но всегда можем продлить контракт.

Своего рода неуверенность давит мне на грудь, заставляя чувствовать себя напряженно и неловко, словно я зажигаю последнюю свечу в закрытом дворике.

Стеклянный корпус здания открывает взгляду все, что находится снаружи, стекла похожи на экстравагантные окна, но на улице слишком холодно, чтобы открыть их в декабре. Но со свечами, расставленными по комнате, и звездам, дающими свет ночью, здесь очень красиво.

Романтично. Для меня такая сцена не характерна.

Все это для нее, потому что я хотел дать ей хоть что-то. Она никогда не узнает, что означало для меня провести Рождество с ее семьей. Это был не эгоистичный поступок. Все это было ради нее, но в процессе что-то изменилось, и теперь я в долгу перед ней.

Нахождение в кругу ее семьи просто показало мне, насколько мы разные на самом деле.

И насколько все это доступно ей.

Ложь так легко срывалась с моего языка, пока я пытался вписаться в их мир. Они не могли знать, кто я в действительности такой. Они никогда не поймут. Но было приятно притворяться, по крайней мере, некоторое время. Мне доставило истинное удовольствие почувствовать себя в кругу семьи.

У Кати имеется куча людей, которые любят ее, и кто хочет быть любимым ею в ответ. Они будут рядом с ней, когда я уйду, когда отошлю ее прочь. Мне придется. Я никогда не смогу вписаться в ее семью.

Ложь о нас только подчеркивает этот факт.

— Знаешь, все, что ты делаешь, раздражает меня.

Моя мать сидит на диване, глядя прямо перед собой, и на мгновение я притворяюсь, что она разговаривает не со мной, а я только что переступил порог комнаты. Сегодня в первый раз в жизни я украл. Рождество на следующей неделе, а я знаю, что мама

нуждается в обуви. Ее старая уже изнасилась. Моя тоже, но я мог поместить под пальто только одну пару, и я так боялся попасться.

Думаю, что кассир заметила меня, но позволила уйти. Не могу сказать точно. Так что за обувь для себя мне придется пойти куда-то еще, слишком боюсь, что та кассирша узнает меня.

Я слышу, что моя мать говорит о том, как я жалок и слаб, но делаю вид, что эти слова предназначаются не мне. Она говорит, продолжая смотреть на стену, с тех пор как я вошел. Но я знаю ее, и, когда она, наконец-то, поворачивается и смотрит на меня, я вижу, что она снова под кайфом.

— Он не должен был идти на войну. Это твоя вина. Это все из-за тебя, — издевается она надо мной.

Она говорит мне, что я вынудил его покинуть, так как они ругались из-за меня. Он ушел на войну по моей вине.

Иногда она признается, что любила его. В такие моменты, по крайней мере, она делает меня немного счастливым. Я подумал, что сколько раз я начинал мысленно представлять, что мы — семья.

Она не говорит мне, что любит меня. Она не признается в этом.

Но она любит. Я знаю.

Звук открывающейся двери заставляет меня быстро двинуться через гостиную в мою спальню. Мне здесь не безопасно, но если я останусь в стороне, то смогу избежать его побоев.

— Да, беги, Айзек. Сбегай, как твой отец, — слышу я ее голос, продолжающий издеваться надо мной, когда закрываю дверь из тонкой фанеры в своей маленькой комнате. — Убегай, трус!

Я прочищаю горло и поправляю темно-красный галстук, игнорируя воспоминания о болезненном прошлом.

Я ненавижу эти костюмы. Мне приходится носить их в клубе, но я не испытываю желания их носить. Но опять же, сегодня это своего рода романтическое свидание. И я купил ей платье.

Оно короткое, но элегантное. Сверкающее серебристое цельнокройное платье, которое, вероятно, будет разорвано, как только я доберусь до нее, но думаю, оно ей понравится. То, как струится ткань, заставляет меня думать о ней, вертящейся в попытках его надеть.

Надеюсь, это то, что она сейчас делает в своей комнате, натягивая его на себя, пытаюсь прикрыть им свои бедра.

Маленькая вспышка грубого смеха на выдохе срывается с моих губ, когда я присаживаюсь на современный белый диван и осматриваюсь.

Все просто, но это что-то.

Шампанское и клубника в шоколаде, браслет и свечи. Мой подарок для нее. Этого не достаточно. Я никогда не смогу дать ей достаточно.

От этой мысли мою кожу начинает покалывать от холодка, пробегающего от моих плеч вниз по телу до пальцев ног. Я разминаю шею и пытаюсь игнорировать мысли, которые вползли в мою голову поздно ночью.

Наблюдение за ее семьей... что-то сделало со мной. Это напомнило мне о ее чистоте. Жизнь, которую она пытается вернуть обратно. Жизнь, которую она хочет, хотя и не

осознает этого. Опять же все это заставляет меня думать, что я не очень хороший Хозяин для нее. Это жизнь, которой я не принадлежу.

Мне нравится, что она здесь. Но время, проведенное с ее семьей, сделало совершенно очевидным, что эта договоренность носит временный характер. Она может еще не догадываться об этом, так как не смотрит так далеко вперед.

До тех пор, пока не придет время, я продолжу играть свою роль в качестве ее Хозяина.

Ей необходимо подобрать ошейник. Тот, который подойдет ей. Пришло время, чтобы она надела его. Самое время немного подтолкнуть моего котенка. Я не дам ей носить его, пока она не будет готова, но она может выбрать тот, который захочет сама.

Я также выбрал новый браслет на щиколотку. Просто, чтобы оценить ее реакцию.

Я не хочу, чтобы она использовала его в качестве альтернативы кандалам. Мне ненавистно, что она по-прежнему пользуется их заменой, хотя я и не удивлен этому. Не совсем. Она боится воспоминаний больше, чем желает свободы. Хотя последнее, кажется, приобретает большую крайность, судя по инциденту в ванной комнате.

Каждый раз, когда она снимает его, у нее все еще заметен намек на боль.

Она быстро надевает браслет после душа.

В один прекрасный день она снимет его, и это даст ей силу. Тогда я стану достойным Хозяином для нее.

Слабый шум стучащих каблучков вырывает меня из моих мыслей.

Мое сердце заходится в груди, когда она появляется в мое поле зрения, весь остальной мир размывается позади нее. Она немного склонила голову, явно от застенчивости, а не подчинения. Ее щеки покраснелись, и легкий макияж на лице только подчеркивает ее естественную красоту.

Моя Катя потрясающе великолепна.

Ее глаза расширяются, губы слегка раскрыты, когда она входит в комнату. Она стоит у входа, не уверенная, куда идти и как реагировать.

Я быстро размашистыми шагами направляюсь к ней, останавливаюсь рядом с ней и оставляю легкий поцелуй на ее щеке. Мое сердце, кажется, оживает снова, быстро стуча и разогревая кровь, когда я оборачиваю свою руку вокруг ее спины, и прохожусь большим пальцем вверх и вниз по ее бедру.

— Спасибо, Хозяин, — выдыхает Катя, глядя на меня сквозь свои густые ресницы, пока я веду ее в гостиную.

Я снова целую ее в щеку, и она делает то, что никогда не делала — прислоняется ко мне, кладет голову мне на плечо, пока мы идем, и обнимает меня за талию.

Никто никогда так не делал.

Я продолжаю идти, как будто ничего не изменилось, но как только она присаживается, я оставляю ее.

Одно дело — участвовать в проявлении привязанности ради ее семьи, фактически для ее же блага перед ее родителями, а другое — здесь. Это означает что-то другое.

И я позволил этому произойти.

Мне следует это исправить. Я должен обозначить границы, так как они кажутся размытыми, но вместо этого беру бутылку шампанского из ведерка и резко открываю его.

Хотя я не смотрю в лицо Кати, но могу все же увидеть на ее лице улыбку. Она даже поднимает руки, как будто хочет хлопнуть, но останавливает себя.

Она светится. Желанием быть счастливой. Это одна из тех вещей, которая привлекла

меня в ней, но и одна из причин, почему, я знаю, мне следует держаться подальше.

— Хозяин? — спрашивает она меня, пока я наливаю охлажденное шампанское в наши бокалы.

Шипение пузырьков и звон бокалов заставляют растянуться улыбку на моем лице. Впервые за долгое время я наслаждался таким видом роскоши.

— Да, котенок?

Я поворачиваюсь к ней лицом, держа по бокалу в каждой руке. Как я и предполагал, платье еле прикрывает ее бедра. Оно смотрится на ней офигенно превосходно, но будет лучше выглядеть, лежащим на полу.

Я поставил бокалы и сел рядом с ней. Моему члену уже невыносимо сидеть так близко от нее. Легкие прикосновения и тихие звуки ее вдохов, когда она прислоняется ко мне, заставляют меня хотеть ее еще больше.

Не понимаю, как я вообще смогу пресытиться ею.

— Я боюсь, — шепчет она, глядя в другую сторону от меня и пытаюсь выйти из затруднительного положения.

— Не бойся, — быстро говорю я ей, так как ее заботы и страхи — это мое бремя, а не ее. — Позволь мне забрать твои страхи прочь.

— Это не то, что вы думаете.

Ее дыхание учащается, когда я трогаю цепочку на ее шее, целую ее тело и наслаждаюсь тихими звуками ее вдохов.

— Что такое?

Что бы это ни было, оно может подождать до сегодняшней ночи. Я планирую вознаградить ее огромным удовольствием, пока мы оба не пресытимся.

Я скольжу по гостинной и становлюсь перед ней на колени, мои пальцы проходятся вдоль ее бедер, играя с подолом платья, медленно поднимая его вверх.

— Все кажется таким реальным, — говорит она, и ее голос срывается.

Она зарывается пальцами в плотную белую ткань, когда я наклоняюсь вперед, глазами сканируя ее тело.

Я оставляю открытым ртом поцелуй на внутренней стороне ее колена и направляюсь вверх, приближаясь к ее клитору. Катя была такой хорошей девочкой. Она заслужила это.

— Все по-настоящему, котенок.

— Я боюсь, ... что это будет для меня чем-то большим, чем просто... больше, чем просто Хозяин.

Мои руки все еще находятся на ее бедрах, кончики пальцев едва касаются ее нежной кожи, и на мгновение я замолкаю.

— Я боюсь, что влюбляюсь в тебя, — признается она.

Я уже почувствовал, что она была равнодушна ко мне, но ее признание все ухудшает.

Я целую ее чуть ниже подола, а затем поднимаю ее платье еще выше, сдвигая ее задницу к краю ближе ко мне.

Оставаясь спокойным снаружи, мое сердце учащает пульс.

Я не могу дать ей больше. Но я слишком эгоистичен, чтобы отослать ее прямо сейчас. Я бросаю взгляд на браслет, который она по-прежнему носит. Она нуждается во мне до сих пор. Я не могу позволить ей уйти.

— Кому принадлежат твои заботы, котенок?

— Вам, Хозяин.

Я притягиваю ее кистку к своему лицу и неспешно и томно прохожусь по ней языком.

— А твое тело?

— Вам, Хозяин.

Я посасываю ее клитор, двигая ее руку к своему затылку, а потом и другую, давая понять, что она может коснуться меня, может вести меня.

Я слегка отстраняюсь, ее пальцы вцепляются в мои волосы.

— А твое удовольствие? Кому оно принадлежит? — спрашиваю я.

Я — эгоистичный мудака, позволяющий это. Но я пообещал себе, что как только она выздоровеет, я ее отпущу. Осталось только пятнадцать дней.

Я не нарушу обещания.

Я только излечу ее, а потом позволю уйти.

— Сегодня оно принадлежит тебе, котенок.

Я лижу ее один раз, а затем гляжу в ее красивые глаза, мутные от желания.

— Прими это от меня.

— Катя, как ты понимаешь, что означает быть Хозяином? — спрашиваю я ее, лежа в постели с ней.

— Это означает, что вы владеете кем-то. Умом, телом и душой. Они полностью принадлежат вам. И их рабы желают этого. Они единое целое с их Хозяином.

— Это все, котенок? — спрашиваю я ее.

— Не знаю, Хозяин, — отвечает она глухим голосом, изнемогая от долгой ночи.

Она очень близка к пониманию.

Глава 26

Катя

Я все еще лежу в постели, мои глаза широко открыты, и я смотрю в потолок. Так же как и последние несколько ночей. Кошмары не приходят, пока я сплю. Теперь они проносятся перед глазами, как только я ложусь.

Тихие звуки ночи превращаются в нечто другое. Щебетание сверчков трансформируются в капли воды из трубы в подzemелье. Она капала каждый чертов день, когда я находилась там. Кап, кап, кап. На мой взгляд, это стало моим гребаным наказанием. Отсутствие дневного света, отсутствие тишины.

Но звук, который я продолжаю слышать и слышать в моей голове, совсем другой. Звук, который заставляет меня бодрствовать и держит на краю — звук металла. Скребущей цепи по голому бетонному полу.

Цепь. Всегда цепь.

Они таскали меня за них, либо за одну — на лодыжке или за другую — на горле. Она перекрывала мне поток воздуха, а их не заботило, сломали ли они мне шею или сколько боли это вызывало у меня. Я еще ощущаю все это сейчас, цепь, впивавшуюся в мою нежную плоть, когда меня тащили по бетонному полу. Мои бедра шаркали по полу, пока меня волочили, вскрывая раны и вызывая неприятные ссадины, которые будут заживать в течение нескольких дней. Я научилась быть послушной благодаря этим цепям.

Цепь на лодыжке были еще хуже, чем на шее, потому что даже, когда она отсутствовали на ноге, я была порабощена ей. И звук царапания цепи следовал за мной повсюду. Боль в

лодыжке из-за кандалов была постоянной в течение четырех лет, которые я провела там.

Я сижу со сжатыми руками, гнев поглощает меня в моей полутемной спальне, пот покрывает мой лоб. Поток лунного света проникает через окно, делая все легко узнаваемым. В этот момент все кажется таким простым, чтобы увидеть.

Я срываю одеяло, чтобы посмотреть на свою щиколотку. Мое сердце пропускает удар. Браслет поблескивает в лунном свете, словно насмехаясь надо мной. Ярость наполняет меня. Я ненавижу его. Я в бешенстве от того, что эти ублюдки сделали со мной. Я никогда не смогу снять браслет. Никогда. Слезы подступают к глазам, но я отказываюсь позволить им пролиться. Вместо этого я вглядываюсь своим размытым зрением в красивый браслет. Я до сих пор нахожусь в темнице под его контролем. Эта мысль посылает озноб по моему телу. Он не владеет мной.

Он никогда не владел мной. Никогда!

Я сжимаю зубы, когда пламенная ярость поднимается из моего желудка, подстегивая меня сорвать с ноги браслет. Я почти кричу от разочарования, когда мои ногти впиваются в нежную кожу в попытке избавиться от этой чертовой штуки.

Снять его!

Небольшие порезы — ничто, они не могут оставить шрамы хуже, чем у меня уже есть.

Благодаря ему.

Из-за этого! Я пулей вылетаю с кровати, держа браслет в руках, гляжу на него, как будто это он сам. Искры кристаллов сродни его сверкающей улыбке.

Всегда улыбающийся. Я делала его таким счастливым. Болезненное чувство поднимается в желудке. Я слышу его смех, ощущаю его дыхание. Даже той ночью, когда я убила его, перед тем моментом, когда я нанесла ему удар, вонзая осколок стекла глубоко в горло снова и снова, даже тогда он улыбался.

Я бросаюсь к тумбочке и мягко кладу его на нее, очень мягко, хотя мои руки дрожат. Я быстро хватаю лампу, находящуюся рядом. Она очень красивая, с кристаллическим основанием, но при этом крепкая. И тяжелая.

Крича от ярости, я бью основанием лампы по нему снова и снова, пока браслет не разбивается на красивые куски драгоценностей.

Но этого не достаточно. Я бросаю лампу вниз и хватаю браслет, вбивая его в тумбочку, пока он находится в моем кулаке. Он должен быть уничтожен. Это все, что я знаю. Мне необходимо от него избавиться.

— Пошел ты, пошел ты, пошел ты! — кричу я, ударяя изо всех сил металлом об стену. Я чувствую, что-то мокрое и теплое стекает по ладони и руке, а затем капает на пол. Холодок пробегает по мне, когда я понимаю, что это моя собственная кровь. Я порвала кожу, находясь в состоянии ярости, но мне плевать. Я хочу быть свободной. Свободной от этого. Свободной от них.

— Ты ни черта не владеешь мной! — кричу я в потолок, мое горло сухое и болезненно першит, я знаю, что потом оно будет болеть. Тут же швыряю скрученный и искалеченный браслет снова в стену, слезы льются потоком из моих глаз по лицу. По всей стене заметы вмятины от ударов, и в нескольких местах причудливо откололась краска. Но меня это не волнует.

— Ты никогда не был моим Хозяином! — кричу я с бешеной яростью, бросаю браслет через комнату, где он попадает в стену, оставляя на ней зазубренную отметину, прежде чем

упасть на пол с громким звоном. Я смотрю на него, мое дыхание прерывистое, а плечи вздымаются.

Это только браслет для щиколотки, только кусок драгоценности, но он имел так много власти надо мной, власть, которую я не отдавала добровольно. Власть, которую я забираю.

Усталость наваливается на мое тело, когда я понимаю, что мне это чертовски не нужно. Я не хочу ничего такого. Может быть, ночные кошмары придут, а, возможно, и нет. Но я не дам этому поддонку никакой власти надо мной.

Никогда.

Я резко прихожу в себя, слыша скрип открываемой двери и щелчок выключателя. Свет слепит мне глаза, хотя я и так едва могу видеть сквозь слезы. Я даже не заметила, что плакала. Я вытираю слезы, и вдруг чувствую, что не могу дышать. Я смотрю на свою руку, видя, что она дрожит. Я закрываю глаза и стараюсь успокоиться, адреналин пульсирует в моих венах и его слишком много.

— Катя? — глубокий голос Айзека полон беспокойства, но я едва замечаю его.

Это так мучительно.

— Прости, — каркаю я, мой голос настолько хриплый и искаженный, что даже не похож на человеческий.

Я слышу звук тяжелых шагов, и неожиданно чувствую, что меня поднимают и нежно кладут на кровать. Я смотрю сквозь слезы и вижу, как глаза на прекрасном лице Айзека смотрит на меня неодобрительно. Его зеленые глаза медленно проходятся вниз к моим окровавленным рукам, и в них вспыхивает гнев.

— Айзек, — я издаю непонятный звук, качая головой.

Я не могу видеть его осуждение. Только не это. Пожалуйста. Прошу, не надо.

Он садится на кровать рядом со мной. Постель издает стон под его весом, когда он склоняется и убирает волосы с моего лица.

— Шшш, котенок, — тихо говорит он мне, пока я продолжаю плакать. — Мне нужно, чтобы ты успокоилась сейчас, чтобы я мог очистить тебя. Затем ты сможешь рассказать мне, что случилось.

Звук его глубокого голоса успокаивает, и я немного расслабляюсь, прижимая ладони к моим горячим, покрасневшимся глазам, чтобы прекратить плакать. Я не хочу ничего чувствовать по отношению к своему прошлому. Айзек смотрит на меня мгновение, прежде чем покинуть меня на пару минут, чтобы что-то достать из шкафчика в ванной. Я слышу, как открывается дверь, и он что-то ищет, в то время как мое сердце болит. Это хуже, чем пульсирующая боль в руках. Он сходил за чем-то, чтобы почистить мне руки. Они чертовски горят, и я закипаю от боли, но он быстро очищает мои раны и забинтовывает. Мы не произносим ни звука.

Я боюсь сказать ему, не знаю, поймет ли он меня полностью. Но если кто и сможет понять, то это он.

— Итак, что случилось? — спрашивает он, когда заканчивает, кладя испачканные тряпки на тумбочку.

Когда я смотрю в его зеленые глаза, то неожиданно понимаю, что сделала. Я позволила своим эмоциям одолеть себя, и, действуя таким образом, могла рассердить его. Глядя на разбитые стены, я чувствую, что проявила неуважение к его дому. Стыдно. Я пытаюсь быстро подняться с кровати и падаю на колени у его ног, но он хватает меня за талию и

останавливает, тянет обратно на постель.

— Пожалуйста, Хозяин, не расстраивайтесь из-за меня, — плачу я, дрожа.

Мое сердце разрывается. Я хочу спрятаться. Не хочу, чтобы он видел, что я натворила. Не хочу признаваться в таком.

— Шшш. Довольно, — тихо произносит Айзек, притягивая меня к себе, обнимая и нежно покачивая меня взад-вперед.

Окутанная его теплом, я чувствую себя в безопасности в его объятиях. Мне жаль, что я не могу остаться здесь навсегда.

— Я бы никогда не смог сердиться на тебя из-за твоей боли.

Он снова убирает волосы с моего лица и кладет руку на мою щеку, заставляя меня посмотреть на него. Его рука ощущается такой холодной на моей горячей коже.

— Тебе только нужно рассказать мне, чем это вызвано.

Айзек вглядывается в меня, взгляд его великолепных зеленых глаз мягкий и заботливый. В них нет никакого осуждения. Я благодарна, так как думала, он будет сердиться на меня.

Я слегка качаю головой, пытаюсь проглотить комок в горле.

— Мне это больше не нужно, — говорю я, и мне даже больно произнести эти несколько слов.

— Я вижу, — говорит он с иронией в голосе, прежде чем обхватить мой подбородок большим и указательным пальцем. — Скажи мне, чем это вызвано.

Я делаю долгий и рваный вздох.

— Я не знаю, чем. Я просто знаю, что он мне больше не нужен, и не хочу больше никаких напоминаний.

Я тяжело сглатываю, закрывая глаза и не зная, как объяснить, и даже не желая больше ничего объяснять.

Видя мое опустошенное выражение лица, Айзек нежно приглаживает мои растрепавшиеся волосы на моем лице и придвигается ближе, целуя меня в щеку, в губы, а затем поцелуями стирает мои слезы своими полными губами.

— Мне нужно сказать тебе кое-что, и думаю, что тебе нужно узнать это именно сейчас.

Я вглядываюсь в его пронзительный взгляд, мое сердце отказывается биться. Он серьезен, и выражение его лица дает мне понять, что, на самом деле, ему не хочется говорить.

— Они мертвы, — сообщает Айзек.

Он произносит слова четко и в его речи чувствуется какая-то завершенность. Это констатация факта

— Остальные в картеле Карвера Дарио. Они все мертвы.

У меня от шока скручивает желудок, перехватывает дыхание. Я действительно правильно его поняла? Я не смогла бы. Но я смотрю в его глаза, и мою кожу покалывает от того, какую безжалостность я вижу в них.

— Мертвы? — шепчу я.

Айзек нежно гладит меня по щеке, его заботливые действия расходятся с тем, что он говорит мне.

— Я провел небольшое расследование. Мне нужно было знать.

— Они действительно мертвы?

Слова, кажется, медленно доходят до меня, теплота от удовлетворения окружает меня, а

затем проникает и пульсирует во мне, придавая мне ощущение силы, которую я никогда не чувствовала раньше.

— Если бы я мог, я бы убил их сам.

Он охватывает мой подбородок и заставляет посмотреть в его великолепные глаза.

— Я хотел. Я желал заставить их страдать. Но мне нельзя. И мне так жаль, что я не могу дать тебе это.

Мое сердце бьется быстрее, и я чувствую сильную тягу к Айзеку, прочную связь, образующуюся и притягивающую меня ближе к нему.

— Они никогда не навредят тебе. Ты в безопасности. Навсегда. Понимаешь?

Я киваю головой, ища в его зеленых глазах то же, что чувствую я сама.

— Да, Хозяин, — шепчу я.

Глава 27

Айзек

— Я хочу, чтобы ты выбрала один, когда будешь готова надеть его.

Осталось всего пять дней до окончания нашего договора. Даже если она будет носить его в течение одного дня, я буду удовлетворен. Я еще не решил, как сказать ей, что мы не можем продолжать все это...после того, как договор окончится. Ее раны, полученные несколько дней назад, еще не зажили. Я не оставлю ее одну, пока она исцеляется, но продолжать что-то дольше, было бы несправедливо с моей стороны.

Я знаю, что мне нужно сказать ей, но не сейчас. Я не готов попроситься.

— Теперь я готова, Хозяин.

Ее мягкий голос и признание шокирует меня. Легкость ее тона, и то, как она смотрит на ряд купленных мной для нее ошейников, как на награду, и то, как она выбирает лучший — это не то, что я ожидал. Хотя это должно меня успокоить. Мне следует быть счастливым, но это не так. Это означает только то, что она продвинулась куда дальше, чем думала.

Я знаю, что мне нужно отослать ее прочь.

Однако я не хочу. И у нас контракт. Мне, в конце концов, нужно двести все до конца.

Но как только все закончится, мне больше нечего предложить ей. Я ничего не могу сделать для нее в том направлении, что ей нужно. Я могу направить ее, но она только больше привяжется. Это слишком эгоистично.

Она поджимает губы, беря один из пяти ошейников. Звенит браслет на запястье от Pandora, который я подарил ей на Новый год, когда она поднимает ошейник и прикладывает его к горлу.

Он самый тонкий из всех, выполненный из розового золота, и представляет собой две тонкие полоски металла, пересекающиеся в центре. Он будет великолепно смотреться на ней, как, впрочем, и все остальные.

По правде говоря, мне бы хотелось, чтобы она пожелала их все. Я хочу, чтобы ошейник находился постоянно на ее шее. Даже, когда она выходит из дома и находится рядом с людьми, которые не в курсе этого образа жизни. Вот почему четыре из них напоминают ювелирные изделия.

Пятый ошейник — традиционный, но кожа на нем нежно-розового цвета лепестков роз.

— Мне действительно нравится этот, — говорит Катя, когда поворачивается и демонстрирует мне ошейник. Она догадывается, что надеть его на нее должен я. Мои цепи должны быть размещены на ней по-моему, и сняты только мной.

— Хозяин? — негромко спрашивает Катя, пока я застегиваю ошейник на ее шею. — Могу ли я также носить цепочку?

— Конечно, — я рассеянно касаюсь тонкой цепочки, в очередной раз удовлетворен моими правами на нее. — Я жду.

Пока она играет со своим ошейником перед зеркалом, я вспоминаю прошлую ночь. Она попросила меня спать с ней, и когда я задал ей вопрос, было ли это связано с ее потерянными браслетом на щиколотке, она ответила, что нет. Она не просила утяжеленное одеяло, и последние три ночи спала, не просыпаясь.

Она хотела быть доступной для моих потребностей. И она призналась, что ей доставляет удовольствие, когда я держу ее спящую в своих объятиях.

Я также наслаждаюсь этим.

Я почти сказал «да», просто потому, что хотел чувствовать ее мягкое тело рядом со своим, пока мы спали. Я хотел находиться там на случай, если у нее будет еще один ночной кошмар. Но в ее глазах было кое-что еще, что заставило меня оттолкнуть ее.

Для нее все изменилось, я знаю, что изменилось. Когда она прикасается ко мне, целует меня, даже то, как она разговаривает со мной.

Катя чувствует себя непринужденно и доверяет мне. Она отдала мне контроль над всем. Полностью.

— Как ты думаешь, я хороший Хозяин? — спрашиваю я Катю, мои пальцы дразнят ее внизу, прежде чем прижать ее спину к моей груди и положить подбородок на ее плечо. Ее бледно-голубые глаза находят мои в зеркале.

— Хороший. Я очень благодарна вам, — говорит она нежно, слегка поворачивая голову, чтобы потереться своей щекой об мою.

Я закрываю глаза, наслаждаясь ее теплом, ее искренностью, но празднование Нового года продолжает проигрывать в моей голове.

Когда она сказала мне, что боится. Катя имеет полное право бояться. Ее жизнь и ее цели не совпали с моими. Она знает это, но продолжает верить в меня, и наши долбанные отношения будут продолжаться так долго, как я позволю.

У меня осталось пять дней.

Я целую ее нежно в губы, ненавидя, как сильно я люблю нежность ее прикосновений и мягкие звуки ее вздохов.

Я не хочу прощаться с ней, но должен.

Я буду выполнять контракт в течение следующих нескольких дней, только потому, что я эгоист. Но я буду держать дистанцию. Я все упрощу для нее, как смогу. Я не хочу причинить ей боль, но я должен отпустить ее.

— Катя, что означает быть Хозяином?

— Это означает любить кого-то настолько сильно, что твоя жизнь вращается вокруг них. Что каждое действие производится с учетом их благополучия. Их счастье становится твоим. Их удовольствие — твое. Их жизнь — твоя. И, наоборот.

Любовь? Мне жаль, что я не могу сказать ей, что она ошибается. Но она не ошибается.

— Мое счастье — твое? — спрашиваю я ее.

Она смотрит мне в глаза и отвечает уверенно:

— Да, Хозяин.

Глава 28

Катя

Я присаживаюсь на корточки у стола Айзека, наблюдая за его работой на его ноутбуке. Я чувствую тепло его ноги и хочу прислониться к нему, но не делаю этого. Нахмутив брови, он печатает что-то важное, не обращая на меня ни малейшего внимания. Тем не менее, он все, о чем я могу думать. Я беспокоилась о нем. О нас.

В последнее время он был сам не свой, его слова и поступки слишком отдаленные, его глаза наполнены болью, как будто он что-то теряет. Я хочу помочь ему с тем, что беспокоит его. Как он помог мне. Но когда я пытаюсь заставить его открыться, он закрывается от меня. Всплеск эмоций грозит задушить меня, но я отталкиваю их. Ненавижу это.

Я изучаю его профиль, его точеный подборок и отросшую щетину, слушая шелкающие звуки клавиатуры, по которой бегают его пальцы. Я не знаю, что происходит, но что-то не так. Что-то изменилось. Я чувствую, словно он стал менее привязан ко мне.

Может, это из-за ошейника, — спрашиваю я себя, бессознательно поднося руки к шее, чтобы дотронуться до него. Мне нравится ошейник и это заявление прав на меня. Но с тех пор, как я надела его на себя, кажется, будто между нами выросла стена. *Меня это бесит. Я хочу вернуться к тому, что у нас было. Я желаю пережить все, что его беспокоит.* Мы можем пройти через это вместе. Все, что он должен сделать, это просто позволить помочь.

Я думаю, он специально дистанцируется от меня. Он знает, что наш контракт скоро закончится. Я постоянно напоминаю себе, что наши дни сочтены, и договор заканчивается. Но я не хочу, чтобы все закончилось. Если бы он хотел удержать меня, то я бы с удовольствием осталась. Мне плевать на деньги. Меня волнует все, что он сделал для меня. Я никогда бы не обрела эту внутреннюю силу без него. Я знаю, что не смогла. Я снова чувствую себя целостной. Я даже ощущаю себя неприкасаемой.

Я не хочу покидать его. Не могу произнести это вслух, возможно, не хочу признавать этого. Но я люблю его. Мне плевать, правильно это или нет. Мне необходимо дать ему повод удержать меня.

— Хозяин? — спрашиваю я.

Айзек перестает печатать, глядя на меня сверху вниз. Мое сердце замирает, кожу покалывает под взглядом этих зеленых глаз. Но не из-за интенсивности, которая была раньше. Он не смотрит на меня так больше. Его глаза полны печали.

— Да?

Разочарование накрывает меня из-за того, что он не использует мое имя питомца. Еще один признак того, что что-то не так. Но, возможно, я параноик и слишком мнительная. Хотя что-то подсказывает мне, что это не так.

— Что я могу сделать, чтобы порадовать вас? — спрашиваю я, сглатывая комок в горле, ненавидя стеснения в своей груди.

Айзек смотрит на меня, и я прикусываю щеку изнутри, все более ощущая, как будто что-то не так. Это так.

— Ты уже делаешь это, — отвечает он, нежно поглаживая мои волосы.

Обычно я бы чувствовала себя уверенно, но его слова делают меня более беспокойной. В них нет ни силы, ни страсти. Даже его ласки слабы.

Я облизываю губы, не желая напрямую обвинить его во лжи, но я знаю, так не должно

продолжаться.

— Но я не чувствую, будто прямо сейчас радую вас. Я ощущаю, что ... мне нужно делать больше, чтобы удовлетворить вас.

Айзек хмурится, его рука падает с моей головы и безжизненно повисает сбоку кресла.

— Тебе нет необходимости делать больше.

Его слова говорят одно, но я чувствую что-то еще совсем другое. Ощущается так, словно ледяное копьё медленно пронзает мое сердце.

— Я не могу принять, что вы дарите мне столько удовольствия, в то время как я не даю ничего взамен.

Я знаю, что тебе больно. Я вижу это каждый день.

Айзек бросает на меня взгляд, который заставляет меня напрячься. Его глаза сужены, как будто подзадоривая продолжать ход моих мыслей. Но, по крайней мере, в них есть страсть.

— Почему ты думаешь, ты не даешь мне ничего? Ты даешь мне так много, Катя.

— Я хочу сделать вас счастливым, — говорю я заплетающимся языком.

Я смотрю ему прямо в глаза, пока произношу:

— А вы не счастливы..., — бросаю ему вызов, доказывая обратное. Бросая ему вызов в том, что он *лжет* мне.

Айзек долго не отвечает, его изумрудные глаза изучают мое огорченное лицо.

— Ты беспокоишься обо мне? — спрашивает он, наконец.

Я киваю головой.

— Да.

Я более чем обеспокоена. Я думаю, ты хочешь избавиться от меня, как только контракт закончится. Ты не хочешь иметь дело с тем, что причиняет тебе боль. Просто мысли об этом заставляют слезы подступить к глазам. Я отчаянно надеюсь, что ошибаюсь и просто все выдумываю. Но знаю, что это не так.

— Тогда это моя вина, — у меня перехватывает дыхание от боли, отражающейся в его глазах. — Мне жаль, что я подвел тебя в этом отношении, Катя.

Боже, нет. Мое сердце выскакивает из груди, дыхание прерывается, когда я кричу:

— Нет, Хозяин. Вы не подвели меня ни в чем.

Я пытаюсь сохранить спокойствие. Мы можем разобраться с этим. Я могу помочь ему. Пожалуйста, просто дай мне хоть что-нибудь.

— Подвел, — его голос лишен эмоций, как будто он не видит, что я разваливаюсь перед ним. Боже, он меня убивает! — Твои заботы — мои, а не наоборот.

Я дрожу у его ног и стараюсь не сломаться окончательно, надеясь, что это только дурной сон. Это не по-настоящему.

— Иди в свою комнату, — приказывает он холодно, не показывая, что замечает мои страдания.

Я смотрю на него, видя боль в его глазах и чувствуя пренебрежение. Твою мать, он не может нанести мне удар подобным образом. Он не должен этого делать.

— Нет, — говорю я бунтующее. — Я никуда не пойду.

Он тянется вниз, сжимая мой подбородок.

— Иди, — рычит он прямо мне в лицо, его горячее дыхание посылает озноб по моей шее и плечам. — Сейчас же.

Его голос звучит угрожающе, но меня это не волнует.

Я пытаюсь покачать головой, но не могу. Он крепко удерживает мою голову на месте.

— Нет, — повторяю я, затаив дыхание, мое сердце отчаянно бьется. — Я не хочу покидать тебя. Я чувствую, что ты не хочешь меня больше.

Больно произносить эти слова и признавать правду.

Во-первых, вспышка боли проскальзывает в его глазах, но затем гнев пересекает красивое лицо Айзека. Он отпускает мой подбородок и поднимает на ноги, увлекая меня за собой.

— Это то, чего ты хочешь? — рычит он, хватая меня за бедра и притягивая к своему твердому телу. Он захватывает мои руки и сводит их за моей спиной, его мощный захват посылает искры желания по моему телу. Я только хочу эту страсть. Всегда.

— Да, — шепчу я. — Возьми меня. Используй меня. Делай, что хочешь со мной.

Я просто хочу помочь тебе.

Айзек смотрит на меня долгим взглядом, его грудь вздымается, а затем, не сказав ни слова, он вытаскивает меня из комнаты, таща дальше по длинному коридору. Я не сопротивляюсь, пока он тянет меня весь путь к моей комнате, открывает дверь и швыряет меня в комнату.

— Пожалуйста, останься! — кричу я умоляюще, с трудом поднимаясь на ноги и бросаясь к двери. — Поговори со мной, Айзек! Что я сделала не так?

Позволь мне все исправить.

— Нет, Катя. Ты не сделала ничего не правильного.

Его голос звучит жестко, но, по крайней мере, он разговаривает со мной.

— Просто скажи мне, скажи, что случилось! Я хочу все исправить. Я хочу, чтобы ты вернулся!

Он смотрит на меня с выражением уязвимости, желания и необузданности. Он нуждается во мне. Он крепко сжимает дверь, и я клянусь, так сложно будет переломить это.

Айзек, пожалуйста, просто поговори со мной.

— Стой, — командует он.

Прежде чем я успеваю добраться до двери, он захлопывает ее с огромной силой.

Я стою там, глядя на дверь, через меня проходят разнообразные сильные эмоции. Боль. Печаль. Ярость. Я чувствую себя настолько беспомощной, настолько потерянной. Я не знаю, что здесь происходит, но что-то мне подсказывает, что это может быть концом.

Я подношу свои руки к моему ошейнику, желая снять и швырнуть его в ярости о стену. Если он собирается порвать со мной в конце нашего контракта, зачем тянуть-то? Осталось всего несколько дней. Я должна покончить с этим сейчас. Я помещаю мой палец на защелку, мое сердце вырывается из груди, пока слезы текут по моему лицу. Но я не могу заставить себя сделать это.

Я не знаю, что он чувствует или переживает сейчас, но я знаю одно точно.

Я хочу принадлежать ему.

Глава 29

Айзек

Она думает, что мне больно.

Я — тот, кто нуждается в помощи?

Она ошибается.

Я расхаживаю по кабинету, прокручивая в голове ее слова снова и снова. Ярость

закипает во мне. Я не сломлен и не страдаю. Я знаю, что у меня имеются шрамы прошлого. Но со мной, черт побери, все в порядке.

Я делаю рваный вдох и пытаюсь сохранять спокойствие. Ей не следует пытаться *исправить* меня. Или исцелить.

Это не ее задача.

И не моя, чтобы требовать это от нее.

Я знал, что мне следует отослать ее.

Эгоист! Я повел себя эгоистично, и теперь плачу за это.

Она тоже расплывается.

Я пробегаюсь рукой по лицу, сжимая челюсть и пытаюсь успокоиться, на место гнева приходит печаль. Я прерывисто дышу, и мое тело еще дрожит, когда погружаюсь в кожаное кресло около своего стола.

Я не заслуживаю ее. Совсем.

Она не должна была переносить на себя мою боль. Это не ее бремя. Я не могу просить жить ее с таким человеком, как я.

Я наклоняюсь вперед, потирая лоб рукой и закрывая плотно глаза, желая отринуть все это, но не могу.

Она должна уйти. Сейчас же.

Я уже размышлял над причинами, которые позволили бы мне удержать ее.

Осталось два дня до окончания контракта, но я не могу продолжать. Моя Катя полна счастья, в ней сохранилась чистота, которую я запятнаю. Я не могу так поступить с ней.

И не буду.

Я поднимаюсь из-за стола, чувствуя прилив осуждения и ненависти к себе. Мне противно то, кем я являюсь. Меня раздражает, что я способен только разрушать, наносить рубцы и причинять боль.

Чувствую, как ярость возвращается ко мне. Я смахиваю все со стола и одновременно кричу. Когда скидываю все на пол, бумаги порхают в воздухе, как будто дразня меня.

Ей нужно уйти. Она должна уйти сейчас же.

Я не могу допустить, чтобы она находилась здесь. Я причину ей боль. Знаю, что причину.

— Катя! — выкрикиваю я громко ее имя так, что даже начинает першить в горле. — Катя! — кричу я еще громче, и гневные интонации очевидны в моем тоне.

Я никогда не звал ее так. Я смотрю на открытую дверь, и когда Катя мгновенно не появляется, я иду прямо по бумагам и папкам, разбросанным по полу, берусь за ручку двери, резко распахиваю ее так, что она ударяется об стену, и с яростью несусь к ней в комнату.

Так не похоже на нее не приходиться, когда я ее зову.

Это все мой гнев, — киваю я головой при этой мысли, когда приближаюсь к ее двери.

На мгновение мне в голову приходит мысль, что, может, она уже ушла.

Возможно, я напугал ее. Она поняла, что ей нужно оставить такого монстра, как я.

Мое сердце перестает биться в груди, и я чуть ли не падаю, приваливаясь к стене.

Нет.

Я делаю вдох, разрываюсь между болью, возникшей только от одной мысли об этом, и необходимостью сохранить ее.

Меня разрывает на части, и я не знаю, какая сторона победит. Я хочу удержать ее навечно. Я больше не хочу отрицать чувства, которые испытываю к ней. Но я также хочу

удержать ее прекрасный свет от моей тьмы.

Мне необходимо отпустить ее.

Я делаю несколько последних шагов с закрытыми глазами и медленно открываю их, когда вхожу в ее комнату, частично ожидая найти ее пустой, но Катя находится там.

Стоя на коленях на полу.

Она обнажена, и на ней только мои цепи, и даже с ореолом печали вокруг нее, даже с намеком гнева она идеальна в своем подчинении.

— Одевайся, Катя, — мне удастся сказать с легкостью.

Мне нужно, чтобы она ушла. Сейчас. Прежде чем я потеряю свою решимость.

Когда она встает, я ловлю вспышку гнева в ее глазах. Взгляд, граничащий с неуважением и просящий меня взять ее. Я хочу подтолкнуть ее на кровать и наказать.

Но не могу. В этот момент у меня хватает сил отослать ее, и мне нужно сделать это сейчас, прежде чем я растеряю их. Я смотрю, как она открывает ящик комода, звук его открытия — единственный шум в комнате. Я нахожусь на краю и держусь на волоске, чтобы не сорваться, пока она одевается, ее глаза наполнены слезами. Но она не перечит мне. Катя хватается за джинсы, и я сжимаю рукой дверь, закрыв глаза. Ненавижу, что мне приходится делать это. Ненавижу себя и то, что я не достаточно хорош, чтобы удержать ее.

— Хозяин? — спрашивает она меня.

Мое сердце разбивается на множество осколков, слыша, как она называет меня.

В последний раз.

— Да? — отвечаю я, пока она открывает ящик и надевает одежду, которую принесла с собой сюда. Простые джинсы и майку.

— Зачем вы это делаете? — спрашивает она, и в голосе проскальзывает злость, заменяющая нечто еще похуже.

Печаль. Она натягивает свитер поверх топа, не глядя мне в глаза.

— Простите, Хозяин.

Больно видеть ее такой. Но это для ее же блага.

Я игнорирую ее вопрос. Я игнорирую ее извинение.

— Ты можешь идти сейчас. Я отправлю вещи тебе завтра.

Катя делает шаг назад, смотрит на меня, как будто я собираюсь причинить ей боль.

— Ты можешь идти.

— Я не хочу уходить, — говорит она, качая головой, глаза широко распахнуты.

— Ты должна.

— Не делайте этого, — ее голос слаб, она умоляет меня, и я так сильно желаю подчиниться ее желаниям.

— Я не то, что тебе нужно, — наконец, признаюсь я ей.

— Вы —

— Я — убийца! — кричу я, прерывая ее.

Она съеживается от такого резкого тона.

Я, в конце концов, произнес это. Сказал ей.

— Я и раньше убивал людей, Катя. Я не хороший человек.

Она смотрит на меня с холодом в глазах, которого я никогда не видел.

— Я тоже.

— Тебе нужно большее, чем я могу тебе дать.

— Я хочу тебя! Я сама могу решить за себя.

Она на взводе и сердится, но в большей степени расстроена. Я не думаю, что кто-то из нас ясно мыслит, но это должно произойти сейчас, прежде чем все зайдет слишком далеко.

— Я твой Хозяин! Ты будешь слушаться меня!

— Тебе нужно отправиться домой, Катя, — говорю я ей с каменным лицом, отказываясь признавать боль, раздирающую меня изнутри.

Я даю ей ключи от своей машины. Она может забрать ее. Черт, она может забрать все, если захочет. Но ей нужно уйти прежде, чем я схвачу и удержу ее навсегда.

— Нет! — кричит она мне, но я не могу принять этот ответ.

Я хватаю ее за талию, притягиваю ее тело близко к своему, поднимаю ее с пола и несусь к лестничному пролету.

— Остановись! — кричит она на меня. — Айзек, нет!

Ее тело содрогается, она всхлипывает, и я сейчас более, чем когда-либо ненавижу себя за причиненную ей боль. Но я должен. Мне следует спасти ее. Я не могу позволить ей остаться со мной и разрушить ее красоту. Ее силу. Мне необходимо, чтобы она покинула меня.

— Ты должна уйти, — я стараюсь произнести как можно категоричнее, но мой голос срывается.

— Мне нужно, чтобы ты знал, насколько ты владеешь мной, — кричит она мне, ее голос так громок, что режет слух, но мне плевать. Я тащу ее к двери. Она ударяет меня, оттягивая назад свой кулачок, и снова бьет им по моей грудной клетке. Я чувствую рывок и слышу какой-то щелчок, но не пойму что это такое. Мои глаза взлетают к ее браслету, но он по-прежнему на месте.

— Ты не можешь выставить меня, — говорит она, безуспешно вырываясь, когда мы достигаем фойе.

— Я не позволю тебе, — ее голосу не хватает убедительности и силы.

Слезы текут по ее лицу и падают на мое плечо, разрывая мое сердце от ее боли.

Уже лучше. Лучшее решение. Наконец, я опускаю ее вниз, и она спотыкается, пока прилагает огромные усилия, пытаясь обрести равновесие. Я открываю дверь.

— Уезжай, — говорю я ей, стараясь избавиться от всех эмоций в моем голосе.

— Я люблю тебя, Айзек, — ее голос прерывается от эмоций.

Эти слова из ее уст почти заставляют меня упасть на колени.

Вымолить у нее прощение.

Умолять ее не бросать меня.

Я стою молча, не двигаюсь, не отвечаю.

— Пожалуйста, — говорит она, ее голос дрожит, — пожалуйста, Хозяин.

— Уходи, Катя, — слова вынужденно слетают с моих уст.

Я буду только ее Хозяином. Это все, что я могу обещать ей. Она нуждается в большем. Это единственный способ, каким я могу дать ей больше.

Ее прекрасные губы раскрываются, и вспышка раздражения покидает ее. Боль все еще осталась, но появляется намек на гнев. Удержи этот гнев, мой котенок, так будет легче.

Ей нужно время прийти в себя. Хватаю ключи и выхожу из двери, но прежде чем она уходит навсегда, Катя поворачивается ко мне.

— Я не останусь с человеком, который не хочет меня, — говорит она тихим голосом, полным боли.

Ее широко раскрытые глаза умоляют меня, прося сказать ей все, что я эгоистично хочу

высказать.

— Ты не хочешь меня? — спрашивает она с разрушающимся на глазах самообладанием, слезы катятся по ее лицу.

Я так сильно хочу заключить ее в свои объятия и впиться своими губами в ее, чтобы осушить слезы и удержать ее.

Но я не могу так поступить с ней.

Нет, если я действительно люблю ее.

Люблю. Я твердо знаю, что конкретно я делаю.

— Нет, — в конце концов, произношу я.

Это слово сложно вытолкнуть из себя, но после того, как оно срывается с моих губ, дело сделано. Катя разворачивается, резко втягивает воздух и направляется прямо к машине. Она не оборачивается. Ни разу. Даже когда садится в машину, она отказывается смотреть на меня.

Мои ноги угрожают выдать меня, в то время как каждый миллиметр моего тела горит от необходимости бежать к ней, чтобы остановить.

Я смотрю, как она уходит от меня.

Я смотрю, как она покидает меня.

И я стою в дверном проеме, ожидая, что вот сейчас осознаю, я сделал то, что лучше для нее. И эта боль оправдана.

Но это слишком больно.

Как только я начинаю закрывать дверь, я вижу, что же сломалось раньше, когда я вел ее, сражающуюся со мной, сюда. Цепь. *Моя цепь*. Я закрываю дверь и нагибаюсь, чтобы поднять ее с пола. Тонкое серебро с алмазной резьбой переливается, когда я подбираю ее и сжимаю в кулаке.

Я сломал ее.

В тот момент, как мой большой палец проходит по цепочке, у меня перед глазами появляется образ ожерелья моей матери, когда она лежала на холодном, жестком полу кухни.

Почему она все еще лежит? Мое сердце бьется все быстрее и быстрее, но тело становится только холоднее, когда я медленно выхожу из коридора и подхожу к ней. Он ушел, монстр оставил ее после того, как я смотрел, что он проделывал с ней.

Я не знал. Как я мог знать, что на этот раз он убьет ее?

— Мама? — зову я ее шепотом, все еще боясь, что она побьет меня за вмешательство, как обычно она это делала.

Но ее глаза открыты. Они красные, но не так, как обычно. Не от наркотиков. Это кровь. Ее кровеносные сосуды полопались, и ее глаза такие красные.

— Мама? — говорю я громче, когда подхожу ближе к ней.

Ее грудь не двигается. Все также. Так тихо. Стоя рядом с ней на коленях, я смотрю на ее грудь, ожидая, что мама сделает вдох. Перед моими глазами все размыто. Почему я плачу?

Она не мертва. Она не может этого сделать. Я трясусь за плечи.

— Мама! — кричу я ей, и мое сердце начинает биться быстрее от страха из-за того, что она ударит меня за мой крик и из-за того, что она действительно мертва.

Я трясусь ее, но единственный звук издает ожерелье на ее шее, которое я купил ей на все

свои деньги. Она надела его сегодня. Она носит его в те дни, как я думаю, когда хочет показать мне, что она любит меня. Она надела его сегодня.

Я рыдаю, когда трясу ее за плечи сильнее, выкрикивая ее имя.

Ожерелье звенит и звенит, когда я тяну маму вверх, и я ломаю его. Случайно. Я просто хотел, чтобы она дышала.

Я не хотел.

Я не хотел всего этого.

Мне жаль, что я не могу вернуть его обратно.

Это моя вина.

Я держу сломанную цепочку у груди, прислонившись к двери.

Изо всех сил стараюсь дышать и справляясь с тем, что она покинула меня, хотя я так хотел ее.

Она не может находиться с таким монстром, как я. Мне только очень жаль, что я не смогу больше проводить время с ней.

Мне жаль, что я не был достаточно хорош для нее.

Глава 30

Катя

Мои плечи сотрясаются от рыданий, пока сижу за своим столом перед открытым ноутбуком. Боль невыносима, я вообще не могу спать. Не то, чтобы мне этого хотелось. Все, о чем я в состоянии думать, это о нем и о том, как он отослал меня. И насколько это чертовски больно.

Мне отчаянно нужно с кем-нибудь поговорить, с тем, кто понимает меня. Но Кирстен нет в сети. Я почти готова позвонить матери. Просто, чтобы услышать ее слова, что все будет хорошо. Но не могу. Пока нет. Я не хочу признавать, что такое может случиться с каждым. Я хочу, чтобы это был всего лишь кошмар.

Я снова смотрю на экран, ожидая, когда же Кирстен выйдет в сеть. Она всегда здесь в ночное время. Я знаю, что я была занята с Айзеком, но я внимательно следила за ее сообщениями. Я буду рядом с ней, и постараюсь сказать ей об этом. Всегда буду рядом. А сейчас я нуждаюсь в ней. Я чувствую себя такой эгоисткой. Но сейчас она действительно необходима мне.

Я еще пару часов жду, когда она появится, но ее так и нет. Я послала ей личные сообщение друг за другом, надеясь, что она получит уведомления на свой мобильный. Ничего. Я вытираю слезы, отчаянно пытаюсь взять под контроль свои эмоции. Я не знаю, что делать.

Я поджимаю колени к груди, мои ноги опираются на сиденье из микрофибры, прикусываю щеку изнутри с такой силой, что чуть не прокусываю кожу.

Ты можешь пережить это, — говорю я себе.

Я сильная женщина, прошла через ад туда и обратно, и посмотрите на меня — я выжила.

— Я выживу, — интонирую я, но голос срывается, и волна эмоций грозит довести меня до точки, и я прикрываю ладонью рот, чтобы сдержать вырывающиеся из меня рыдания.

Надо перестать плакать. Я не могу позволить ему сделать это со мной. Моя вина в том, что я надавила на него. Но я знала, что-то не так. Мне только жаль, что он не сказал мне, как

это исправить. Я бы исправила. Я бы сделала все от меня зависящее, чтобы исправить это.

Едва сдерживая слезы, я осматриваю дом, пытаюсь обрести комфорт от желтого цвета стен, моих украшений в виде животных, каждой маленькой безделушки, которая была поставлена здесь с определенной целью — создать счастливую, спокойную обстановку. Место, в котором чувствуешь себя в безопасности и уютно. Но сейчас это ничего не значит для меня. Я чувствую пустоту внутри себя.

Стук в дверь заставляет меня так резко поднять голову, что я чуть ли не получаю перелом шеи. Надежда начинает теплиться в моей груди. Айзек?

Стук. Стук.

Звук тихий, не такой, как у Айзека. Но я не могу избавиться от надежды. Я знаю, когда он говорил, что не хочет меня, он так не думал на самом деле... Я знаю, что он любит меня, даже если он не признается в этом.

Я быстро поднимаюсь со своего места, подхожу к двери, берусь за цепочку, которая скользит по желобу, а затем звянькает, когда я снимаю ее и открываю дверь, не глядя, кто находится за ней.

Стоя за дверью, Госпожа Линн выглядит чертовски шикарно. Она одета в бордово-красное платье с белым поясом на талии и соответствующие белые балетки, ее волосы собраны в великолепный гладкий конский хвост, макияж безупречен. Легкий землистый аромат щекочет мой нос, в то время как она нежно улыбается с легким состраданием на лице, что несколько успокаивает мое беспокойство. Она держит тонкий конверт в руке, но я больше беспокоюсь о том, как ужасно я выгляжу прямо сейчас с моими покрасневшими опухшими глазами и растрепанными волосами. Она должна думать, что я выгляжу абсолютно неопрятной. Я хочу спросить, для чего она здесь, но больше всего желаю броситься к ней в руки и впустить ее, чтобы довериться и рассказать, как я все испортила.

Она должна видеть, что я расстроена, как будто это и так неочевидно. Но я игнорирую ее взгляд сочувствия и позволяю войти, закрывая за собой дверь, когда она проходит в мою маленькую квартиру.

— Привет, Катя, — говорит Госпожа Линн, протягивая мне конверт. — Я пришла отдать тебе это.

Мгновение я смотрю на него, прежде чем принять.

— Что это?

— Айзек звонил мне и заявил, что контракт закончился раньше запланированного, но деньги тебе должны быть выплачены в полном объеме.

Гнев поднимается у меня в груди, и я возвращаю ей чек.

— Мне не надо, — говорю я сухо. — Он может оставить его себе.

Я только хочу его или вообще ничего. К черту деньги. Я скрещиваю руки на груди и отступаю. Я зла, но боль сильнее.

Госпожа Линн отказывается забрать конверт, убирая руки за спину и глядя на меня внимательно.

— Я вижу, что между вами не все хорошо. Я обычно не вмешиваюсь в дела клиентов, но если кто-то пострадал... ну, я должна знать. Можешь сказать мне, что случилось?

Мое сердце колотится, когда я думаю об ответе.

— Я-я-я думаю, что вынудила его.

Мое сердце сжимается. Если бы я просто молчала и вела себя..., но я подумала, что он

нуждался во мне, чтобы подтолкнуть его. Думала, что я ему необходима.

— Я просто хотела ... — у меня болит горло и мне трудно выразить, что я чувствую, трудно сформулировать мысль. — Он не позволил мне вмешаться, когда я хотела помочь ему, так же как он помог мне.

На лице Госпожи Линн написано сочувствие, когда она смотрит на меня.

— Это похоже на него, — она качает головой. — Я бы не стала принимать это слишком близко к сердцу. Я знаю Айзека в течение очень долгого времени, и из-за того, что случилось с ним, он не подпускает к себе много людей.

Но это совсем другое. Я не просто человек. Он заботился обо мне. Я знаю, что он позволил. То, что у нас было — реально.

Боль сжимает мое болезненное сердце так сильно, что почти заставляет меня расплакаться на глазах у Госпожи Линн, но я борюсь со слезами.

— Ты можешь найти кого-то еще? — предлагает Госпожа Линн мягко, на ее лице появляется надежда. — Ты не должна рассыпаться на части из-за одного человека, каким бы хорошим он не был с тобой.

Я втягиваю воздух, гнев сжимает мое горло. У меня никогда не было оснований злиться на Госпожу Линн, и я знаю, что она просто старается заставить меня увидеть другую точку зрения, но сама идея найти другого Хозяина ужасает. Для меня не может быть другого Хозяина. Только Айзек.

— У меня нет никакого желания обзаводиться новым Хозяином, — говорю я в полной уверенности. — Я хочу только Айзека.

Госпожа Линн качает головой, ее губы растягиваются в небольшую улыбку.

— И я также уверена, что он не хотел бы, что у тебя был другой Хозяин, — ее глаза сияют озорством. — Он пожалеет об этом. Очень скоро.

Я хочу, чтобы он об этом пожалел, но, больше всего, я хочу, чтобы он вернулся.

— Вы действительно так считаете? — спрашиваю я, стараюсь, чтобы мой голос не звучал слишком отчаянно.

Госпожа Линн кивает, хитрая улыбка играет на ее губах.

— Да. Я думаю, ему просто нужен толчок, чтобы понять, чего он действительно хочет, и как отчаянно он будет делать все для достижения счаст...

Я тяжело сглатываю, не зная, что и думать.

— Я не хочу другого Хозяина. Никогда. Если я не смогу заставить Айзека вернуться, ... если он не хочет меня, — мой голос затихает, и трудно предположить, что он действительно исходит из меня.

— Айзек поступает глупо, и он вернется к тебе обратно. Поверь мне, я знаю, когда человек влюблен.

Любовь. Мое сердце так чертовски сильно болит.

Я закрываю глаза, молясь о том, чтобы ее слова оказались правдой. Я не хочу надеяться, что это действительно может быть концом.

Как будто читая мои мысли, Госпожа Линн произносит:

— Это не конец, Катя. Просто дай ему толчок.

Я киваю головой, чувствуя, как будто у меня, по крайней мере, имеется план.

— Я дам.

Еще ничего не закончилось. Я не прекращу надеяться.

Глава 31

Айзек

Тихий гул автомобиля кажется громче, чем обычно, пока я еду темной ночью к Кате.

Прошло всего несколько часов, но я знаю, что совершил ужаснейшую ошибку. Я выбросил самое прекрасное и чистое существо, когда-либо освещавшее мою жизнь.

Не могу поверить, что я отпустил ее. Нет, я выкинул ее.

Черт!

Я сильнее вцепляюсь в руль.

Мне так чертовски больно. Я до сих пор помню ее взгляд.

Она сказала, что любит меня. Я знаю, что так оно и есть. Она любит.

Но теперь...

Если она не простит меня, я никогда не оправлюсь от этого. У меня был мой идеальный котенок. Такой великолепный, полный жизни, надежды и счастья. И исцеленный. Такой сильный во всех отношениях.

Я втягиваю воздух так сильно, что больно легким. Такое ощущение, что моя грудь разорвется.

Мой котенок. Моя Катя.

Я склоняю голову, опираясь ею на кулаки, пока сижу в ожидании зеленого света и борюсь с мучающими меня эмоциями.

Я не достоин ее, вот в чем проблема. Я — убийца. Я видел, как умирают люди. Хуже того, во мне есть тьма, которая поглотит ее прекрасный свет. Мне необходимо помнить об этом.

Но для нее я буду стараться. Я обещаю Богу, что попытаюсь стать лучше для нее.

Мне просто нужен шанс. Я хочу, чтобы она простила меня.

Мне нужно ее вернуть. Я эгоистичный человек, но мне необходимо, чтобы она возвратилась в мою жизнь.

Для меня это такой отчаянный поступок. Поехать и вернуть ее обратно. Но если она позволит мне, я никогда не отпущу ее.

В машине раздается сигнал телефона, и на мгновение я думаю, что это она. Мой котенок.

Я сворачиваю к обочине, почти на мгновение теряя контроль. Черт! Я теряю его!

Потому что я потерял ее.

Я чуть не выбрасываю чертов телефон из окна, когда вижу, что звонит Госпожа Линн. Не знаю, какого черта ей надо, но у меня нет времени. Я почти готов швырнуть его на пол, но не могу. Уже поздно. Так чертовски поздно, но если она звонит в такой час, то, значит, имеется серьезная причина.

— Твою мать, — проклиная я свое дыхание и без гнева пытаюсь ответить на телефонный звонок, пока еду к дому Кати. Я скоро ее верну, и тогда все будет хорошо.

— Алло? — отвечаю я.

— Привет, Айзек, — ее голос звучит ровно и спокойно, без намека на срочность.

— Сейчас не совсем подходящее время, — произношу я сквозь зубы.

Я сразу сожалею, что так ответил.

— О? Я думала, ты должен как можно скорее узнать, что Катя согласилась пойти на аукцион завтра. Но полагаю, что если у тебя нет времени...

Моя кровь леденеет, сердце перестает биться.

— Чушь.

— Нет. Вот что происходит, если растоптать сердце женщины, как сделал ты, Айзек.

Я начинаю тормозить и съезжаю с дороги, останавливаясь на обочине. У меня пересохло в горле, и я не могу вынести эту боль. Прошло лишь несколько часов.

Одна гребаная ошибка

И она сделала шаг.

Я выгнал ее. Я заслужил это. Я качаю головой в отрицании. Я не хотел. Я не имел это в виду.

Мне было страшно, я так боялся, что позволю ей сблизиться, страшился, что могу уничтожить сильную женщину в ней.

— Прости, — говорю я в телефон, но это скорее не Госпоже Линн, а моей Кате. — Я облажался.

— Я знаю, что ты сделал.

— Она не может пойти туда. Не могу позволить ей.

— У тебя нет выбора, — Госпожа Линн фыркает в трубку.

— Ты не понимаешь, — начинаю я.

Я не собираюсь позволять кому-то забрать ее. Нет никого, черт побери, кто бы заслуживал ее больше, чем я.

— Серьезно? А то я не знаю, — голос Госпожи Линн звучит жестко. — Она полюбила, ты полюбил. Ты должен пойти и вернуть ее, Айзек. Тебе следует извиниться и сделать все правильно.

Прежде чем она даже закончила, я вдавливаю ногу в педаль газа и направляюсь к Кате.

— Ее не будет там завтра, — говорю я ей.

— Надеюсь, что не увижу ее, но если она окажется там, я буду очень переживать за тебя.

— Ее не будет, — говорю я решительно и вешаю трубку, не дожидаясь ответа.

Она принадлежит мне.

Стук, стук, стук. Я бью кулаком по двери. Воздух снаружи холодный и жесткий. Мои суставы с каждым тяжелым ударом в дверь испытывают все большую боль. Но лучше чувствовать боль, чем ощущать черную пустоту в груди.

Когда моя рука вновь обрушивается на дверь, та открывается. Стремительный поток воздуха обрушивается на обнаженные плечи Кати, и она укутывается в шаль.

Ее длинные светлые волосы слегка поднимаются от потока воздуха, и холод заставляет ее содрогнуться. Ее щеки горят и на вид пурпурного цвета, очевидно, из-за пролитых слез. Моя бедная Катя. Я это сделал с ней.

Но я все исправлю. Я сделаю все правильно.

— Айзек, — она мягко произносит мое имя.

— Катя.

Я хочу обнять ее, но не могу, не зная, почему она согласилась пойти на аукцион.

— Ты собираешься отправиться на аукцион? — спрашиваю я ее, хотя это скорее утверждение.

Она сверкает глазами, и в них заметен гнев.

— Это не твое дело, если именно по этой причине ты здесь.

Ее хватка усиливается на двери, и я знаю, что она собирается захлопнуть и запереть ее в одну секунду.

— Я не позволю, Катя.

Я твердо произношу эти слова и делаю шаг в сторону Кати, она медленно прикрывает дверь, и, похоже, ей требуется сдержанность, чтобы не захлопнуть ее со всей злости, но взгляд на ее лице не отражает ничего, кроме покорности.

Она злится.

Она качает головой и говорит:

— Ты сказал, что не хочешь меня.

Она пытается быть сильной, но боль в ее голосе очевидна. Это разрывает меня на куски.

— Я ошибался, говоря это, — произношу я спокойно, держа руки вверх и приближаясь к ней, словно к раненому зверю.

Мой бедный котенок. Я сделал это. Это все моя вина.

— У меня будет Хозяин, — говорит она медленно, ее голос звучит крайне низко.

— Тогда я буду твоим Хозяином, — говорю я с уверенностью, сжимая кулаки.

Нет, черт побери, я не отдам ее никому.

— Будешь? — спрашивает она, скрестив руки.

Я слегка наклоняю голову, мое сердце бешено бьется и тревога растекается по моему телу.

Пожалуйста, не отказывай мне, котенок.

Я не показываю страха. Я делаю к ней шаг, и она держится стойко на месте.

— Буду, — отвечаю я ей.

— Ты никогда снова не будешь мне лгать, Айзек.

Катя смотрит на меня покрасневшими глазами, ее нижняя губа дрожит, но все же именно сила является доминирующей чертой в ее выражении.

Меня поразила как сила, так боль в ее голосе.

— Лгать тебе? — мои брови поднимаются в удивлении.

— Ты сказал, что не хочешь меня.

Твою ж мать, мое сердце падает в груди.

— Прости, Катя. Это не было правдой.

— Знаю. Но ты никогда не будешь лгать мне снова, — говорит она, пока сердито стирает слезы со своего лица.

— Никогда, — отвечаю я чуть слышно и двигаюсь вперед, чтобы обнять ее, но она делает шаг назад.

— Ты должен сказать мне, — произносит она тихо.

Ее защита рушится. Я едва могу дышать из-за выражения уязвимости на ее лице.

Сказать ей что? Все, что ей нужно услышать, я скажу ей. Скажу, что угодно, лишь бы убрать выражение боли с ее лица. Мне необходимо, чтобы она была счастлива.

— Я скажу тебе все, что угодно.

— Тогда скажи мне! — кричит она, и я нахожусь в недоумении от ее слов.

Я снова делаю шаг к ней, находясь так близко, что могу прикоснуться, но она отступает назад, выходя из зоны досягаемости. Я падаю на колени перед ней. Отчаявшись остановить ее отдаление от меня, прекратить ее отрицания меня.

— Прости! Мне так чертовски жаль! Я разбит. Мне больно. Я нуждаюсь в тебе. Мне нужно опереться на тебя и научиться верить и доверять, как это делаешь ты!

Я тянусь к ней, сжимая бедра и притягивая к себе.

— Это то, чего ты хочешь?

Она опускает плечи со всхлипом, в то время как отрицательно качает головой. Мое сердце разлетается на миллион осколков.

— Просто скажи мне, что ты хочешь услышать!

Я скажу ей все, что ей нужно. Что бы это ни было, она нужна мне. Я должен вернуть ее.

— Я сказала, что люблю тебя! — кричит она мне, прежде чем захлопывает рот и глубоко втягивает воздух в легкие.

Она хочет этого?

— Конечно, я люблю тебя!

Она падает на пол, обнимая меня за плечи и, наконец, позволяя мне снова обнять ее.

— Я полюбил тебя с того момента, как впервые увидел, — шепчу я ей на ухо, целуя плечо, щеку. И, наконец, губы. Она целует меня с такой же страстью в ответ. Она равная мне во всех отношениях.

— Ты заслуживаешь лучшее, чем я. Больше, чем я могу дать тебе. Но если ты хочешь меня, я не буду отталкивать тебя.

Я оставляю на ее губах нежный, целомудренный поцелуй, прижимаясь своими губами к ее и сближаясь с ней так, как ни с кем другим.

— Я люблю тебя, Катя.

— Я люблю тебя, Айзек, — ее голос мягок и нежен.

— Мой Хозяин, — говорит она шепотом. — Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, котенок.

Эпилог

Катя

— Я собираюсь отвести тебя домой к папочке, — воркуя я, поглаживая живот Тоби, золотистому ретриверу, в которого я влюбилась, несмотря на то, что иногда он становился упрямой собакой. Тоби улыбается мне, пасть открыта, зубы выставлены на показ, пока он игриво бьет лапой мне по рукам.

— Да, я, дружок.

Глядя на него, я вспоминаю Рокси, но сегодня грусть не заполняет меня, когда ее образ всплывает в моей голове. Рокси была бы счастлива за меня прямо сейчас. Я, наконец, нашла кого-то, с кем могу провести остаток своей жизни. Мне только жаль, что Рокси нет, чтобы быть с нами рядом.

— Но ты исправишь это, не так ли, Тоби? — спрашиваю я, щекоча ему живот, отчего из его пасти вырывается милое скуление.

Тоби никогда не заменит место Рокси в моем сердце, но думаю, что он станет хорошей заменой. Я уверена, что Айзек полюбит его. Он сказал мне, что он двойственно относится к собакам, но уверена, Тоби сразит его. Он может победить любого. Его очарование заразно.

— Не так ли, дружок?

Тоби улыбается мне, продолжая бить по мне лапами, и мои глаза наполняются слезами

от счастья. Боже, я так счастлива. Я не могу вспомнить, когда чувствовала себя такой цельной. Дела идут гораздо лучше, чем я ожидала.

Прошло два месяца с тех пор, как я переехала к Айзеку, и все превосходно. Не только между нами, но и во всем. Абсолютно во всем.

Я знаю, еще рано говорить, что я хочу провести остаток моей жизни с Айзеком, но то, что есть между нами, намного сильнее, чем я могла бы себе представить с кем-то еще. Я даже не могу себя представить ни с кем другим. Айзек — мое сердце и душа. Мой Хозяин. Но он гораздо больше этого. Когда-нибудь, надеюсь, скоро, он поймет, сколько смысла он привнес в мою жизнь, насколько я ценю его за мое спасение.

Сейчас я чувствую себя нормально. Нельзя сказать, что с тех пор я изменилась. Но я завожу друзей и чувствую себя непринужденно. Я ощущаю себя целостной. Я даже завела себе подружку в клубе по имени Далия. Айзек стал брать меня в клуб все чаще и чаще. Мне нравится там. Не только из-за притягательности этого места, но и из-за компании. Далии, например. Ее Дом и Айзек всегда рядом. Не знаю, что все они пережили, но понимаю, что он помог Далии исцелиться. Они проходят терапию вместе, что в новинку для них. Люциан сказал, что им следует ходить вместе. Она гордится этим. Она гордится им. Но Далия до сих пор не сказала мне, почему. Я понимаю ее желание не открываться мне, но она все рассказывает Люциану. И это сильно заметно, когда они вместе.

— Итак, это и есть твой единственный и неповторимый? — спрашивает глубокий, знакомый голос.

Помяни черта.

Я делаю глубокий вдох, когда люблюсь Айзеком, стоящим в дверях, его руки небрежно засунуты в карманы брюк.

Он выглядит обалденно, одетый в легкую рубашку, расстегнутую на груди и демонстрирующую красивую загорелую кожу. Я почти чувствую себя виноватой из-за греховных мыслей, проносящихся в моем мозгу, пока глажу Тоби, стыдясь, что так возбуждена на своем рабочем месте. Но я не могу ничего с собой поделать. Айзек всегда делает это со мной. Я могла бы находиться в одной комнате со священником, но один взгляд Айзека мог бы заставить меня неистово покраснеть.

— Да, это он, Хозяин, — отвечаю я игриво.

Мне нельзя называть его Хозяином в общественных местах. Только дома или в Клубе «Х». Но, елки-палки, я не могу ничего с собой поделать. Он не должен быть таким горячим, тогда бы и не было никаких вопросов.

Айзек ухмыляется, бросая взгляд по сторонам, опасаясь присутствия сотрудников, пока собаки лают на заднем фоне. Ему не нужно беспокоиться. Они все в задней части.

— Ты хочешь быть наказана, котенок? — говорит он себе под нос угрожающе.

Я возвращаю ему ухмылку, пока говорю:

— Возможно.

Айзек

— Пожалуйста, Хозяин, — умоляет меня Катя, когда я иду к туалетному столику.

Она делает вдох и впивается пальцами в бедра, чтобы совладать с собой.

Она хочет больше. Она всегда хочет больше. Я собираюсь принять чертову Виагру попросту, чтобы угнаться за ней.

Твою мать, она чувствуете так хорошо. Я никогда не смогу насытиться ей. Я мог бы

трахать ее весь день, и все равно мне было бы недостаточно. Все, что я хочу сделать, это дать ей ни с чем несравнимое удовольствие.

Правда, не сегодня. Мы помогаем ее кухне переехать в старую квартиру Кати. Лисса взволнована переездом в большой город, а Катя счастлива, что та будет рядом.

На самом деле, она бы хотела видеть свою семью все чаще. Особенно маму. Пришло время, и Катя открылась ей. Конечно, она не сообщает ей о порочных аспектах наших отношений, но рассказывает маме все остальное. Она честная и открытая, чувствительная и ранимая. Катя не боится делиться своей болью, потому что знает, что это исцеление. Для всех них. Кати и ее семьи.

Она, наконец-то, смирилась с этим.

Я никогда не видел ее более счастливой и уверенной. Она прекрасная женщина, как внутри, так и снаружи.

Ума не приложу, как меня заставили помочь с переездом кухни Кати. Ладно, грузчики, которых я нанял, выполняют большую часть работы, но все же.

Должен признаться, это приятное вовлечение.

Это ведь даже не было вопросом, целесообразно ли мне быть там или нет. Они все просто предположили, что я мог бы. Если бы это было что-то другое, то я был бы раздражен. Но семья Кати. Она говорит, что они тоже моя семья, и я, возможно, однажды почувствую, что так оно и есть. Но не сейчас.

Так же, как и Кате, нам нужно время. Я теперь не беру новых клиентов для компании по безопасности, чтобы иметь возможность больше времени посвятить ей.

Не вижу теперь смысла. Я не хочу быть человеком, которого я увидел в себе, когда вышвырнул Катю.

Я желаю быть тем мужчиной, которого она видит. Она продолжает говорить мне каждую ночь, что Хозяин означает для нее.

И я обещаю, я буду этим человеком. Я буду прилагать все усилия, чтобы быть идеальным Хозяином для нее.

Пока я открываю ящик туалетного столика, чтобы выбрать игрушки, которые я собираюсь использовать на ней, я наталкиваюсь взглядом на черную бархатную коробочку в углу ящика.

Ее семья устраивает ужин, чтобы отпраздновать отъезд Лиссы, которая теперь будет не зависима, или так думает Катя. Вся ее семья уже знает, что я сделаю предложение. Я обещал им, что она всегда будет окружена любовью. Она этого заслуживает.

Ее мать плакала, когда я сообщил им, и даже у ее отца слезы выступили на глазах. Я испытываю странное чувство единения с ее семьей. Что-то похожее, что у меня было с моей тетей Морин, прежде чем та умерла.

Со временем это чувство будет расти, и я прослежу, чтобы Катя со всех сторон была окружена любовью и семьей.

— Хозяин, могу я прикоснуться к себе? — умоляет Катя меня с отчаянием, но уважительно.

Я выбираю в ящике вибратор.

— Нет, не можешь, — сурово отвечаю я, и она кивает головой в знак подтверждения.

Мой котенок нуждается.

— На спину, — приказываю я ей. — Держи колени.

Мой котенок мгновенно подчиняется, падает назад и обхватывает ноги под коленями.

Ее киска блестит и пульсирует. Она поглядывает на меня, когда я нажимаю переключатель, включая вибратор, и тихое жужжание наполняет комнату. Ее голова падает на кровать, и похотливый стон срывается с ее уст.

— Пожалуйста, поторопись, — умоляет она меня, и это требование заставляет меня усмехнуться.

Иногда она усложняет мне задачу, оставаться в режиме Хозяина.

Одну истину я никогда не буду отрицать:

Я больше раб, чем она когда-либо была, есть и будет для меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net